

**THE PROBLEMS
OF SCIENTIST
AND SCIENTIFIC
GROUPS ACTIVITY**

№7 (37) 2021

ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО И НАУЧНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

№7 (37) 2021

**ПРОБЛЕМЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УЧЕНОГО
И НАУЧНЫХ
КОЛЛЕКТИВОВ**

№7 (37) 2021

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук
Санкт-Петербургский филиал

**ПРОБЛЕМЫ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО
И НАУЧНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ**

Международный ежегодник

ВЫПУСК 7 (37)

Санкт-Петербург
2021

Главный редактор: *Н.А. Ащеулова* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург)

Заместитель главного редактора: *С.И. Зенкевич* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь: *В.А. Курприянов* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург)

Редакционный совет:

Ю.С. Васильев (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург), *И.И. Елисеева* (Социологический институт РАН — филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Санкт-Петербург), *Н.Н. Никольский* (Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт цитологии Российской академии наук, Санкт-Петербург), *Л. Тамаш* (Институт социологии Академии наук Венгрии, Венгрия, Будапешт), *Э.А. Тротт* (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия:

А.М. Аблажей (Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск), *С.А. Душина* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург), *Д.В. Иванов* (Факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург), *Е.А. Иванова* (Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, Санкт-Петербург), *А.М. Скворцов* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург), *Е.Ю. Жарова* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург), *Е.Ф. Синельникова* (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург).

Выпускающий редактор выпуска: *В.А. Курприянов*

Основан в 1968 году. Периодичность издания 1 раз в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (ИИЕТРАН)

ISSN2414-9241

Международный рецензируемый ежегодник «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» издается при содействии Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук, Социологического института РАН, Факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Европейского университета в Санкт-Петербурге, 23-го комитета по социологии науки и технологий Международной социологической ассоциации, Исследовательского комитета социологии науки и технологий Российского общества социологов, Санкт-Петербургской ассоциации социологов.

Журнал предназначен для студентов, аспирантов, научных работников, специалистов по социологии науки, техники, образования. Журнал индексируется в библиографической базе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Ministry of Science and Higher Education
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences
St Petersburg Branch

**THE PROBLEMS OF SCIENTIST
AND SCIENTIFIC GROUPS ACTIVITY**

International Annual Papers

VOLUME 7 (37)

St Petersburg
2021

Editor-in-Chief: *N.A. Asheulova* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg)

Assistant Editor: *S.I. Zenkevich* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg)

Executive secretary: *V.A. Kupriyanov* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch, St Petersburg)

Editorial Board:

Yu.S. Vasiliev (St Petersburg Polytechnic University, St Petersburg), *I.I. Eliseeva* (Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg), *N.N. Nikolsky* (Institute of Cytology of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg), *P. Tamash* (Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest), *E.A. Tropp* (St Petersburg Polytechnic University, St Petersburg)

Editorial Office:

A.M. Ablazhej (Institute of Philosophy and Law of the Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Novosibirsk), *S.A. Dushina* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences St Petersburg Branch, St Petersburg), *D.V. Ivanov* (Saint-Petersburg State University, St Petersburg), *E.A. Ivanova* (St Petersburg Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg), *E.Yu. Zharova* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences St Petersburg Branch, St Petersburg), *A.M. Skvotsov* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences St Petersburg Branch, St Petersburg), *E.F. Sinelnikova* (S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences St Petersburg Branch, St Petersburg).

Managing Editor: *V.A. Kupriyanov*

Founded in 1968. Publication frequency: published once a year

Founder: Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences

ISSN2414-9241

The International Yearbook “The Problems of Scientist and Scientific Groups Activity” is published in cooperation with St Petersburg Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Faculty of Sociology of the Saint-Petersburg State University, St Petersburg Polytechnic University, European University at St. Petersburg, Research Committee on Sociology of Science and Technology RC 23 of the International Sociological Association, Research Committee on Sociology of Science and Technology of the Russian Society of Sociologists, St Petersburg Association of Sociologists.

Papers provide students, postgraduates, researchers and specialists with an advanced introduction to STS.

The International Yearbook “The Problems of Scientist and Scientific Groups Activity” is indexed in the National Bibliographic Database “Russian Science Citation Index” (RSCI).

© S. I. Vavilov Institute for the History of Science
and Technology of the Russian Academy of Sciences, 2021
© Editorial Board of the International Annual Papers, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 7

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ

Жмудь Л.Я. Античная наука как социальный институт 8

Куприянов В.А. Идея научной коммуникации в проектах
Г. В. Лейбница по организации науки. 19

Аллахвердян А.Г. Фиктивный брак как жертвенный путь
к интеллектуальной свободе женщин (по материалам
биографии С.В. Ковалевской) 32

Малинова А.В. Становление методологии социальных наук в
Санкт-Петербургском университете в начале XX века 42

Пешиперова И. Ю. Проблемы просопографических
исследований петербургской философии 54

Синельникова Е.Ф. Профессора и преподаватели «новых»
университетов Поволжья: изменение кадрового состава в
1917-1922 гг. 71

*Серых Д.В., Белозерова И.В., Кузьминых С.В., Онощенко В.В.,
Павличенко Н.А.* Варианты карьерного пути археологов
Петербурга и Москвы конца XIX– начала XX веков (на
примере В.В. Латышева и В.А. Городцова) 84

Ермолаев А.И. «Лаборатория № 7» Казанского университета
и ее роль в становлении молекулярно-генетических
исследований в России. 107

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Иванова Е.А., Николаева Л.Г. Петербургские академические
институты гуманитарного профиля — важное звено в
публикационной активности российских ученых 119

Семенова А.А. Привлекательность научной карьеры в
оценках молодежи 143

ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

<i>Степанов Д.М.</i> К истокам STS: мертонианская парадигма . . .	155
<i>Шкурко Е.А.</i> Донна Харауэй о науке, научном и фигуре ученого: от постмодерна к акторно-сетевой теории.	162
<i>Смирнов И.В.</i> Перформативность научного знания в контексте взлета и падения социального конструктивизма	175

ОБЗОР НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

<i>Аникеев А.В., Бобылев Н.Г., Бойцова О.В., Воронин Б.А., Лучкин С.Ю.</i> Итоги работы российской ячейки выпускников программы Мария Кюри (Marie curie alumni association).	188
<i>Ульянкина Т.И.</i> Вечер памяти Никиты Алексеевича Струве в Доме Русского Зарубежья им. А. Солженицына.	205

ОТ РЕДАКЦИИ

В 2021 г. исполняется 90 лет со дней проведения II Международного конгресса по истории науки в Лондоне. Значимость II Международного конгресса определяется тем влиянием, которое оказали на историю, философию и социологию науки доклады, сделанные советскими делегатами во главе с Н.И. Бухариным. В становлении социальных исследований науки сыграл особую роль доклад советского физики и философа Б.М. Гессена, посвященный социально-экономическим корням механики И. Ньютона.

II конгресс по истории науки оказался важен для всех основных дисциплин, занимающихся исследованием науки. Поэтому память об этом событии позволила объединить и историков, и социологов, и философов науки.

Традиционно выпуск ежегодника включает публикации, посвященные социальной истории науки, вопросам наукометрии, биографиям известных деятелей науки.

В данном выпуске представлены работы по истории античной науки, науки Нового времени и по истории российской науки. Также включены работы, посвященные различным аспектам современной прикладной и теоретической социологии науки. Отмечены мероприятия, ставшие важными для историко-научного и социологического сообществ.

Мы надеемся, что предлагаемый вниманию читателей очередной выпуск международного ежегодника «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» своей широкой проблематикой будет интересен преподавателям и ученым самых разных научных направлений.

Редколлегия ежегодника

АНТИЧНАЯ НАУКА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

Леонид Яковлевич Жмудь

доктор философских наук,
главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: lzhmud@spbu.ru

В статье раскрывается содержание понятия «наука как социальный институт» применительно к античной эпохе. В историко-научной литературе институционализацию науки обычно понимают как возникновение университетов, академий, научных обществ и других научных организаций, тогда как социология рассматривает этот процесс более широко — как формирование системы социальных ценностей и норм, регулирующих деятельность ученых. Греческая наука существовала в целом без поддержки государства, научные организации были в ту эпоху исключением. Тем не менее, греческое общество поощряло мотивации и формы поведения, наиболее выгодные для научной деятельности, тем самым делая их устойчивыми, а основные ценности и нормы, разделяемые ранними греческими учеными, совпадали, полностью или частично, с полисными ценностями и нормами. Это позволяет считать науку античности социальным институтом.

Ключевые слова: социология науки, наука как социальный институт, античная наука, научные ценности и нормы, мотивация научной деятельности.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-011-00509.

Вслед за классическими работами Роберта Мертона (Merton, 1976) и Иосифа Бен-Давида (Ben-David, 1971), возникновение науки в качестве автономного социального института принято относить к XVII в. В исследованиях по античной науке вопрос о ее социальной основе либо вообще не ставится, либо решается отрицательно. Историки античной науки считают ее делом отдельных выдающихся личностей, разбросанных во времени и пространстве и объединенных дисциплинарно, но не институционально. Так, знаток греческой математики Ревель Нетц называет ее «предприятием, которым занимались возникшие *ad hoc* сети любителей-самоучек... они постоянно возникали и исчезали, почти никогда не получая институционального закрепления» (Netz, 2002: 216). В науке видят интеллектуальную деятельность, которая, за редким исключением, не пользовалась поддержкой общества. Например, Джеффри Ллойд, ведущий авторитет в нашей области, писал, что «наука и ученый как таковые не имели признанного места в античной мысли и античном обществе» (Lloyd, 1976: 176). Подобные представления, сложившиеся не в последнюю очередь потому, что социология науки античностью не занималась, нуждаются, на мой взгляд, в пересмотре или уточнении.

В историко-научной литературе, особенно, но не только в отечественной, институционализацию науки гораздо чаще понимают в организационном плане, чем в социально-регулятивном, который принят в социологии (Жмудь, 2021). Признаем: научных организаций в античности действительно не было, за исключением Александрийского Мусея и нескольких ему подобных. Отсюда вовсе не следует, что греческая наука не была социальным институтом, то есть системой ценностей и норм, регулирующих деятельность ученых. Религия как институт старше церкви как организации, так же и наука как институт старше университетов, академий и научных обществ. Институционализация науки начинается с признания самоценного характера научной деятельности как новой формы поведения,

которая воплощает в себе социальные и культурные ценности. Греческая наука возникла и, как правило, существовала без поддержки государства, в чем были и свои преимущества, но представить ее развитие без поддержки общества очень сложно. Тем не менее, принято считать, что вместо социальных оснований у античной науки были основания философские и религиозные, и что грекам этого было достаточно. Однако у точных наук, которые я только и имею в виду, — у математики, астрономии, механики, оптики — подобных оснований в действительности не было. А вот физика и медицина той эпохи опирались на натурфилософию и потому научными стали лишь в Новое время.

Что же привело к возникновению в Греции новых устойчивых форм поведения, присущих ученым, и почему их занятия, поначалу не приносящие обществу никакой видимой пользы, были сочтены достойными признания и поддержки? Мой ответ на этот вопрос состоит в следующем. Своим появлением в VI в. до н.э. наука обязана, во-первых, тому, что греческое общество того времени поощряло мотивации и формы поведения, наиболее выгодные для научной деятельности, тем самым делая их устойчивыми, а во-вторых, тому, что основные ценности и нормы, разделяемые ранними греческими учеными, совпадали, полностью или частично, с полисными ценностями и нормами. Иначе говоря, в греческом обществе существовали такие нормы и установки, которые не просто *позволяли* проявиться врожденным познавательным интересам и мотивациям ученых, но и *побуждали* их действовать так, что это наилучшим образом сказывалось на реализации их личностных интересов, познавательных и социальных, и привело в итоге к выделению научной деятельности в автономный институт.

К наиболее стабильным мотивам, побуждающим к занятиям наукой, сами ученые и те, кто изучает их деятельность, относят: 1) непосредственный познавательный интерес, или познавательную потребность, 2) желание получить профессиональное признание, которое 3) подтверждает творческие достижения

ученого и укрепляет его самооценку. Лауреат Нобелевской премии 1906 г. С. Рамон-и-Кахаль заметил: «У великого ученого должны быть необычайно сильны две эмоции: преданность истине и жажда признания. Доминированием этих двух страстей объясняется вся жизнь исследователя» (Ramón y Cajal, 1999: 39–40). Знаменитый британский математик Годфри Харди среди главных побудительных мотивов к исследованию называл: 1) интеллектуальное любопытство, без которого все остальное ни к чему не приведет, 2) профессиональную гордость, стремление удовлетвориться своей работой и, наконец, 3) амбиции, жажду обрести репутацию и социальное положение, которое она дает (Hardy, 2012: 58, 109). Умножать подобные свидетельства ученых прошлого и настоящего нет необходимости, обратимся к тому, как эти мотивы трактуются в психологии и социологии.

Познавательная потребность (*need for cognition*) как свойство личности обозначает склонность человека заниматься напряженной познавательной деятельностью и получать от нее удовольствие (Cacioppo, 1996; Petty, 2003). Это качество, изучаемое в психологии начиная с 1980-х гг., отражает стабильную внутреннюю мотивацию, а не интеллектуальные способности. Поскольку в каждом поколении рождается примерно равное число людей, способных получать удовольствие от напряженной и успешной познавательной деятельности, в Греции VI в. до н.э. их было, вероятно, столько же, сколько в Египте или в Персии. Но к тому времени греческий полис стал обществом, стеснявшим свободную познавательную деятельность и в целом — творческую активность меньше всех ранее существовавших и современных ему обществ (Зайцев, 2001).

Мотивация достижения (*need for achievement*) как эмоционально окрашенное стремление к успеху в соревновании с некоторыми стандартами мастерства давно выделена в психологии в отдельную область исследования и породила множество различных теорий (Хекхаузен, 2001; Гордеева, 2006). Эта потребность часто фигурирует как в рефлексии ученых, так и

в описаниях мотивационных черт творческих исследователей. Высокий уровень мотивации достижения позволяет человеку достичь лучших результатов тогда, когда он видит, что может добиться своими действиями значительного превосходства. При этом поведение, направленное на успех сам по себе, и то, которое осуществляется ради достижения социального одобрения, очень тесно связаны между собой, их не всегда можно различить.

Стремление к признанию со стороны коллег социология науки с самого начала считала одной из главных социальных мотиваций деятельности ученого. «Желание получить компетентный положительный отклик коллег на свою работу... может, таким образом, считаться нормативно оправданной мотивацией научной работы» (Парсонс, Сторер, 1980: 35–36). На этом основана карьера ученого и его социальное благополучие. В античности научных организаций почти не было, не было и научной карьеры, а за научные труды не платили. Именно поэтому признание со стороны других ученых и значимых слоев общества нередко оставалось единственной социально значимой наградой, способной утолить амбиции исследователя.

Очевидно, что в конкретной познавательной и социальной практике стремление получить удовлетворение от напряженной познавательной деятельности, добиться успеха в соревновании с равными себе и снискать в виде награды их признание дополняют и подкрепляют друг друга. И по отдельности, и в некоторых сочетаниях эти установки действовали до зарождения греческой науки, равно как и позже в культурах, не затронутых ее влиянием. Уникальность Греции того времени состоит в том, что все они смогли проявиться в это время с особой интенсивностью и усилить друг друга благодаря особому характеру полиса, возникшему в условиях глубокой прогрессивной трансформации всех сторон жизни общества. Начиная с периода «темных веков» волны перемен одна за другой накатываются на Грецию, не давая ей вновь стать традиционным обществом,

каким она была в микенскую эпоху (Зайцев, 2001). Греческая наука возникла в условиях длительного экономического подъема, быстрого роста населения и территориальной экспансии. С 800-х по 300-е гг. до н. э. потребление на душу населения в Греции выросло на 50–100%, при этом к концу этого периода оно было более эгалитарным, чем в других средиземноморских обществах (Morris, 2004). Большое социальное равенство позволяло талантливым людям из разных социальных слоев участвовать и соревноваться в широком спектре творческой деятельности (Ober, 2014). Важным показателем социальной трансформации в греческом полисе была высокая вертикальная и горизонтальная мобильность, свойственная любому динамично развивающемуся обществу.

Глубокие экономические и социальные сдвиги привели к созданию в Греции мобильного общества с высокой степенью личной свободы, общества, в котором творческая инициатива встречала гораздо меньше препятствий со стороны традиционных норм и ценностей, чем раньше, а большая уверенность в успехе своих действий служила дополнительной мотивацией для людей, от природы склонных к напряженной познавательной деятельности. Череда перемен изменяет отношение общества к новшеству как таковому на более позитивное (D'Angour, 2011), даже если новшества поначалу казались бесполезными, как в теоретической математике и астрономии. Однако открытия в науке давали возможность добиться успеха и признания в состязании с другими, а к такого рода успехам как раз и стремилась греческая аристократия, которая определяла ценностные ориентации обществе. Математика и астрономия на удивление быстро становятся социально признанной и даже престижной деятельностью, не случайно с самого начала ими занимались преимущественно выходцы из аристократии. В V в. до н.э. к ним присоединились богатые или, по меньшей мере, состоятельные люди. Из ученых VI–IV вв. до н.э. один лишь гениальный математик и астроном Евдокс был человеком простого

происхождения, однако и он по возвращении на родину в Книд был встречен с великими почестями и дал законы своим согражданам. Это большой социальный успех.

Поощряя новшества в познавательной сфере, в том числе и с неочевидной практической ценностью, греческое общество создавало тем самым мощные стимулы для поисков в этом направлении. Именно в такой атмосфере Фалес, политически влиятельный и богатый человек, мог, не будучи профессионалом, каковыми были египетские и вавилонские писцы, взяться за измерение высоты пирамиды или за доказательство того, что углы при основании равнобедренного треугольника равны. Его расчет на то, что в случае успеха он сможет добиться признания и на этом поприще, блестяще оправдался: традиция сохранила его славу как первого в Греции математика. Когда Пифагор нашел неопровержимое доказательство своей теоремы, он совершил познавательный акт, при этом его стремление сделать доказательство неопровержимым было мотивировано и ориентацией на своих соперников, реальных или потенциальных. Когда, стремясь добиться признания, он сделал свое доказательство доступным для других, он совершил социальный акт. Этим он снискал широкую известность далеко за пределами круга математиков: его теорема стала знаменитой, эпиграмму о ней цитируют многие античные авторы. Надлежащим образом награждая славой и почетом тех, кто доказал геометрическую теорему, нарисовал географическую карту или объяснил движение планет, греческое общество и, прежде всего, его образованные элиты, которые частично совпадали с правящими элитами, сделало гораздо больше для раскрытия когнитивного потенциала человека, чем организационной или финансовой поддержкой.

«У греков геометрия была в наивысшем почете, — писал Цицерон, — и потому никто не пользовался бóльшим уважением, чем математики, а мы ограничили это искусство практическими измерениями и расчетами» (*Tusc.* I, 2, 5). Обычный преподаватель математики, астроном-практик или инженер-механик,

живший за счет своих знаний и умений, занимал место в середине социальной пирамиды. Среди занятий, приносящих доход и достойных свободного человека, Цицерон на первое место ставил управление собственным имением, на второе — крупную торговлю, а на третье — медицину, архитектуру и преподавание «свободных искусств», куда входили и точные науки (*De offic.* I, 153). Это взгляд римского политика, а не греческого ученого, впрочем, и в современном мире наука вполне могла бы гордиться почетным третьим местом.

В целом общественное положение античных ученых вполне сопоставимо с тем, что занимали профессора университетов в раннее Новое время: относительно низкий доход при относительно высоком социальном статусе, приравненном к городским патрициям и богатым купцам, сразу за аристократией, а иногда и рядом с нею (Beetz, 1987). При этом в античности, как и в раннее Новое время, слава выдающихся людей свободных профессий — художников, скульпторов, музыкантов, поэтов, философов, ученых — многократно превышала их положение в обществе. Тот же Цицерон, сравнивая богатейшего правителя Сиракуз Дионисия Старшего с «маленьким человеком» из того же города, Архимедом, спрашивает: кто среди всех людей, знакомых с образованностью и ученостью, не предпочел бы быть этим математиком, нежели тем тираном? (*Tusc.* V, 23, 65–66). Признание открытий и достижений ученого, его первенства в состязании с коллегами безусловно повышало его престиж, а потому и социальный статус. Это обеспечивало науке относительно стабильный приток талантов, стремящихся к признанию, — как обладавших необходимыми средствами для жизни, так и вынужденных зарабатывать на жизнь. В рамках полиса такие личности могли теперь удовлетворять свои познавательные интересы путем напряженной исследовательской деятельности, потребность в признании и подтверждении своего превосходства — славой в случае успеха в соревновании с равными себе, а стремление к новизне и оригинальности — возможностью

первыми открыть нечто значимое и убедительно продемонстрировать его истинность. Все это позволяет считать античную науку не только занятием по призванию с некоторыми возможностями профессионализации, но и социальным институтом.

Список литературы

Гордеева Т. О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2006. — 336 с.

Жмудь Л. Я. Институционализация, институционализация, институализация науки // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. Годичная научная конференция. М., ИИЕТ РАН, 2021. С. 30–36.

Зайцев А. И. Греческий культурный переворот VIII–V вв. до н.э. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. — 320 с.

Парсонс Т., Сторер Н. Становление научной профессии (1968) // Научная деятельность: структура и институты / Под ред. Э. М. Мирского, Б. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1980. — 431 с.

Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения. СПб.: Речь, 2001. — 256 с.

Beetz M. Der anständige Gelehrte // S. Neumeister, C. Wiedemann, Hrsg. Res Publica Litteraria: Die Institutionen der Gelehrsamkeit in der frühen Neuzeit. T.I. Wiesbaden: Harrassowitz, 1987. S. 153–173.

Ben-David J. The Scientist's Role in Society. Englewood Cliffs (N.J.), London: Prentice-Hall, 1971. — 207 p.

Cacioppo J.T. et al. Dispositional differences in cognitive motivation: The life and times of individuals varying in need for cognition // Psychological Bulletin. 1996. Vol. 119. P. 197–253.

D'Angour A. The Greeks and the New. Novelty in Ancient Greek Imagination and Experience. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — 264 p.

Hardy G. H. A Mathematician's Apology. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. — 154 p.

Lloyd G. E. R. Greek Science after Aristotle. London: Chatto & Windus, 1973. — 189 p.

Merton R. K. Science, Technology and Society in Seventeenth-Century England. 2nd ed. New York: Howard Fertig, 1970. — 279 p.

Morris I. Economic growth in Ancient Greece // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 2004. Vol. 160. P. 709–742.

Netz R. Greek mathematics: A group picture // Science and Mathematics in Ancient Greek Culture / C. J. Tuplin, T. E. Rihll, eds. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 196–216.

Ober J. Greek economic performance, 800–300 BCE. A comparison case // Quantifying the Greco-Roman Economy and Beyond / Fr. de Callataÿ, ed. Bari: Edipuglia, 2014. P. 103–122.

Petty R. E. et al. The need for cognition // Handbook of Individual Differences in Social Behavior / M. R. Leary, R. H. Hoyle, eds. New York: Guilford, 2009. P. 318–329.

Ramón y Cajal S. Advice for a Young Investigator. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1999.

ANCIENT SCIENCE AS SOCIAL INSTITUTION

Leonid Ya. Zhmud,

DSc in philosophy, principal academic researcher of
St. Petersburg Branch of the Institute for the History of Science and Technology
RAS
St. Petersburg, Russia
Email: l.zhmud@spbu.ru

Whereas sociology understands social institutions as persistent forms of conduct that embody cultural values, in the history of science they are quite often equated with formal organizations — scientific societies, universities, academies, institutes, etc. However, the two senses of the notion of institution as applied to science should be separated. The weakness of the organizational forms of ancient Greek science and lack of state support for theoretical investigations should not, however, be taken for the lack of social support and recognition of science. On the contrary: Greek society encouraged motivations that were most beneficial for scientific activity, thereby making them stable; basic values and norms shared by Greek scientists coincided, in whole or in part, with values and norms of the polis. This allows us to consider ancient Greek science as social institution.

Keywords: sociology of science, science as social institution, ancient science, scientific values and norms, motivations for scientific activity.

УДК: 001.4; 16

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-19-31

ИДЕЯ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОЕКТАХ Г. В. ЛЕЙБНИЦА ПО ОРГАНИЗАЦИИ НАУКИ

Виктор Александрович Куприянов

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: nonignarus-artis@mail.ru

Предметом статьи является реконструкция проектов великого немецкого ученого и философа Г. В. Лейбница, посвященных организации научного журнала, а также учреждения адресного бюро для обмена научной информацией. В статье приводятся сведения об организационных проектах Лейбница, показывается их роль в творческой биографии ученого. Показываются цели и задачи планировавшихся Лейбницем научных организаций. Автор статьи выявляет связь организационных и философских идей Лейбница. Указывается, что Лейбниц рассматривал науку как мудрость. Наука в проектах немецкого философа предстает прежде всего как средство морального совершенствования человечества. Согласно Лейбницу, высшее благо совпадает с истиной, поэтому достижение истины предполагает и обретение морального добра. В статье показывается, что именно для достижения этой цели Лейбниц считал необходимым создание научных организаций. В этом контексте обсуждаются и идеи Лейбница в области организации институтов научной коммуникации (журналов и адресного бюро). Показывается, что смысл этих учреждений Лейбниц усматривал также в достижении морального совершенства человечества. В заключение автор делает вывод, что оптимизм Лейбница оказывается проблематичным в современных условиях, поскольку ускорение и упрощение обмена научной информацией не обязательно ведет к общему росту знаний в обществе, а концепция тождества

морального блага и истинного знания ставится под сомнение как философами, так и самим историческим ходом развития науки.

Ключевые слова: научная коммуникация, Лейбниц, научные журналы, обмен информацией, сети информации, социальная эпистемология.

Великий немецкий философ Г. В. Лейбниц внес существенный вклад во многие науки. Известна его роль в истории математики и физики. Не менее важен вклад Лейбница и в метафизику, логику и юриспруденцию. Об этих сторонах деятельности великого ученого написано много литературы и в целом современные историки науки достаточно адекватно представляют себе историческую значимость Лейбница в естествознании, в философии и в гуманитарных науках (см.: (Aiton, 1985), (Böger, 2001)). Однако не менее существенной была для Лейбница и деятельность в сфере организации науки. На протяжении всей своей творческой биографии Лейбниц составлял проекты научных обществ и академий и осуществлял попытки их реализации. К числу наиболее известных научных организаций, которые в той или иной степени оказались связаны с активностью Лейбница, относятся Петербургская академия наук (Герье, 2008) и Берлинская академия наук (при сновании названная «Курфюршеское Бранденбургское научное общество» («Kurfürstlich Brandenburgische Societät der Wissenschaften»)). Однако не менее важной оказалась для Лейбница и система научной периодики, к организации и ранней истории которой он также имел непосредственное отношение. Цель данной статьи — в реконструкции ранних проектов Лейбница по организации научной периодики. Мы покажем связь организационных идей Лейбница с его философскими концепциями и укажем на их значимость в контексте современных проблем научной коммуникации.

Еще в самом начале своей творческой биографии Лейбниц сделал первые наброски проектов организации науки. Наиболее значимыми оказались следующие проекты: «Semestria literaria» («Литературный шестимесячник»), «Grundriss eines Gedenkens

von aufrichtung einer Sozietät in Teutschland zu aufnehmender Künste und Wissenschaften» («План размышлений об учреждении Общества в Германии для развития искусств и наук»), «Societas filadelfica» («Общество братолюбия»), «Plan d'une Société allemande» («План немецкого общества»), «План Академии в Саксонии» («Plan d'une Academie en Saxe»), «Проект мемуара Лейбница для царя Петра» («Projet d'un memoir de Leibniz pour le Czar Pierre») (названия проектов даны редактором издания проектов Лейбница Л. Ф. Фуше де Карейем). С проблемами научной коммуникации связаны в той или иной степени почти все организационные проекты Лейбница. Более того, проблема коммуникации является центральной для них, поскольку, как полагал Лейбниц, организация обществ и академий нацелена именно на структурирование коммуникации. В этом отношении обращает на себя внимание проект, озаглавленный «Consultatio de naturae cognitio ad vitae usus promovenda instituendaque in eam rem Societate Germana» («Рассмотрение вопроса о природе познания...»). Основная идея, которую Лейбниц вкладывает в основание предполагаемого научного сообщества, заключается в том, что главная цель науки — совершенствование человека ради приближения его к Богу. Однако наиболее пригодным способом реализации науки как средства морального совершенствования оказывается в институциональном отношении именно форма организации ученых в специальные объединения, поскольку только в совместной работе ученые способны к наибольшей результативности. В данном контексте Лейбниц обсуждает и роль научной коммуникации, полагая, что научные общества необходимы именно в целях организованности этого коммуникативного обмена. Философ пишет: «Совершенство человека в том состоит, чтобы быть тем, кем он может быть, а это наибольшая мудрость и сила <...> мудрость и сила человеческого рода преумножается двумя способами: отчасти тем, что открываются новые науки и искусства и отчасти тем, что люди приучаются к уже познанному <...> Будут науки

и искусства, насколько это возможно, преумножаться всеобщим сообщением (*corresponso*), а также старательным исследованием природы вещей» (*Oeuvres de Leibniz*, 1875: 7: 94–95). В этой связи становится понятным, почему практически во всех своих проектах Лейбниц подчеркивает важную роль организации библиотек. Так, в проекте, датированном 1668 г., «*De vera ratione reformandi rem literariam meditationes*» («Размышления о правильном способе реорганизации литературных занятий») Лейбниц пишет, что в задачи научного общества входит создание «всеобщей библиотеки» и специального указателя.

В обсуждаемых проектах важным представляется понимание науки как *мудрости*. Для Лейбница смысл науки заключается отнюдь не в решении технических проблем и головоломок. Эта задача также входит в круг того, чем должен заниматься ученый. Однако смысл науки относится к области морали (см.: (Куприянов, 2020)). В этом отношении высшее благо как главный объект устремлений человека совпадает с истиной и таким образом оказывается также и предметом науки. В данном контексте важно упомянуть, что лейбницевские проекты организации науки проникнуты и религиозным смыслом. Немецкий ученый описывает задачи научных обществ, используя понятия «блаженство», «общая польза», «удовольствие», которые имеют в его философских рассуждениях теологический смысл. Поэтому понимание науки у Лейбница наполнено комплексом метафизических, теологических, а также и политических аспектов.

Тем не менее в творчестве Лейбница есть и специальные проекты, нацеленные на организацию институтов научной коммуникации. Это датированный 1668-м годом проект «*Semestria literaria*» («Литературный шестимесечник») (См.: (Couturat, 1901: 501)). А также не менее важный проект «Всеобщего адресного бюро» («*Bureau d'Adresse general*»), датированный 1712–1713 гг. ((*Oeuvres de Leibniz*, 1875:358–366), который связан

с проектом «*Semestria literaria*» (*Oeuvres de Leibniz*, 1875: 7: 155–163). Актуальность данных проектов в истории научной коммуникации обусловлена главным образом тем фактом, что они предполагали создание научного журнала и в этом смысле предлагали теоретическое обоснование этого нового для того времени института. При этом многое, о чем Лейбниц писал в этих проектах, было так или иначе реализовано на практике и нашло репрезентацию в системе научной периодики, существующей вплоть до наших дней.

Научные журналы стали появляться в Европе с 1665 г., когда с интервалом примерно в три месяца в Англии и во Франции стали выходить «*Journal des sçavans*» и «*Philosophical transactions*», ставшие первыми журналами в истории научной коммуникации (см.: (Куприянов, 2020b)). При ознакомлении с указанными проектами Лейбница не остается никакого сомнения, что великий немецкий ученый ориентировался именно на эти издания. Причем, как показано в исследовательской литературе, основной для него служил именно французский «*Journal des sçavans*», а также и французское «*Bureau d'Adresse*» и отчасти аналогичное английское учреждение «*offices of intelligence*» (Couturat, 1901: 502), (Tantner, 2011: 319–321). «*Journal des sçavans*» издавался в Париже с 1665 г. в начале силами советника парижского парламента Д. де Салло и имел в качестве своей главной цели «знакомить о том, что происходит нового в республике ученых». Для этого, как следует из обращения к читателю в первом номере журнала издатели планировали публиковать точный каталог издаваемых книг, «но не только лишь заголовки книг, но и описание их содержания», хвалебные речи, (*Éloge*), сведения о новейших открытиях в области математики и физики, наблюдения, изобретения, машины, а также важные решения светских и церковных судов. Однако вплоть до самого конца XVIII в. основное содержание журнала состояло именно из обзоров книг, в силу чего этот журнал часто называют «журналом выдержек» («*Journal d'extraits*») (см.: (Vittu, 2013) (Vittu,

2002a), (Vittu, 2002b)). «Extraits» представляли собой краткое изложение содержания обсуждаемой книги и не предполагали критики. Их цель заключалась не более чем в информировании о новинках литературы из мира науки. По модели «Journal des sçavans» в Европе с конца XVII в. издавались сотни журналов, главная функция которых заключалась в агрегировании информации о новейшей научной литературе.

Ранний проект Лейбница «Semestria literaria» был ориентирован именно на информирование о новинках книжной литературы. Согласно проекту, главной целью издания, которое должно было выходить к франкфуртской книжной ярмарке два раза в год, была публикация «отчетов об изобретениях, проектах, наблюдениях и прочих интересных идеях, о которых авторы не желают составлять книги», «отчетов о новых книгах с краткими выдержками об их содержании», а также составление коллекции «литературных сокровищ» (под этим понимались ранее изданные книги, диссертации и письма, которые представляли интерес для науки) и «описание искусств, наук, путешествий, редкостей, животных, растений, инструментов, машин, “работ всех профессий” и свободных искусств» (Oeuvres de Leibniz, 1875:7: 155–157). Составление выдержек из книг Лейбниц понимает точно также, как это было представлено в «Journal des sçavans». Он пишет: «Нужно добавить обзор новых книг с выдержками из них, которые были бы так составлены, чтобы показать реальную ценность книги, чем она может быть полезна и что из ее содержания может быть использовано» (Oeuvres de Leibniz, 1875: 7: 156).

Однако, согласно плану Лейбница, кроме обзоров *новых* книг «Semestria literaria» должна была содержать информацию в целом обо всей литературе (в том числе и древней), которая представляла интерес для науки. В этом контексте великий философ и ученый усматривает прототип для своего издания в известной «Библиотеке патриарха Фотия» (Oeuvres de Leibniz, 1875: 7: 156–157). Конечной же целью всего проекта является

составление «Ввсеобщей сжатой библиотеки» («*Bibliotheca universalis contracta*»), которая, говоря современным языком, служила бы ориентиром в мире научной информации. В этой связи Лейбниц указывает на беспорядочность и неорганизованность современной ему коммуникации. «В современной путанице — констатирует философ — <...> мы не знаем, чем мы обладаем» (*Oeuvres de Leibniz*, 1875: 7: 160). Лейбниц сравнивает современного ему ученого с купцом, «которому нужно вести значительную торговлю, но который при этом не ведет учетных книг» (*Oeuvres de Leibniz*: 1875: 7: 161).

В качестве средства преодоления неудовлетворительного положения дел в научной коммуникации Лейбниц видел создание «инвентаря» научной литературы, научных открытий и всех полезных для науки средств фиксации знаний. В итоге такой инвентарий должен, по его замыслу, послужить основой для «Совершенной энциклопедии» («*Encyclopedia perfecta*»). Лейбниц пишет: «Создание и продолжение *Semestria* и обзор за несколько лет почти всех лучших книг, описание всех искусств, *facultaeten* и *professionen*, а затем сохранение в письменном виде всей человеческой науки предоставит материал и создаст основу для построения *Encyclopedia perfecta*» (*Oeuvres de Leibniz*, 1875: 7: 161). «Совершенная энциклопедия» в проекте Лейбница выполняет функцию не просто некоего компендиума знаний. Такие издания составлялись в Европе еще во времена Античности и Средних веков. Для Лейбница важно, что «Совершенная энциклопедия» является *системой* знаний, необходимой для достижения истинного знания. Систематичность предполагает, что в основе структуры знания лежит некий единый принцип. В этой связи Лейбниц на протяжении всей своей творческой деятельности непрестанно занимался поиском такого принципа. В рассматриваемом проекте он предлагает опираться на подход, который в той или иной степени был представлен в его время. В «Совершенной энциклопедии» знание должно систематизировать по трем типам. *Истины разума* располагаются

demonstrative, т. е. математическим способом, *предположения и гипотезы*, не имеющие статуса аподиктического знания, должны располагаться по степени вероятности, а исторические истины, источником которых является опыт, должны классифицироваться согласно своим субъектам и атрибутам (*attributorum et subjectorum*) в общую «космографическую систему» в соответствии со своим пространственно-временным положением (*Oeuvres de Leibniz*, 1875: 7: 161–162). Таким образом, составление энциклопедии знания, что является главной задачей «*Semestria literaria*», требует решения эпистемологических проблем, главной из которых является выработка *метода*, или, как писал Лейбниц, искусства открытия и суждения (*Ars inveniendi et judicandi, Analytica et combinatoria*). Издание журнала предполагает не составление некоего хаотичного свода знаний, а метод мышления, который необходим для выработки систематичности. Только таким образом периодическое издание сможет стать средством постижения истины, ведущей к моральному совершенствованию человека.

Рассмотренный нами проект «*Semestria literaria*» не является изолированным текстом. Идейно он связан и с другими проектами великого немецкого философа и ученого. В данном контексте невозможно не упомянуть о более позднем проекте (1712/13 гг.), направленном на организацию своего рода информационного агентства науки — «*Notiz-Amt*», или «*Bureau d'Adresse*», проекте «Адресного бюро», который имел английский и французский прототипы. Более того, набросанный Лейбницем проект был частью плана работы Королевского общества наук (Tantner, 2011: 319). Также как и в других упомянутых нами проектах, основная идея Лейбница в данном наброске заключается в том, что совершенствование средств коммуникации (упрощение, ускорение и структурирование коммуникативных процессов) влечет за собой и прогресс в исследовании истины, который обуславливает и моральное совершенствование. Основная смысл описываемого Лейбницем учреждения

заключается в том, что благодаря ему люди, которые нуждаются друг в друге, получают возможность друг с другом познакомиться (Oeuvres de Leibniz, 1875: 7: 358). Главное в работе предполагаемого учреждения состояло в том, что оно должно было стать посредником в информационном обмене между всеми, кто заинтересован в науке, ведь каждый благодаря «Notiz-Amt», как пишет Лейбниц, «находит то, что ищет, и часто получает возможность искать и просить то, о чем он иначе и не подумал бы» (Oeuvres de Leibniz, 1875: 7: 359). Это касается прежде всего книг, информации о научных открытиях, изобретениях и вообще всех новшествах в мире науки. Более того, согласно проекту, «Notiz-Amt» должно служить хранилищем ценных вещей, местом проведения аукционов и лотерей, а также должно нотариально заверять контракты. Неотъемлемой частью информационного обмена должна была стать и публикация специального издания — «Diarium der dienlichen fürgefallenen dinge» («дневника текущих полезных вещей»). Это издание должно выполнять функции научной газеты (Oeuvres de Leibniz, 1875: 7: 361). По замыслу Лейбница всю территорию Священной римской империи, а также Францию и Италию было необходимо покрыть сетью подобных учреждений, которые, сообщаясь между собой, выполняли бы тем самым функции информационной службы для науки в масштабах всей Европы. Таким образом науки и искусства распространились бы и охватили бы все общество (Oeuvres de Leibniz, 1875: 7: 362).

В своем проекте адресного бюро Лейбниц также достаточно подробно рассматривает и вопросы финансово-экономического обеспечения деятельности этого учреждения. Однако главное для нас в его проекте — это сама идея того, что улучшение информационного обмена на основе определенного принципа систематизации знания и создание в связи с этим специальной вспомогательной инфраструктуры способствует прогрессу науки как мудрости с ее главной целью в виде морального совершенствования человека. В этой идеи Лейбница представляют

собой новое слово в истории организации науки. В целом XVII–XVIII вв. характеризуется в истории научной коммуникации высокой развитостью научных обществ и высокой значимостью переписки как средства обмена информацией. В истории раннего Нового времени известна роль М. Мерсенна, С. Хартлиба и других ученых и любителей науки, выполнявших роль своего рода центров коммуникации. Однако, как мы показали, намерение Лейбница заключалось в создании общеевропейской системы институций, призванных структурировать обмен научными знаниями.

В XX в. многие замыслы Лейбница были реализованы. Сегодня наука имеет развитую вспомогательную инфраструктуру: центры научной информации, журналы и коммуникативные службы, сети для обмена данными. Более того, сегодня вопрос улучшения доступа к информации путем создания соответствующих организаций не является столь актуальным, как во времена, когда жил и работал великий немецкий ученый. Недаром современное общество справедливо называется информационным. Научная коммуникация сегодня опосредована также и цифровыми технологиями, обеспечивающими быстрый и практически беспрепятственный доступ к публикациям, конференциям и научным новостям. Однако современное состояние средств научной коммуникации показывает противоречивость и неоднозначность самого главного элемента проектов Лейбница — их философских оснований. Лейбницевские проекты предполагают, что наука гуманистична по своей сути, поскольку истина не противоречит добру. Отстраняясь от вопроса о том, что сама идея тождества высшего блага и истинного знания была в значительной мере поколеблена в философии с конца XVIII в., важно обратить внимание на то, что сам ход развития науки ставит под сомнение оптимизм, вдохновлявший Лейбница и многих его современников. Избыток информации, создание рынка научной информации и его перенасыщение, легкость доступа к информации, приводящая к ее девальвации,

вряд ли могут обеспечить беспрекословный рост научных знаний и моральное совершенствование человечества. Благодаря коммерциализации институтов коммуникации «знание выступает как экономическая категория» (Касавин, 2020: 136). В таком случае избыток информации и ее легкодоступность не обязательно влекут за собой рост уровня знаний и увеличение сплоченности научных коллективов.

Тем не менее роль великого немецкого философа в истории организации науки сложно переоценить. Ведь, вероятно, правильно было бы сказать, что хотя многие проекты Лейбница остались лишь на бумаге, они все же оказали влияние на организацию науки, поскольку обозначили необходимый вектор развития. Главным достижением Лейбница было то, что ему удалось показать необходимость превращения хаотичного, мало организованного обмена письмами и публикациями, при котором многие важные достижения науки не находили своей аудитории, в централизованную систему, необходимую для консолидации усилий научного сообщества для решения общих задач.

Список литературы

Герье В.И. Лейбниц и его век. Отношения Лейбница к России и Петру Великому. СПб.: Наука, 2008. 807 с.

Касавин И.Т. Наука — гуманистический проект. М.: Весь мир, 2020. 496 с.

Куприянов В. А. Коммуникативная природа научного сообщества (по материалам научно-организационных проектов Лейбница) // Наука как общественное благо. сборник научных статей Второго Международного Конгресса Русского общества истории и философии науки. Санкт-Петербургский государственный университет; Русское общество истории и философии науки. Москва, 2020. С. 63–66.

Куприянов В. А. Проблема приоритета в вопросе о возникновении научных журналов // Эпистемология и философия науки. 2020b. Т. 57. № 4. С. 185–198.

Aiton E. J. Leibniz. A Biography. Bristol and Boston: Adam Hilger, 1985. Pp. xiv + 370.

Böger I. «Ein seculum ... da man zu Societäten Lust hat». Darstellung und Analyse der Leibnizschen Sozietätspläne vor dem Hintergrund der europäischen Akademiebewegung im 17. und frühen 18 Jahrhundert. München, 2 Auflage. Herbert Utz Verlag, 2001. 728 s.

Couturat L. La Logique de Leibniz: d'après des documents inédits, Paris, Félix Alcan, 1901. 608 p.

Oeuvres de Leibniz. Publ. pour la première fois d'après les manuscrits orig. avec notes et introd. par A. Foucher de Careil. T. 7. Paris: Didot, 1875. P. 94–126.

Tantner A. Das Wiener Frag- und Kundschaftsamt. Informationsvermittlung im Wien der Frühen Neuzeit // Wiener Geschichtsblätter. 2011/2. № 66. S. 313-342.

Vittu J.-P. La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714. Premier article: d'une entreprise privée à une semiinstitution // Journal des savants. 2002a. No 1. Pp. 179-203. 9.

Vittu J.-P. La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714. Second article. L'instrument central de la République des Lettres // Journal des savants. 2002b. No 2. Pp. 349-377.

Vittu J.-P. Un système européen d'échanges scientifiques au XVIIIe siècle: les journaux savants // Le Temps des medias. 2013. No 20. P. 47-63.

THE IDEA OF SCIENTIFIC COMMUNICATION IN ORGANIZATIONAL PROJECTS OF G. W. LEIBNIZ

Victor A. Kupriyanov,

PhD in philosophy, Senior research fellow
S.I. Vavilov Institute for the History of Science
and Technology, RAS, St. Petersburg Branch;
St. Petersburg, Russia
nonignarus-artis@mail.ru

The article is devoted to the reconstruction of the projects elaborated by the great German philosopher and scientist G. W. Leibniz. The author deals with the projects dedicated to the foundation of the new journal and the address bureau for the information exchange. The article gives information concerning the Leibniz's organizational projects and highlights the role they played in his creative biography. The aims of the scientific societies planned by Leibniz are shown as well. The author of the article reveals the ties between Leibniz's organizational and philosophical ideas. The article also indicates that Leibniz considered science as wisdom which in his projects appeared to be a means of the moral improvement of the Mankind. According to Leibniz, the highest good coincides with the truth, therefore achieving the truth implies becoming morally good. The article shows that Leibniz understood the creation of the scientific societies as necessary condition for the achieving this aim. In this context the author discusses Leibniz's ideas about organization of the institutions of the scientific communication (journals and address bureaus). In conclusion, the author states that Leibniz's optimism appears to be problematic in modern conditions since acceleration and simplification of the transfer of information does not necessary lead to the general growth of knowledge in society. Moreover, the conception of identity of the moral Good and the truth knowledge has been called into question by both the philosophers and the very course of the historical development of science.

Keywords: scientific communication, Leibniz, scientific journals, information exchange, information networks, social epistemology.

УДК: 929

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-32-41

ФИКТИВНЫЙ БРАК КАК ЖЕРТВЕННЫЙ ПУТЬ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЕ ЖЕНЩИН

(по материалам биографии С.В. Ковалевской)

Александр Георгиевич Аллаhverдян

кандидат психологических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра истории организации науки и
науковедения Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН;
Москва, Россия
e-mail: sisnek@list.ru

Дискриминация женщин в середине XIX в., состоящая в недопущении их к высшему образованию в России, вынуждала женщин к фиктивному бракосочетанию, снимающему традиционное ограничение. Молодые мужчины, озабоченные нарушением гражданских прав женщин, соглашались на фиктивный брак. Это открывало замужним женщинам возможность выезжать из царской России и иметь шанс обучаться в высших учебных заведениях зарубежных стран. Фиктивный брак сыграл огромную роль как в личной жизни С.В. Ковалевской, так и открыл возможность ее творческой самореализации в области математики за пределами царской России.

Ключевые слова: высшее образование, фиктивный брак, жертвенное поведение мужчины, творческая самореализация, зарубежный университет

Феномен «фиктивного брака» как новое социальное явление в истории Российской империи 1850-1860-х гг., стал символом борьбы за гражданские права. «Это было время не только политического кризиса, но и большого демократического подъема, на волне которого был поднят и женский вопрос. Девушки из дворянских семей или среды разночинцев, желающие учиться в университетах (в том числе и за границей), но не имевшие

на это согласие родителей, часто заключали брачные союзы. Модель поведения благородного мужчины в России обуславливалась стремлением взять на себя ответственность за женщину, которую общество лишило гражданских прав», (Афанасьева, 2018: 64), в частности, возможности получения высшего образования.

Е.Ф. Литвинова, биограф и близкая подруга С. Ковалевской отмечала, что молодежь в то время «отличалась многими особенностями; в ней замечалось большое оживление и горячая, безграничная вера в осуществление на Руси всего светлого, прекрасного, благородного, возвышенного. Эта вера в себя и в человека вообще составляет отличительную черту того времени. Самые обыкновенные женщины считали себя в то время способными жертвовать всем для какой-нибудь слишком отвлеченной идеи и мечтали о высшем образовании. Самые «чувственные» молодые люди женились на женщинах, не представляющих в этом отношении ничего привлекательного. Может быть, в то время было много лицемерия, много так называемых сделок с самим собою, но основой всего этого все-таки была вера во все лучшее» (Литвинова, 1894: 22). Молодые люди, в условиях сложившейся социальной несправедливости, дискриминации женщин, стремившихся продолжить свое образование в университетах, проявляли готовность «дать женщине то, что она не получала от социума. Это объясняет беспрецедентный феномен заключения фиктивных браков в России в 1860-х гг. Молодые мужчины, чтобы дать возможность девушкам вести самостоятельную жизнь, получать образование в Петербурге или за границей, соглашались на эту жертву. Эта поведенческая модель самопожертвования возникла в контексте идеалистических представлений о том, что любовное влечение можно подавить силой воли. Как правило юноши, вступающие в брак, втайне любили своих фиктивных жен, но добровольно отказывались от супружеских прав!» (Афанасьева, 2018: 64).

Жертвенность состояла в том, что после заключенного брака, традиционно освящаемая православной церковью, супруги не имели права, открыто, всего лишь по обоюдному желанию, расторгнуть брак. Брак мог быть расторгнут лишь формальным духовным судом по просьбе одного из супругов при вполне определенных и прописанных условиях в «Своде законов Российской империи». Российское законодательство о разводе в XIX в. было намного строже, чем в других европейских странах, где почти повсеместно ко второй половине этого столетия, наряду с церковным, был введен и гражданский брак. В России брак «мог быть расторгнут только формальным духовным судом по просьбе одного из супругов на следующих основаниях: 1) в случае доказанного прелюбодеяния другого супруга; 2) добрачной неспособности к брачному сожитию; 3) в случае когда один из супругов приговорен к наказанию, сопряженному с лишением всех прав состояния, или же сослан на жительство в Сибирь с лишением всех прав и преимуществ; 4) в случае безвестного отсутствия супруга. Брак не мог быть расторгнут по взаимному согласию супругов» (Яненко, 2013: 192). Это существенно осложняло жизнь мужчин, которые, жертвуя собою ради «освобождения» женщин, на долгие годы обрекали себя на существенные ограничения в личной жизни.

Феномен «фиктивный брак», его восприятие и общественные оценки, в разных ракурсах, был описан во многих работах, (Афанасьева, 2018; Иванов, 1999; Ковалевская, 1951; Кочина, 1981; Литвинова, 1894; Штрайх, 1935), посвященных стремлению молодых женщин и тем законодательным барьерам, которые стояли на пути получения ими высшего образования в России и за ее пределами. Феномен фиктивного брака имел место и сыграл большую роль в семье помещика В.В. Корвин-Круковского, оказался судьбоносным в жизни его детей, прежде всего, младшей дочери Софьи. Корвин-Круковский родился в 1800 г., в 17 лет был на военной службе юнкером, к 1848 г. — командиром Московского артиллерийского гарнизона, полковником.

А через десять лет, выйдя в отставку в чине генерал-лейтенанта, поселился в своем имении, в деревне Палибино Витебской губернии. Его супруга, Е.Ф. Шуберт, была внучкой петербургского академика астронома Ф.И. Шуберта.

Повзрослевшие дочери Корвин-Круковского, Аня и Софья, каждая в силу индивидуальной мотивации, стремились повысить свой образовательный уровень. Когда старшая сестра Аня поведала отцу, что хочет ехать в Петербург учиться, он был сильно встревожен этим неожиданным сообщением. Софья мечтала о том, что после обучения в университете, она откроет новые возможности на жизненном пути россиянок, станет ученой. Для достижения своей цели необходимо было прослушать курс лекций в высшей школе. Сестры стали размышлять о поездке за границу. К ним собирались присоединиться и другие девушки, стремящиеся к расширению своего образования (Кочина, 1981: 36).

Женщины, мечтавшие о высшем образовании, уже более не желали работать гувернантками в чужих домах. Хотя в уставах российских университетов не было прямого указания о запрете на поступление женщин в высшие учебные заведения, сложившиеся традиции допускали прием в них только мужчин. Были лишь весьма редкие случаи обучения женщин в российских университетах, в большинстве же случаев они могли получить образование лишь в зарубежных университетах. Так, например, в 1864/1865 учебном году медицинский факультет Петербургского университета посещала лишь одна Кошеварова, за которую ходатайствовал оренбургский генерал-губернатор, желавший иметь в своих владениях женщину-врача для мусульманского населения. У российских женщин, стремившихся к высшему образованию, не оставалось иного выбора, как пытаться получить его в европейских университетах (Иванов, 1999: 105). И часть из них вынуждена была идти на заключение фиктивного брака, чтобы иметь возможность получить высшее образование в зарубежных странах. «Семнадцатилетняя Софья

искренно верила Анне, что и для нее нет спасения без фиктивного брака одной из них. К тому же она сама обладала большой интенсивностью желаний, которая часто заставляла ее выбирать самый краткий путь для достижения цели. Одним словом, ей захотелось, загорелось ехать учиться; отца же, во всяком случае, нельзя было уломать скоро» (Литвинова, 1894: 24).

Первым, кто был готов стать фиктивным мужем Сони, стал сын священника Иван Рождественский, типичный демократ-нигилист. На вопрос Корвин-Круковского о его социальном положении, Рождественский ответил: «Занимаюсь свободной педагогикой». Иван Рождественский явно не понравился генералу, он поблагодарил новоявленного жениха за предложение руки его дочери, заявив что она слишком молода и ей еще рано выходить замуж (Ковалевская, 1951: 492).

Усилия по заключению фиктивного брака предпринимала и старшая сестра Аня. Всю зиму и весну 1968 она искала подходящего кандидата на роль фиктивного мужа. «Наконец, ее познакомили Владимиром Онуфриевичем Ковалевским, занимавшимся в то время издательской деятельностью. Он родился в дворянской семье, в поместье Шустянка, недалеко от Палибино. Обучался в аристократическом училище правоведения. С ранних лет проявлял незаурядные способности, глубокое знание европейских языков, «которое впоследствии дало ему возможность изучать в подлинниках иностранную научную литературу и писать свои выдающиеся палеонтологические исследования сразу по-французски, по-немецки и по-английски. Кроме того он знал как свои родные, языки и польский и русский, в школе изучал латинский, а в зрелом возрасте — итальянский» (Штрайх, 1935: 50). В. Ковалевский «не был богат и, вероятно, для приобретения средств занялся переводом и изданием естественнонаучных сочинений. Переводы свои он диктовал так быстро, что утомлял писавших. По наружности своей Ковалевский всего менее подходил к изящным девицам Корвин-Круковским. Довольно тщедушный, рыжеватый, с большим мясистым

носом, он, вероятно, не обратил бы на себя их внимания, если бы дело шло о любви, и они, может быть, и не заметили бы тогда его добрых, умных, живых голубых глаз, большого белого лба, его поистине братского отношения к женщинам, которому он оставался верен всю свою жизнь » (Литвинова, 1894: 25).

В 1861 г. В.О. Ковалевский поступил на службу в Сенат, но вскоре был вынужден подать прошение на отпуск за границу в связи с необходимостью лечения. Попутно он побывал в Гейдельберге, Париже, Ницце, где встречался со своими знакомыми по студенческим кружкам. На службу он уже не вернулся, а в конце года поселился в Лондоне, где познакомился с Герценом, другими русскими эмигрантами, что послужило поводом для слежки за ним агентов царской жандармерии.

После возвращения в Петербург Ковалевский развивает бурную деятельность по переводу научных трудов, учебников и научно-популярных книг по различным отраслям естествознания, а позднее, в 1866 г. выпускает роман Герцена «Кто виноват?» без имени автора. Второе издание романа также вышло, но весь тираж был сожжен по распоряжению царской цензуры. Ковалевский потерпел большой убыток. Необходимо отметить, что в издательских делах он не стремился к выгоде, цели у него были преимущественно идейные, ориентированные на распространение естественнонаучных знаний. И ко времени знакомства с отцом Софьи у него накопилось долгов около двадцати тысяч рублей (Кочина, 1981: 38).

На пути заключения фиктивного брака сестер Корвин-Круковских поджидали и неожиданности. «Когда Анята познакомилась Ковалевского с Софьей, он заявил, что женится только на младшей. Он согласен быть фиктивным мужем и не стеснять жены, но если требуется жертва для освобождения девушки от родительского гнета, то пусть это будет, по крайней мере, с пользой для науки. А Софья так страстно хочет учиться и любит естественные науки, которые влекут к себе и самого Ковалевского. Анята совсем растерялась при таком обороте событий.

Софья сказала, что все уладит: добьется согласия родителей на свой брак с Ковалевским и убедит их отпустить старшую сестру с нею как с замужней женщиной» (Штрайх, 1935: 56).

В.О. Ковалевский был очень рад неожиданному знакомству с сестрами Корвин-Круковскими. «Право, — писал Ковалевский, — знакомство с вами заставляет меня верить в сродство душ, до такой степени быстро, скоро и истинно успели мы сойтись, и, с моей стороны, по крайней мере, подружиться. Последнее два года я от одиночества, да и по другим обстоятельствам, сделался таким скорпионом и нелюдимым, что знакомство с вами и все последствия, которые оно необходимо повлечет за собой, представляются мне каким-то невероятным сном. Вместо будущей хандры у меня начинают появляться хорошие, радужные ожидания, и как я не отвык увлекаться, но теперь поневоле рисую себе в нашем общем будущем много радостного и хорошего» (Штрайх, 1935: 57).

Восхищенный волевым настроем и целеустремленностью Софьи, В. Ковалевский в мае 1968 г. писал своему старшему брату: «Младшая, именно мой воробышек, такое существо, что я и описывать ее не стану, потому, что ты естественно, подумаешь, что я увлечен... Несмотря на свои 18 лет, воробышек образован великолепно, знает все языки как свой собственный и занимается до сих пор главным образом математикой, причем проходит уже сферическую тригонометрию и интегралы, работает как муравей с утра до ночи и при всем этом жив, мил и очень хорош собой. Вообще это такое счастье свалилось на меня, что трудно себе представить» (Резник, 1998: 99). В. Ковалевский свою встречу с Софьей считал важной вехой в своей жизни. Своей работоспособностью и жаждой новых знаний Софья стала для Ковалевского «примером и воодушевила вновь вернуться к научным занятиям. Занявшись зоологией ископаемых позвоночных, Ковалевский в течение трех-четырех лет создал несколько классических работ, послуживших основой научной сравнительной палеонтологии. Его труды высоко оценивал

Дарвин и считал их важной опорой своей эволюционной теории (Афанасьева, 2018: 66).

Софья поделилась с матерью, что влюблена в В.О. Ковалевского и хочет выйти за него замуж. Добрая и мягкосердечная Елизавета Федоровна сопротивлялась недолго.

Однако генералу Корвин-Круковскому жених совсем не понравился. Не имея солидного, обеспеченного материального положения, он, по мнению отца Сони, не мог составить счастья его дочери. Однако Соня приняла все меры к тому, чтобы ее замужество состоялось, утаив от родителей истинные мотивы брака. Для получения согласия отца Софья решила на большую хитрость — «убежала на квартиру к жениху и заявила матери, что не поедет домой» (Кочина, 1981: 44). Родителям ничего не оставалось как согласиться с выбором дочери.

Долгожданное бракосочетание Софьи Васильевны и Владимира Онуфриевича состоялось 15 (27) сентября 1868 г. в Палибино. Одна из теток Софьи, присутствовавших на свадебном торжестве, так описала ее состояние: «Наконец появилась Соня, свежая, хорошенькая и сияющая от счастья, какой только может быть невеста». В простом платье «она, однако, выглядела очаровательно... Ни одной драгоценности, никакого убора. Но она была так мила, что все присутствовавшие заявили, что никогда еще не видели такой прелестной невесты. Сияющее выражение лица не покидало ее ни на одну минуту во время всей церемонии; но это не было выражением поверхностного волнения, а было глубоким сознанием истинного счастья» (Кочина, 1981: 44).

После заключения фиктивного брака перед Софьей Ковалевской открылась возможность не только продолжить свое образование в зарубежных университетах (в 1874 г. ей была заочно присуждена степень доктора философии Геттингенским университетом *summa cum laude* — с отличием), но и творчески самореализоваться и добиться выдающихся успехов мирового уровня в области математики. Так, в 1888 г., Парижская

академия наук наградила С.В. Ковалевскую премией Бордена за работу «О вращении твердого тела вокруг неподвижной точки», в 1889 г. С.В. Ковалевская была избрана членом-корреспондентом Петербургской академии наук на физико-математическом отделении Академии. В том же году ей была присуждена премия Стокгольмской академии наук за второй мемуар по изучению вращения твердого тела, а также Ковалевская была утверждена пожизненным профессором Стокгольмского университета.

Список литературы

Афанасьева Ю.Ю. Фиктивный брак как культурный феномен в России XIX века // Вестник ТПГУ, 2018. № 5. С. 64 — 68.

Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX–начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.

Ковалевская С.В. Воспоминания и письма / Отв. ред. М.В. Нечкина. М.: изд-во АН СССР, 1951. 576 с.

Кочина П.Я. Софья Васильева Ковалевская. М.: Наука, 1981. 312 с.

Литвинова Е.Ф. Софья Ковалевская. Женщина-математик. Ее жизнь и ученая деятельность. Биографический очерк. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1894. 92 с.

Резник С. Владимир Ковалевский (трагедия нигилиста). М.:1978. 335 с.

Штрайх С. С. Ковалевская. М.: Журнально газетное объединение, 1935 254 с. (Жизнь замечательных людей. Вып. 63).

Яненко О.Ю. Расторжение брака в Российской империи на рубеже XIX — XX вв. // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. № 1. С. 192–194.

FICTITIOUS MARRIAGE AS A SACRIFICIAL PATH TO THE INTELLECTUAL FREEDOM FOR WOMEN (BASED ON SOFIA KOVALEVSKAYA BIOGRAPHY)

Alexander G. Allakhverdyan,

PhD in Psychology, leading researcher,
S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russia
e-mail: sisnek@list.ru

Discrimination against women in the middle of the 19th century which meant that they were excluded from higher education in Russia forced women to fictitiously marry removing the traditional restriction. Young men worried about the violation of women's civil rights agreed to a sham marriage. This created an opportunity for married women to leave tsarist Russia and to have a chance to study at foreign higher educational institutions. The fictitious marriage played a huge role in S.V. Kovalevskaya's personal life and created an opportunity of her creative self-realization in the field of mathematics outside of tsarist Russia.

Keywords: higher education, fictitious marriage, sacrificial behavior of a man, creative self-realization, foreign university

УДК316.2

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-42-53

СТАНОВЛЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В НАЧАЛЕ ХХВЕКА

Алексей Валерьевич Малинов

доктор философских наук,
профессор Санкт-Петербургского
государственного университета,
Российского
государственного педагогического
университета
им. А.И. Герцена;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

В статье рассматривается становление преподавания методологии социальных (гуманитарных) наук в Санкт-Петербургском университете в начале XX в., связанное с именами Н.И. Кареева (1850 — 1931) и А.С. Лаппо-Данилевского (1863 — 1919). Отмечается, что методологическая рефлексия была следствием сциентизации социального знания. Философской основой для разработки теоретико-методологических вопросов послужили позитивизм и неокантианство. В отечественной историографии сложилось мнение, что Кареев был приверженцем позитивистского учения, в то время как Лаппо-Данилевский ориентировался на неокантианство. Однако в исследовательской практике и в своих теоретических трудах ученые обращались к обоим философским учениям. Указывается, что Кареева и Лаппо-Данилевского сближали как интерес к философским проблемам истории, так и либеральное мировоззрение. Рассматриваются философско-исторические работы Кареева, вызванные его интересом к социологии, отождествляемой им с теорией исторического процесса (историологией), и раскрывается содержание последнего неопубликованного курса ученого — «Общая методология гуманитарных наук». Описывается эволюция научных интересов Лаппо-Данилевского: от конкретных исследований по русской истории и культуре

XVII–XVIII вв., к методологии истории, социологии (истории социологии) и теории обществоведения. Анализируется теоретико-познавательный подход к истории и социологии в работах и рукописях Лаппо-Данилевского, в частности, раскрывается содержания его «Плана теории обществоведения». Делается вывод, что для истории российской социологии Кареев важен как автор первых учебных курсов по социологии, а Лаппо-Данилевский — как организатор социологической науки.

Ключевые слова: социология, история, знание, методология, Санкт-Петербургский университет, Кареев, Лаппо-Данилевский.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 20-011-00071).

Становление методологии социальных наук пришлось на конец XIX–начало XX вв., что явилось, с одной стороны, следствием сциентизации знания в позитивизме, а с другой, — осознанием специфики социо-гуманитарных дисциплин в неокантианстве. Позитивизм и неокантианство в равной мере претендовали на то, чтобы быть философией науки. Успехи естествознания сопровождались и все большей специализацией в науках, изучающих общество. В позитивизме был сформулирован проект обобщающей науки о социальных явлениях — социологии. Все это усиливало потребность социальных дисциплин в методологической рефлексии, поскольку таким образом закреплялся их научный статус. Ориентация на методологию естественных наук в позитивизме гарантировала достижение социальными науками самой реальности и достижение истинного знания, поскольку метод понимался как путь к истине. Однако такой релятивизм (сведение социальной методологии к методам естествознания) ставил под сомнение научную самостоятельность социо-гуманитарного знания. Возможность же обозначить собственные методы не только размещала социальные дисциплины по одну сторону с естествознанием в

демаркационном разграничении науки от не-науки, но и признавало специфику той реальности, которую изучают науки социальные. Понимание социологии в позитивизме в качестве дисциплины, синтезирующей достижения других наук, изучающих общество (экономика, юриспруденция, демография, история, этнография и др.) только усиливало ее методологическое значение, ведь именно социологии предстояло как обобщить «законы» частных социальных дисциплин, так и выработать общие методы познания социальной реальности. В Санкт-Петербургском университете рубежа XIX–XX вв. эти две позиции (позитивистская и неокантианская) в отношении методологии социального знания были представлены Н.И. Кареевым и А.С. Лаппо-Данилевским.

Конечно, такое противопоставление обладает известной долей схематизма, поскольку каждый из ученых обращался в своих поисках к обоим философским традициям. Так, Н.И. Кареев отдавал предпочтение направлению в отечественной социологии, получившему название «субъективной школы», представители которой существенно скорректировали позитивистский сциентизм, отсылая к идеям И. Канта. А.С. Лаппо-Данилевский не только использовал позитивистскую терминологию, но и пытался дать математическую формализацию социального знания. Основанием для отнесения Лаппо-Данилевского к неокантианскому направлению является его «Методология истории». Как пишет В.А. Серкова, «общий план исследования истории, изложенный в первом томе “Методологии истории”, соответствует принципам аналитики, принятым в баденской школе неокантианцев» (Серкова, 2019: 350). Как известно, первыми социологами в России были специалисты в области истории, правоведения и экономики. Базовая специализация нередко привязывала теоретиков к конкретной научной дисциплине, факты и обобщения которой поставляли основной материал для социологических построений. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский были профессиональными историками, что

не могло не сближать их подходы и понимание специфики социальных явлений. Близость их взглядов на общество, которая не могла не сказаться на интерпретации социальных наук, обуславливалась и общими либеральными установками их политического мировоззрения. «Главным аспектом этого подхода, — дает характеристику либерализму В.А. Куприянов, — является признание индивидуальной жизни во всем ее многообразии в качестве фундаментальной социальной ценности, на службу которой должно быть поставлено государственное целое и весь комплекс политических и правовых институтов общества» (Куприянов, 2019: 66).

Н.И. Кареев пришел к социологии от разработки вопросов теории исторического процесса или историологии. Он фактически отождествлял теорию исторического процесса и социальную динамику, рассматривая социологию в качестве синонима философии истории. Не случайно значительная часть его двухтомной диссертации «Основные вопросы философии истории» (1883) на деле была посвящена социальной динамике. До конца жизни он оставался сторонником так называемого первого позитивизма, хотя и выступал в духе своего времени с критикой «огюстконтизма». «Более того, — пишет А.Е. Рыбас, — философия О. Конта никогда, даже в период максимальной своей популярности, не пользовалась среди русских позитивистов абсолютным признанием: не было ни одного сторонника позитивизма, кто бы не подверг контовские идеи суровой критике и не противопоставил бы им “собственно” позитивную философию» (Рыбас 2019, 141). В качестве позитивной науки, полагал вначале Кареев, социология должна сформулировать общие законы социального развития. Для истории это означало, что задача социологии состоит в том, чтобы обосновать универсальность социально-исторического пути, по которому идет развитие народов, и согласовать ее с уникальностью истории каждого известного народа. Такому согласованию служила теория многофакторности исторического развития, в

соответствии с которой неповторимость истории конкретного народа обуславливается уникальным сочетанием множества факторов: природно-климатической среды, экономики, состава народа, внешнего окружения, роли личности в истории и др. «Этико-субъективная школа», к которой причислял себя Кареев, особую роль отводила личности, поскольку в обществе и, соответственно, в истории, с одной стороны, действуют личности (индивиды, наделенные разумом и волей и поступающие свободно, т. е. по своему разумению), а с другой стороны, изучают общество такие же личности, исходящие в познании от своих предпочтений, идеалов, представлений. В социальном познании, таким образом, соприкасаются два вида субъективности: действующая в обществе личность и познающий субъект. Оба субъекта ставят определенные цели, действуют согласно своим идеалам, реализуют свои предпочтения. Все это делает познание социальной реальности трудно объясним и мало предсказуемым. Более того, социальная реальность понимается как сочетание множества волей, целей, идеалов не только отдельных индивидов, но и групп, коллективов, поэтому еще одной опорой в познании исторической реальности должна служить коллективная психология. На этом основании Кареев полагал, что не существует специфических законов истории, а в ней действуют законы социологии и психологии. Со временем он отказался от поисков социологической закономерности и стал склоняться к тому, чтобы видеть в социологии науку, синтезирующую законы частных социальных дисциплин, прежде всего, экономики, государственного управления и юриспруденции.

Интерес к теоретико-методологическим проблемам социальных наук сохранялся у Кареева на протяжении практически всей его жизни. Если одним из первых его опытов философского осмысления истории стали «Основные вопросы философии истории», то завершением его теоретико-методологических поисков надо признать написанную четырьмя десятилетиями позже книгу «Общая методология гуманитарных наук». В ней

заметны содержательные совпадения с тем пониманием социологии, которое он сформулировал в работах «Введение в изучение социологии» (1897) и «Общие основы социологии» (1919).

История создания и цензурного запрета публикации «Общей методологии гуманитарных наук» известна (Долгова, 2012), (Долгова, 2013). Книга писалась в качестве пособия к лекциям, читавшихся Кареевым в Петроградском университете и на Высших женских курсах. Формально курс Кареева должен был заменить трехгодичный курс «Методологии истории», который с 1906 г. вел А.С. Лаппо-Данилевский и который после смерти ученого в 1919 г. был передан Карееву. Однако лекции Кареева имели мало совпадений с курсом Лаппо-Данилевского. Рукопись Кареева (НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 1-15) и опубликованные фрагменты его труда позволяют восстановить структуру этого предмета (Кареев, 2011), (Кареев, 2013), (Кареев, 2017), (Кареев, 2020). «Общая методология гуманитарных наук» состоит из семи глав, включающих 400 параграфов сквозной нумерации: «Понятие науки и классификация наук», «Логические предпосылки всякой методологии», «Гуманитарные науки, их классификация и методология», «Непосредственное наблюдение и констатирование фактов в гуманитарных науках», «Научная работа в области исторических повторений», «Теоретические гуманитарные науки», «Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках». В целом надо признать, что для своего времени подход Кареева выглядел уже устаревшим, поскольку методология социальных наук уже вышла за пределы позитивистской аксиоматики и стояла на пороге марксистской догматизации. В этом отношении курс Кареева был в известном отношении «шагом назад» по сравнению с «Методологией истории» Лаппо-Данилевского.

Курс Лаппо-Данилевского «Методология истории», как известно, существует в трех редакциях (1909, 1910–1913, 1923). В последние годы он переиздавался; выходили многочисленные, в том числе и монографические исследования, посвященные

анализу и интерпретации взглядов Лаппо-Данилевского, что делает излишним пересказ содержания курса и его основных идей (Историческая наука, 2003), (Академик А.С. Лаппо-Данилевский, 2019). Более интересным представляется нереализованный ученым проект теории обществоведения, шагом на пути к которой была «Методология истории». Эволюция философских и, шире, теоретических взглядов Лаппо-Данилевского прошла путь от частно-исторических исследований по русской истории и культуре XVII–XVIII вв., к методологии истории, лекциям по социологии (истории социологии) и, наконец, к теории обществоведения. В.В. Козловский характеризует подход Лаппо-Данилевского как историческую метасоциологию (Козловский, 2019: 27). Ученый не успел опубликовать ряд ключевых исследований по русской истории. В частности, только столетие спустя был издан лишь первый том его докторской диссертации (Лаппо-Данилевский, 2005); переработка курса по методологии истории им тоже не была завершена, и только первая обновленная часть была издана в 1923 г., т. е. уже после его смерти. Рукописи по социологии так и не были подготовлены им к печати. В последние годы по черновикам, отложившимся в архиве, были изданы их фрагменты (Лаппо-Данилевский, 2013а); (Лаппо-Данилевский, 2013b), (Лаппо-Данилевский, 2014), (Лаппо-Данилевский, 2015), а к разработке теории обществоведения он практически так и не приступил. В архивном фонде Лаппо-Данилевского сохранился лишь ранний набросок плана теории обществоведения, который был включен в рукопись «О социологии [курс лекций]» (СПбФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 331. 467 л.) (Малинов, 2015). План не был частью лекционного курса и, вероятно, был включен в него при передаче второй рукописей Лаппо-Данилевского в архив или при обработке архивного фонда.

Теория обществоведения Лаппо-Данилевского состоит из двух частей: методология и феноменология, которые в свою очередь делятся на отделы, главы и параграфы. Отдел

«Методология» лишь отчасти отсылает к опубликованному курсу «Методологии истории», поскольку в нем речь идет о различных видах причинности, проявлениях человеческого сознания в «памятниках» и разновидностях социальных явлений. Схематизм плана не позволяет более точно судить о том, насколько здесь Лаппо-Данилевский зависит от своих же идей, высказанных в «Методологии истории». По крайней мере, он не упоминает ни проблему «чужого я», ни психологическую интерпретацию исторического источника, отражающую специфику самой исторической реальности. С одной стороны, историк изучает то, что было «на самом деле», но, с другой стороны, реальность истории не доступна наблюдению, она опосредована источником (материальным или духовным), в котором проявляется психика (в широком значении внутреннего мира, мировоззрения) его создателя. Вторая часть плана хотя и названа «Феноменология», отсылает к идеям позитивизма, даже точнее, физикализации социального знания, т. е. изучению социальных явлений в их связи с явлениями естественными. Подробнее всего в этой части Лаппо-Данилевский останавливался на проблеме «социального тяготения» и «апогеев» (в рукописи нет расшифровки того, что здесь имел в виду автор).

Разбивка «Плана теории обществоведения» на главы и параграфы дает возможность предположить, что результатом его реализации должна была стать книга. Отсутствие содержательных параллелей с «Методологией истории» может указывать на более раннюю датировку плана, т. е. до 1906 г., хотя эволюция взглядов Лаппо-Данилевского скорее носила индуктивный характер. Начиная с конкретных исторических исследований он в силу разных, в том числе и внешних обстоятельств, шел к обобщениям и теоретизации (методология истории, социология), завершением которых как раз и должна была стать теория обществоведения.

К сожалению, Лаппо-Данилевский не осуществил свой план, хотя от него можно было ожидать нетривиальных

теоретических обобщений и методологических разработок. В историю социального знания Кареев и Лаппо-Данилевский вошли как пионеры социологии в России. Обращение Кареева к социологии было вызвано как его широкими научными интересами, в том числе к философским и теоретическим проблемам исторической науки, так и той исследовательской особенностью, которую Е.Е. Михайлова называет «конструктивный диалог» (Михайлова, 2021). И если Карееву принадлежит первый отечественный учебник по социологии, то Лаппо-Данилевский сыграл заметную роль в институционализации социологии, возглавив в 1916 г. Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского и предложив проект Института социальных наук в Петрограде (1918). Исследовательская и организаторская деятельность Лаппо-Данилевского объективно способствовала становлению новой научной отрасли — истории науки (Илизаров, 2015) и задуманные им в конце жизни проекты заложили основы отечественных историко-научных институций XX в.

Список литературы

Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества. / редкол.: В.В. Козловский, Р.Г. Браславский, К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.В. Малинов, Е.А. Ростовцев ; отв. ред.: В.В. Козловский, А.В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2019. 892 с.

Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук». 1922–1924 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239–245.

Долгова Е.А. «Общая методология гуманитарных наук» Н. И. Кареева (1850–1931) // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 2. С. 185–198.

Илизаров С.С. А.С. Лаппо-Данилевский — историк науки // Архив истории науки и техники. М.: Издательство «Янус-К», 2015. С. 63–102.

Историческая наука и методология истории в России XX в.: к 140-летию академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Выпуск I. / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Издательство «Северная звезда», 2003. 415 с.

Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. / Подгот. текста А.В. Малинова // Вече. 2011. № 22. С. 147–174.

Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук // Социология науки и технологий. 2020. № 2. С. 64–85. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-12003

Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии. Подгот. текста А.В. Малинова, Е.А. Долговой // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 327–365. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-327-365

Кареев Н.И. Понятие науки и классификация наук. Подгот. текста А.В. Малинова // Клио. 2013. № 2. С. 28–34.

Козловский В.В. Историческая макросоциология А.С. Лаппо-Данилевского // Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества: редкол.: В.В. Козловский, Р.Г. Браславский, К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.В. Малинов, Е.А. Ростовцев; отв. ред.: В.В. Козловский, А.В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2019. С. 22–36.

Куприянов В.А. Европейский либерализм в зеркале политической философии И.А. Ильина // Философский полилог. 2019. № 2. С. 59–76.

Лаппо-Данилевский А.С. Изложение и критика теории Д.С. Милля (фрагменты рукописи «О социологии») // Вече. Журнал русской философии и культуры. Вып. 27. СПб., 2015. С. 236–271.

Лаппо-Данилевский А.С. История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом ее культуры и политики. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2005. 462 с. + XXXII с.

Лаппо-Данилевский А.С. Об Институте социальных наук. Записка Комиссии Академии Наук // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013а. № 3. С. 59–62;

Лаппо-Данилевский А.С. Общее обозрение (Summa) основных принципов обществоведения. Курс 1902–1903 гг. // Вопросы философии. 2013. № 12б. С. 96–105;

Лаппо-Данилевский А.С. Основание социологии (фрагменты курса «Научные основы социологии в их историческом развитии») // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 2. С. 111–123.

Малинов А.В. План теории обществоведения А.С. Лаппо-Данилевского (опыт реконструкции) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. Сер. 17. 2015. Вып. 4. С. 54–60.

Михайлова Е. Дискурсивная полилогичность трудов Н.И. Кареева // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2021. № 1. С. 42–58.

Рыбас А.Е. А. С. Лаппо-Данилевский и критика контизма в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019 №. 5. С. 140–152. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.5.8>

Серкова В.А. Философские истоки методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского // Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества: редкол. : В.В. Козловский, Р.Г. Браславский, К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.В. Малинов, Е.А. Ростовцев; отв. ред.: В.В. Козловский, А.В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2019. С. 345–356.

FORMATION OF SOCIAL SCIENCE METHODOLOGY AT ST. PETERSBURG UNIVERSITY IN THE EARLY 20TH CENTURY

Alexey V. Malinov,

Ds in Philosophy, Professor at St. Petersburg State University, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
e-mail: a.v.malinov@gmail.com

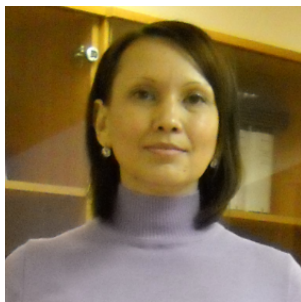
The article deals with the emergence of the courses in methodology of the social sciences (the Humanities) in St. Petersburg University in the beginning of the XXth century, which was associated with N. I. Kareev (1850–1931) and A. S. Lappo-Danilevsky (1863–1919). The author pays attention to the fact that methodological reflection was a consequence of the scientification of the social knowledge. Positivism and Neokantianism served as philosophical bases for the elaboration of the theoretical-methodological question. There formed an opinion in Russian historiography that Kareev was an adherent of the positivism, while Lappo-Danilevsky was oriented to the Neokantianism. Nevertheless, they turned to the both philosophical doctrines. The author claims that Kareev and Lappo-Danilevsky were brought together by both the interest in philosophical problems of history and liberal worldview. The article considers philosophical works by Kareev stimulated by his interest in sociology which he identified with the theory of historical process (historiology) and highlights the content of the last published lecture course of the scholar — «The general methodology of the Humanities». The development of Lappo-Danilevsky's academic interests are also described: from concrete investigations into Russian history and culture of the XVII–XVIII centuries to the methodology of history, sociology (history of sociology) and theory of social sciences. The article analyzes the theoretical approach to sociology in Lappo-Danilevsky's works and manuscripts, in particular the content of his «Plan of the theory of social sciences». The article concludes that while Kareev's meaning in the history of Russian sociology is determined with his role as an author of the first academic courses in sociology, Lappo-Danilevsky is important as an organizer of the sociology.

Keywords: sociology, history, knowledge, methodology, St. Petersburg University, Kareev, Lappo-Danilevsky

УДК 316.2

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-54-70

ПРОБЛЕМЫ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Пешперова Изольда Юрьевна

кандидат юридических наук,
доцент;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: iseutp@gmail.com

В статье рассматривается проблематика просопографических исследований в применении к истории русской философии. Отмечаются особенно профессиональной философии, связанной, прежде всего, с университетами. Указывается, что с превращением философии в профессию, т. е. с началом преподавания философии в учебных заведениях, философы стали массовым явлением. Философия оформилась как социальный институт, воспроизводящий профессиональное сообщество, которое отличает стремление к устойчивости. По этой причине в профессиональной философской среде стали преобладать, в том числе нередко в руководстве, люди средних способностей, от которых зависит стабильность социальной системы. В результате в профессиональной философии развитие приносится в жертву постоянству, оригинальные идеи — повторению заимствованных или банальных истин, яркие выступления — рутинным лекциям. Отмечается, что историко-философская методология, направленная на изучение идей и философских концепций, не подходит для исследования профессиональной корпорации философов. Здесь применяются методы просопографии, позволяющие воспроизвести «коллективную биографию» или «коллективный портрет» такой профессиональной корпорации. В качестве примера приводится профессиональное сообщество философов Санкт-Петербургского университета. Указываются информационные ресурсы, на которых размещаются базы данных по философам Санкт-Петербургского университета.

Ключевые слова: история русской философии, просопография, методология, профессиональное сообщество, Санкт-Петербургский университет.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 20-011-00071).

Одной из современных тенденций истории философии можно назвать дополнение истории идей (их анализа, реконструкции, генезиса, восстановления полемического контекста и т.п.) реальной историей науки или историей профессионального сообщества. Можно обозначить такую тенденцию как переход от исследования текстов к изучению условий производства и распространения знания. Смысл, как известно, должен быть разделен с Другим. Философия возникла в качестве мышления, выраженного в слове и обращенного к другому человеку, собеседнику или оппоненту. Однако история философии крайне редко обращается к истории философского сообщества или сообществ. Особенностью доминирующего историко-философского нарратива является его сингулярность, внимание исключительно к индивидуальному творчеству. Для изучения выдающихся мыслителей такой подход вполне оправдан, хотя и не лишен односторонности, но он не подходит для исследования профессиональной корпорации или, в более широком смысле, сообщества. Из истории философии как-то вымывается простой факт, что философов много, что философия в определенный период превратившись в профессию, стала массовым явлением. Пока философия оставалась формой досуга, способом свободного времяпрепровождения обеспеченных и независимых граждан, философов, действительно, были единицы. Но превратившись в профессию, она стала частью производства знания, вышла, так сказать, в тираж. Университеты начали производить патентованных любителей мудрости, которые встраивались в ту же систему образования, которая их породила. Началось самовоспроизводство философов; система начала работать преимущественно на саму себя. Философии при

этом не стало больше: количество идей, оригинальных учений, теорий и т.п. принципиально не увеличилось, но возросло их «потребление». Среди образованной части общества появился спрос и запрос на философию, а профессиональные философы стали посредниками между идеями, концепциями и интеллектуалами или теми, кто следовал интеллектуальной моде. Если философия как особый тип мышления (категориального, дедуктивного, ответственного) изначально могла быть достоянием любого мыслящего человека, то теперь она была приватизирована профессиональным сообществом, без одобрения со стороны которого явно проигрывала в борьбе за признание. Профессиональная корпорация философов могла действовать очень жестко в отношении тех, кто не проявлял к ней лояльности: замалчивать, вытеснять за пределы или на периферию сообщества, дискредитировать личности и в меру идеологических возможностей и риторических способностей девальвировать сами идеи. В определенном смысле корпорация берет на себя функцию цензуры, распределяет издательские квоты, гранты и т.п. Главным критерием здесь выступает распознавание «своего» и «чужого», скрепляемое личными связями или расчетом, не имеющими отношения к реальному качеству работы или эффективности результатов деятельности поощряемого «своего».

Из мышления философия стала фактом признания, плодом коллективного одобрения. Философы присвоили себе санкцию на мышление; без их согласия оригинальная или не очень мысль уже не может считаться философией, а останется на уровне самодеятельного, любительского творчества. Но кто такие философы? Ответ на этот вопрос способна дать просопография, целью которой является составление «коллективной биографии» или «коллективного портрета» того или иного профессионального сообщества. Она показывает критерии, по которым формируется такое сообщество, например, философов Санкт-Петербургского университета и даже в некоторой степени позволяет оценить, сколько из членов профессионального

философского сообщества были, собственно, философски мыслящими людьми, а кто только «делал карьеру». Она воспроизводит «реальный» и «нормальный» образ науки для определенного периода и корпорации.

Вместе с тем, как философия перестала быть формой досуга и образом жизни, она перешла в профессию, дающую средства для существования, а вместе с ними и положение в обществе, т.е. из следствия стала причиной такого положения. Философ не обладает фиксированным социальным статусом, который зависит от профессиональной, социальной и экономической мобильности. Более того, философия даже не является в строгом смысле профессией. Философы входят в более широкие профессиональные группы преподавателей и научных работников, а, значит, статус философии зависит от отношения к ним в обществе и отношения со стороны государства, а также от места учителя и исследователя в культуре. Этим определяются и материальное благополучие, и общественное признание и власть, которые дает такое социальное положение. В современной профессиональной корпорации философов мы видим забвение аскесиса: образ мыслей больше не связан с образом жизни. На деле это приводит к забвению самого мышления. Индексы, рейтинги, активности и т.п., которые фиксируют «место» философа в корпорации, только закрепляют эту негативную тенденцию. Ее не исправит даже отказ от абсолютизации количественных характеристик в оценке деятельности философов, потому что обесценено не только качество работы, но и количество. Причем парадоксальным образом профессиональная философия, погруженная в систему образования, практически не оценивается с точки зрения ее преподавания. Ни качество, ни количество занятий, ни наличие учеников и т.п. не являются критерием оценки. По факту преподавание становится личным делом самого философа. Мыслит он при этом или нет — это никого не интересует; его мышление в лучшем случае может быть принято аудиторией, может найти отклик у слушателей, но

чаще всего оно становится преподавательской рутинной, воспроизведением одного и того же лекционного сценария. Мысль, выраженная в устном слове, частным случаем которой является лекция, остается временным искусством; ее можно зафиксировать по-средством конспекта или записи, но почти невозможно вос-произвести ее уместность, т.е. ту прагматическую ситуацию, в которой мысль существует. Публикация в этом отношении — более осязаемая форма мысли, но публикация или их количе-ство ничего не говорит о самой мысли. Мышления не бывает много или мало.

Отказ от качественной и фактически даже от количественной оценки имеет далеко идущие последствия. Частным образом он, например, приводит к пересмотру иерархии текстов: монография как итог нередко многолетнего труда теряет значение. Обесценивается крупная форма исследования, которой была книга. Мельчание формы неизбежно сказывается и на стилистике исследования. Не остается места для развернутой аргументации, примеров, новых источников. Мысль вынуждают быть немногословной. Однако ни краткость, ни даже афористичность не спасут мысль, поскольку обесценивается любая форма, которая уже не есть первая сущность вещи. Важна не книга, а издательство, не статья, а журнал, в котором она опубликована. Приходится констатировать торжество даже не формы, а оболочки над содержанием. Девальвация большой формы неизбежно приведет к утрате большого нарратива, вымыванию больших идей и концепций.

Единственными критериями фиксации и оценки профессионального философа становятся его институциональная принадлежность со всеми карьерными траекториями и его влияние на сообщество, т. е., так сказать, продолжительность последствий. Влияние легче всего проследить по цитируемости того или иного автора. Причем высокая цитируемость не обязательно означает «смысловое доминирование»; она может быть как следствием исследовательской инерции, так и, в случае

с философией, — результатом идеологизации знания. Цитируемость — это эффект коммуникации, это только эхо смысла. Философия распознается по отголоскам идей в «платоновской пещере». Объем научной и философской литературы, растущий непропорционально генезису идей, вызывает необходимость в ранжировании самих средств философского производства, т. е. в упорядочивании и иерархизации многочисленных философских изданий и журналов. Согласно этой иерархии, теперь начинают оцениваться сами публикации. Иными словами, значение имеет лишь то, в каком издании опубликована статья, на каком ресурсе она размещена и т. п. Здесь философия вполне соответствует тому типу современной культуры, которую можно назвать культурой посредников или, говоря варваризмами, медиаторов. Русский язык благодаря инверсии подсказывает, что такая культура сама становится посредственной. В ней исчезают различия, которыми она живет (элитарная культура, массовая культура, простонародная культура, высокое и низкое, доступное и запретное, нормативное и вульгарное и т.п.). Посредственной становится и философия. Можно сказать, что посредственность представляет собой идеальный тип профессиональной философии. Она есть продукт институционализации знания, поскольку всякий социальный институт, которым является и профессиональная корпорация философов, стремиться к устойчивости и самосохранению, а не изменению. Любой яркий преподаватель или оригинальный ученый воспринимается такой системой как потенциальная угроза ее стабильности. Профессиональная философия как социальный институт нацелена на воспроизводство и поддержку людей средних способностей, которые очень скоро начинают преобладать в такой структуре. Всякая посредственность распознается по двум простым признакам — серьезности и самодовольству, которых философии, как говорится, не занимать. При идейной нищете и смысловой бесплодности профессиональной философии остается два пути. Во-первых, это упрощение, тривиализация и не

эвристичность знания. А во-вторых, — его эзотеризм, придающий философии эффект тайны и маскирующий отсутствие содержания. Напрасно искать в такой философии оригинальных идей, плодотворных концепций или перспективных проектов. По этой причине ее бесполезно изучать, обращаясь к традиционной методологии исследования идей. Для описания такой философии применяются методы просопографии.

История петербургской философии насчитывает уже почти три столетия. В отличие от Москвы, известной своими философскими кружками и салонами первой половины XIX в., в Петербурге философия в основном концентрировалась в университете. За это время в Академическом университете, а с 1819 г. в Санкт-Петербургском и Ленинградском университете в преподавании философских дисциплин участвовали несколько сотен человек. Причем, 90% из них приходится на советскую эпоху, т. е. после того, как в 1940 г. был открыт философский факультет. Можно, в частности, указать на результаты просопографического исследования кафедры философии Императорского Санкт-Петербургского университета (Ростовцев, Сидорчук, 2016).

Определенную трудность для анализа представляет междисциплинарность философии, поскольку, например, в первой половине XIX в. в состав университета входил философско-юридический факультет, а позднее помимо кафедры философии на историко-филологическом факультете существовала кафедра энциклопедии и истории философии права на юридическом факультете. С юридическим факультетом связаны имена преподавателей, взгляды которых не редко рассматриваются в контексте философских теорий и социальных учений: П.Г. Редкин, М.М. Ковалевский, К.Д. Кавелин, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, А.Д. Градовский (Куприянов, 2019а), (Куприянов, 2019b). На историко-филологическом факультете философские наклонности проявляли славист В.И. Ламанский (Куприянов, Малинов, 2020) и историк русской литературы О.Ф. Миллер

(Малинов, 2020: 56–139), прямо заявлявшие о своих славянофильских предпочтениях. К славянофилам причислял себя и К.Н. Бестужев-Рюмин, занимавший кафедру русской истории (Малинов, 2005). Проблемы философии, методологии и теории истории интересовали и других преподавателей, казалось бы, чисто исторических кафедр: Н.И. Кареева (Малинов, 2013), (Михайлова, 2021), А.С. Лаппо-Данилевского (Академик А.С. Лаппо-Данилевский, 2019), (Историческая наука, 2003), (Малинов, 2017), Л.П. Карсавина (См., напр., серию публ. в журнале «Философский полилог»: (Даренский, 2018), (Лесур, 2019), (Мелих, 2019), (Назарова, 2018), (Оболевич, 2020), (Савельева, 2019), (Хоружий, 2018), (Чупахина, 2019), (Шаронов, 2019)), Г.П. Федотова. В этом не было ничего удивительного, так как к разработке вопросов философии и методологии обращались многие отечественные историки XIX и начала XX в. (Пружинин, 2017). Историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, особенно на рубеже XIX–XX вв. стал одним из центров профессиональной философии в России.

Организационные и структурные преобразования, затронувшие университет после революции 1917 г., привели сначала к образованию факультета общественных наук (1919), на котором оказались сконцентрированы все «неестественные» предметы, затем факультета языка и материальной культуры (1925), а потом и созданию вне университета Ленинградского института истории, философии, литературы и лингвистики (1930). В 1936 г. было принято решение об объединении исторического факультета ЛИФЛИ с историческим факультетом ЛГУ (открытым в 1934 г.), а в 1937 г. литературный и лингвистический факультеты ЛИФЛИ образовали филологический факультет ЛГУ. На историческом факультете располагалась кафедра диалектического и исторического материализма. Еще две кафедры философии были на математическом и биологическом факультетах. Однако репрессии 1930-х гг., затронувшие большинство преподавателей философского факультета ЛИФЛИ, не позволили

создать философский факультет в результате слияния с ЛГУ. Только в 1940 г. философский факультет был открыт. При этом, если в XIX в. некоторую трудность в отнесении того или иного преподавателя к профессиональной корпорации философов создавал известный синкретизм гуманитарного знания, когда философия «входила» в содержание конкретных наук на определенном уровне их обобщения, то в советское время атрибутация философов оказалась осложнена идеологическими задачами, стоявшими перед философским факультетом. Так, например, в университете существовала кафедра марксизма-ленинизма, а позднее отделение научного коммунизма. Безусловно, эти институции следует положить в истоки современной политологии, хотя формально отделение научного коммунизма относилось к философскому факультету. До 1966 г. на философском факультете существовало отделение психологии, ставшее самостоятельным факультетом. В 2009 г. из состава факультета философии и политологии, который в те годы так назывался, был образован факультет политологии. В 1989 г. философский факультет способствовал появлению факультета социологии. Таким образом, формально, если следовать институциональному принципу, до определенного времени психологи, политологи (научные коммунисты) и социологи «принадлежали» философскому факультету. Для просопографического исследования такое противоречие между институциональной и профессиональной принадлежностью представляет определенную трудность. По крайней мере, при систематизации материала необходимо отдать предпочтение либо институциональной, либо профессиональной атрибутации. Вопрос этот окончательно не решен, поскольку в советское время философия, даже за пределами научного коммунизма, оставалась в значительной степени идеологической дисциплиной. Ее современный облик и стоящие перед ней задачи существенно изменились, что вызывает сомнение в необходимости включать в просопографическое исследование философии (даже советского периода) сведения

о преподавателях научного коммунизма, марксизма-ленинизма или психологии. Однако для просопографии важна полнота и однотипность собираемого материала. Исключение из профессиональной философии советского периода, скажем, научного коммунизма существенно сказывается на полноте и корректности исследования и заметно искажает исторический облик философии.

В качестве примера можно привести Д.М. Михайлина, возглавлявшего философский факультет ЛГУ с 1948 по 1951 г. Трудно представить мотивацию, на основе которой историк русской философии взялся бы писать о Д.М. Михайлине, не имевшем даже научных публикаций. С точки зрения содержания для историка философии здесь нет материала. Имя Д.М. Михайлина воспроизводится только в коммеморациях нынешнего института философии СПбГУ, причем исключительно в негативном ключе, хотя для позднесталинского времени фигура Д.М. Михайлина была вполне современной и своевременной, а для университетской философии — типичной. Для истории философии Д.М. Михайлин совершенно недостоин даже упоминания. Действительно, коллективная память в основном фиксирует положительные события, отмечает ярких лекторов, нетривиально мыслящих ученых. Из нескольких сотен человек, преподававших на философском факультете таких наберется не больше двух десятков, что хорошо иллюстрируют изданные воспоминания (Вспоминая, 2015). Однако в реальной истории науки на «первых ролях» зачастую оказываются карьеристы, откровенные бездарности или даже явные проходимцы. Профессиональная философия как социальный институт регулярно воспроизводит таких «удобных» коллег и даже выводит их в начальники. Роль их в истории корпорации редко остается нейтральной; как правило, эти люди не оставляют следа в науке, но отрицательно воздействуют как на современников, так и на ту область знания, в которой подвизались. Повторяемость таких явлений как раз говорит, о том, что Д.М. Михайлин был вовсе не исключением в славной истории

философского факультета. Он как раз типичен для профессиональной философии, что лишь подтверждает его успешная «научная» карьера. Вот эта типичность Д.М. Михайлина как представителя профессиональной философии, с точки зрения просопографии, как раз и привлекает к нему внимание. Только просопографический акцент оправдывает обращение к биографии этого человека, поэтому лишь в рамках просопографического исследования могла появиться по-своему уникальная статья о Д.М. Михайлине (Баринов, Сидорчук, 2020). Можно смело предположить, что на долгие годы она останется единственной публикацией об этом «философском» руководителе.

Успех просопографического исследования во многом зависит от полноты и однотипности собранного материала. Для проведения просопографического исследования петербургской философии была составлена анкета/формуляр словарной статьи. Предполагается, что анкету может заполнить ныне здравствующий преподаватель, а формуляр заполняется на основе данных, содержащихся как в открытых источниках (словари, энциклопедии, справочники), так и в архивах. Действующее законодательство ограничивает доступ к личным данным в течение семидесяти лет после смерти человека, т. е. личные дела преподавателей философии, хранящиеся, в частности, в Объединенном архиве СПбГУ оказываются не доступны. Формуляр словарной статьи включает основные биографические сведения (дата и место рождения и смерти; по возможности место захоронения), а также информацию о преподавательской и научной карьере (годы учебы и учебное заведение, которое окончил; годы работы в университете и этапы карьеры; учителя и ученики; преподаваемые дисциплины; диссертации; область научных интересов; награды и премии; карьера вне университета). Приводится библиография основных работ преподавателя и публикаций о нем, указываются источники, из которых взята информация, в том числе архивные фонды. Часть сведений

(партийность, национальность, социальное происхождение, репрессии) скрыты от внешних пользователей. На основе анкет и формуляров заполняется база данных. Материал по истории петербургской философии (философии в Санкт-Петербургском университете) размещается на двух информационных ресурсах: «Биографика СПбГУ» (<https://bioslovhist.spbu.ru/>) (Ростовцев, 2016), (Ростовцев, Амосова, Янченко, 2013), (Сидорчук, 2016), (Сосницкий, 2013) и «Русская философия: история, источники, исследования» (<https://philhist.spbu.ru/>) (Малинов, 2016).

Отсутствие обобщающих исследований по истории петербургской философии существенно затрудняют работу, по крайней мере, в части интерпретации собранного и обработанного материала. До сих пор история русской философии изучена очень неравномерно; в ней заметны существенные диспропорции и даже лакуны (Русская философия, 2017: 124). С одной стороны, есть авторы, в том числе вписанные в традицию петербургской философии, работы которых неоднократно переиздавались, творчество которых становилось предметом диссертационных и монографических исследований, о которых регулярно публикуются статьи. В качестве примера можно указать на С.Л. Франка (Аляев, 2018), (Аляев, 2020) или В.В. Розанова (Ноговицин, 2019), (Шелковая, 2017). Однако, с другой стороны, практически не изученным остается наследие, например, таких петербургских философов как Э.Л. Радлов или Н.Г. Дебольский.

В целом результаты просопографического исследования петербургской/ленинградской профессиональной философии — ее неоригинальность и мало продуктивность (Малинов, 2007: 326–333). Университетской философии трудно похвастать большим количеством ярких личностей или выдающихся ученых. Впрочем, просопография не дает оценку работам ученых; она лишь фиксирует и сравнивает их пути в науке и профессиональную карьеру. Она позволяет описать «коллективный

портрет» профессиональной корпорации. Просопография лишь отчасти показывает причину сложившегося положения в университетской философии — это отсутствие реальной конкуренции или внеученные механизмы карьеры, т. е. не связанные с результатами труда ученого, а также низкая мобильность. Большое значение для институализированной философии имеет личность руководителя. Сильный руководитель, который в идеале сам должен быть крупным ученым, способен собрать и здоровый творческий коллектив, в котором оригинально мыслящие ученые преобладают (не обязательно численно) над массой посредственностей. Безусловно, самостоятельно мыслящими людьми труднее управлять, но от них зависит успех всего дела. Просопография способна зафиксировать периоды «научного подъема», совпадающие с деятельностью толкового руководителя. Власть даже в научной организации может деформировать ответственность в «привилегии»; не каждый администратор способен устоять перед соблазнами nepотизма или симонии. К сожалению, простая мысль о том, что руководитель должен понимать перспективы своей науки и видеть развитие своего института минимум на два поколения вперед, до сих пор звучит как пожелание, а не констатация факта. Конечно, среди профессиональных философов много достойных и умных людей, добросовестно выполняющих свое дело. Без них вообще не было бы возможности говорить о профессиональной философии. Они определяют именно профессиональное лицо университетской философии, складывающееся из достижений отдельных ученых, в то время как просопография воспроизводит усредненный, типичный портрет научного сообщества.

Список литературы

Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества: редкол.: В.В. Козловский, Р.Г. Браславский, К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.В. Малинов, Е.А. Ростовцев; отв. ред.: В.В. Козловский, А.В. Малинов. СПб.: Интерсоцис, 2019. 892 с.

Аляев Г.Е. «Царство духа должно быть свободным и многоцветным» (Леонид Габрилович и Семен Франк) // Философский полилог. 2018. № 2. С. 98-142.

Аляев Г.Е. С.Л. Франк и А.И. Введенский: страницы философского общения (предисловие к некрологу) // Философский полилог. 2020. № 1. С. 110-135.

Баринов Д.А., Сидорчук И.В. «У нашей Натальи все люди каналы»: Дмитрий Мартынович Михайлин — декан философского факультета ЛГУ 1948–1951 гг. // Интеркультурная философия: полилог традиций. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 247–258.

Вспоминая философский факультет... / сост. Б. В. Марков, А. В. Малинов. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2015. 464 с.

Даренский В.Ю. Метод «мистической критики» католичества у Л.П. Карсавина // Философский полилог. 2018. № 2. С. 17-28.

Историческая наука и методология истории в России XX в.: к 140-летию академика А.С. Лаппо-Данилевского. Санкт-Петербургские чтения по теории, методологии и философии истории. Выпуск I. / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Издательство «Северная звезда», 2003. 415 с.

Куприянов В.А. Обоснование историзма в политической теории А.Д. Градовского: между исторической школой права и гегельянством // Вече. 2019а. № 31. С. 66-90.

Куприянов В.А. Философские истоки социализма в политической теории А.Д. Градовского // Философская мысль. 2019б. № 8. С. 24-37.

Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский: Материалы к биографии и научной деятельности. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2020. 560 с.

Лесур Ф. Переписка Льва Карсавина с Густавом Веттером // Философский полилог. 2019. № 1. С. 83-95.

Малинов А.В. Исследования и статьи по русской философии. СПб.: РХГА, 2020. 608 с.

Малинов А.В. Историко-философские этюды. СПб.: Изд-во Петербургского философского общества, 2007. 336 с.

Малинов А.В. К.Н. Бестужев-Рюмин: очерк теоретико-исторических и философских взглядов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 215 с.

Малинов А.В. Очерки по философии истории в России в 2 т. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2013. 448 с.

Малинов А.В. Сетевой ресурс «Биографический словарь философов Петербургского университета» // Вестник Санкт-Петербургского университета.

Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 4. С. 153–154.

Малинов А.В. Социологическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб.: РХГА, 2017. 336 с.

Мелих Ю. Б. Философские персонажи Л.П. Карсавина // Философский полилог. 2019. № 1. С. 7-19.

Михайлова Е. Дискурсивная полилогичность трудов Н.И. Кареева // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2021. № 1. С. 42–58.

Назарова О. Парадигмы восприятия философии Л.П. Карсавина в немецкоязычных исследованиях // Философский полилог. 2018. № 2. С. 7-16.

Новожицин О.Н. Марксистский революционный мессианизм и анти-мессианизм консервативный в социально-политической мысли России начала XX века: богостроители и В.В. Розанов // Философский полилог. 2019. № 2. С. 11-26.

Оболевич Т. В тени евразийства. Лев Карсавин и Семен Франк // Философский полилог. 2020. № 2. С. 43-82.

Пружинин Б.И., Бендерский И.И., Воробьева О.В., Долгова Е.А., Малинов А.В., Микешина Л.А., Мотовникова Е.Н., Ольхов П.А., Хвостова К.В., Щедрина Т.Г. Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В.И. Герье. Материалы конференции — «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 26–61.

Ростовцев Е.А. Проблематика проектов по университетской истории и истории высшей школы (Санкт-Петербургский университет) // Новое прошлое. 2016. №3. С. 145–157.

Ростовцев Е.А., Амосова А.А., Янченко Д.Г. Проекты по истории Санкт-Петербургского университета на историческом факультете // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Серия 2. История. Вып. 3. С. 203–206.

Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Столичная и провинциальная профессура российских университетов: опыт просопографического исследования (1884-1917) // Вопросы истории. 2020. № 11-2. С. 237-249.

Ростовцев Е.А., Сидорчук И.А. Кафедра философии Петербургского университета (1819–1917) // Философские науки. 2016. № 3. С. 135–147.

Русская философия в современном мире: контексты актуальности. Материалы «круглого стола». Участники: Б.И. Пружинин, С.И. Дудник, А.А. Грякалов, А.А. Ермичев, К.Г. Исупов, В.М. Камнев, Н.В. Кузнецов, А.В. Малинов, И.Д. Осипов, В.В. Савчук, Е.Г. Соколов, Т.Г. Щедрина // Вопросы философии. 2017. № 4. С. 116–138. С. 124.

Савельева М. Ю. Иррационалистическая диалектика Л.П. Карсавина // *Философский полилог*. 2019. № 1. С. 40–52.

Сидорчук И.В. Биографика в контексте современных исследований по истории Петербургского университета // *Международные отношения и диалог культур*. 2016. № 4. С. 224–235.

Сосницкий Д.А. История С.-Петербургского университета в сетевом пространстве // *Клио*. 2013. №10 (82). С. 145–148.

Хоружий С.С. Лагерный цикл как философское завещание Л.П. Карсавина // *Философский полилог*. 2018. № 2. С. 29-40.

Чупахина Н.А. Л.П. Карсавин о возможных судьбах России // *Философский полилог*. 2019 № 1. С. 153-174.

Шаронов В.И. «Не герой, а самый обыкновенный человек...» (литовский период жизни Л.П. Карсавина) // *Философский полилог*. 2019. № 1. С. 177–193.

Шелковая Н.В. Встречи с В. Розановым. Сущность христианства // *Философский полилог*. 2017. № 1. С. 182-194.

THE PROBLEMS OF PROSOPOGRAPHIC STUDIES ON ST. PETERSBURG PHILOSOPHY

Isolda Yu. Peshperova,

PhD in Law, Associate Professor, St. Petersburg, Russia
iseutp@gmail.com

The article deals with the problems of prosopographical studies as applied to the history of Russian philosophy. The author highlights the peculiarities of professional philosophy. It is pointed out that with the transformation of philosophy into a profession, i.e. with the beginning of teaching philosophy in educational institutions, philosophers became a mass phenomenon. Philosophy was transformed into a social institution reproducing a professional community characterized by a desire for sustainability. For this reason, the professional philosophical milieu began to be dominated, including often in leadership, by people of average ability on whom the stability of the social system depended. As a result, in professional philosophy, development is sacrificed to permanence, original ideas to the repetition of borrowed or banal truths, vivid performances to routine lectures. The article notes that historical-philosophical methodology aimed at the study of ideas and philosophical concepts is not appropriate to the studying of the professional corporation of philosophers. The author maintains that studying this phenomenon requires the methods of prosopography allowing to reproduce a «collective biography» or «collective portrait» of such a professional corporation. The professional community of philosophers at St. Petersburg University is used as an example and the results of studies already conducted are reviewed. The article gives information about the databases on philosophers of St. Petersburg University.

Keywords: history of Russian philosophy, prosopography, methodology, professional community, St. Petersburg University.

УДК: 001(47)“1917-1922”

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-71-83

**ПРОФЕССОРА И ПРЕПОДАВАТЕЛИ
«НОВЫХ» УНИВЕРСИТЕТОВ ПОВОЛЖЬЯ:
ИЗМЕНЕНИЕ КАДРОВОГО СОСТАВА
В 1917-1922 ГГ.**

Елена Федоровна Синельникова

кандидат исторических наук,
ученый секретарь
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

Статья посвящена результатам исследования становления и эволюции кадрового состава университетов Поволжья, созданных после революции 1917 г. Показаны трудности в процессе организации работы «новых» университетов, в частности, комплектование их профессорско-преподавательскими кадрами. Отмечается, что в силу ряда причин объективного и субъективного характера профессорско-преподавательский состав «новых» университетов Поволжья не был стабильным. В первые послереволюционные годы он претерпевал изменения, которые были обусловлены постоянными реорганизациями факультетов, что вызывало изменения учебных программ, кроме того, продолжающимся процессом внутренней и внешней миграции ученых, а также естественной убылью. К сожалению, закрытие «новых» университетов в Поволжье вскоре после окончания Гражданской войны в качественно новых условиях нэпа не позволило в полной мере реализоваться ряду важных положительных тенденций и принципов, которые уже начали проявляться в их деятельности.

Ключевые слова: социология науки, социальная история науки, история высшего образования, научное сообщество, революция, Гражданская война.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00204.

Одним из результатов социально-политического и экономического кризиса, вызванного революцией 1917 г., стало перемещение значительного числа профессорско-преподавательских и научных кадров из центра на периферию. Этот процесс начался с конца 1917 г., но особенно массовый характер приобрел в 1918-1919 гг. В частности, Поволжье стало одним из приоритетных регионов для внутренней миграции ученых из Петрограда и Москвы. В результате этого значительно пополнился профессорско-преподавательский состав уже существовавших здесь университетов, а также при активном участии столичных ученых в эти годы были созданы «новые» университеты в Ярославле, Костроме, Самаре и Астрахани. Датой их основания, согласно декрету СНК от 21 января 1919 г., стал считаться «день первой годовщины Октябрьской революции — 7 ноября 1918 г.» (Декрет ..., 1968: 311–312).

На основе обобщения и анализа сведений об отдельных ученых, работавших в провинции в годы Гражданской войны, представляется возможным создать коллективную биографию изучаемой социальной группы, определить особенности ее развития, выявить роль и значение ее деятельности в провинции, влияние ее результатов на дальнейшую научную карьеру самих ученых. Дело в том, что свой приезд на периферию молодые, талантливые и профессионально подготовленные ученые, небезосновательно связывали с возможностью успешной карьеры. Это во многом было обусловлено появлением новых вузов, факультетов, кафедр, музеев, библиотек и архивов в провинциальных городах. Следует отметить, что созданию новой научно-образовательной инфраструктуры в регионах в большой степени способствовала деятельность столичных ученых, которые научную

и педагогическую работу зачастую успешно совмещали с выполнением организационных и административных функций.

В этой связи, интерес представляют некоторые количественные и качественные характеристики профессорско-преподавательского состава «новых» университетов Поволжья в 1917–1922 гг. Эмпирической базой исследования стали результаты изучения и анализа данных, касающихся профессорско-преподавательских кадров, извлеченные из научных повременных и периодических изданий университетов.

В Самаре университет был основан 10 августа 1918 г. по решению Комитета членов Всероссийского учредительного собрания на базе Педагогического института, открытого осенью 1917 г. (Документы, относящиеся к открытию Самарского университета, 1918: X).

Педагогический институт в октябре 1917 г. возглавил известный петроградский ученый-педагог и психолог Александр Петрович Нечаев. Значительный вклад в организацию работы историко-филологического факультета института внес видный филолог, академик Владимир Николаевич Перетц. Именно он разработал первые административно-организационные документы историко-филологического факультета: «Планы преподавания дисциплин», «расписания лекций» и др.

Первый состав профессоров и преподавателей Педагогического института в Самаре включал 14 человек, преимущественно петроградских ученых. Из них имели опыт педагогической работы — 12 человек, причем в университетах работали — 6, а 4 — были преподавательницами Высших историко-филологических курсов Петроградского педагогического института, 2 человека преподавали на Петроградских педагогических курсах Общества экспериментальной педагогики. Степень магистра имели 7 преподавателей, степенью доктора обладали трое, а еще 4 человека на момент приезда в Самару были магистрантами. Распределение их по должностям было следующее: ординарные профессора — 4, экстраординарные профессора — 2, штатные

преподаватели — 2, нештатные преподаватели — 3, штатные ассистенты — 2 (Перетц, 1918: 3-6).

По мнению академика В.Н. Перетца, «Самарский Институт при своем зарождении оказался в исключительно счастливых условиях: не говоря уже об отелных привлеченных им преподавателях — среди которых есть лица, давно известные и в России и в Европе, так же с формальной стороны Институт оказался богаче вновь основываемых университетов, имея в своем составе половину имеющих высшую ученую степень и половину — магистрантов» (Перетц, 1918: 5).

В 1918-1919 учебном году состав профессоров и преподавателей в университете, созданном на базе института, пополнился новыми сотрудниками. Согласно декрету СНК от 1 октября 1918 г. «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской Республики», были отменены «ученые степени доктора, магистра, а также звание адъюнкта и все связанные с этими степенями и званиями права и преимущества». (Собрание узаконений ..., 1918: 999). Были отменены также «разделение преподавательского состава высших учебных заведений на профессоров — заслуженных, ординарных, экстраординарных, адъюнкт-профессоров и доцентов», а также звание приват-доцентов. Все преподаватели, уже работающие в вузах, теперь могли получить звание профессора.

Этот декрет вводил всероссийский конкурс на занятие профессорской кафедры. В нем могли принимать участие лица, известные своими «учеными трудами или иными работами по своей специальности, либо своей научно-педагогической деятельностью» (Собрание узаконений ..., 1918: 1000).

Несмотря на эти новые условия, практика личного приглашения преподавателей сохранялась. Все вновь прибывшие на работу в Самарский университет были представителями либо Москвы, либо Петрограда. К сожалению, не обошлось и без потерь: два преподавателя скончались (Д.В. Викторов,

П.В. Безобразов), а профессор по кафедре филологии Иосиф Андреевич Лециус — вышел в отставку и уехал за границу (Перетц, Адрианова, 1919: 1). Таким образом, к июлю 1919 г. по должностям кадровый состав распределялся следующим образом: профессора — 15, доценты — 4, приват-доценты — 2, преподаватели — 7, ассистенты — 3 (Перетц, Адрианова, 1919: 2-3).

К началу 1921 г. в университете было пять факультетов: социально-исторический, физико-математический, медицинский, агрономический, рабочий. Отметим, что такая структура соответствовала принципу приоритета преподавания научно-прикладных дисциплин, что, в первую очередь, удовлетворяло потребности региона в собственных профессиональных кадрах высшей квалификации. Кроме того, значительно расширился профессорско-преподавательский состав. В этот период в университете работали 48 профессоров, 63 преподавателя, 49 ассистентов, 29 ординаторов, 29 научных сотрудников, 6 лаборантов, 25 помощников лаборантов (Фридолин, Софотеров, 1922: 8). Небезынтересно отметить, что численность профессорско-преподавательского состава физико-математического факультета была самой высокой в университете. В этом учебном году также не обошлось без потерь: скончались профессора В.В. Федоров и В.А. Жебровский (Семенов, 1922: 19).

В 1922/1923 учебном году в Самарском университете работали педагогический, медицинский и рабочий факультеты. К сожалению, сведения по кадровому составу этого периода далеко не полные. Профессорско-преподавательский состав медицинского факультета насчитывал: профессоров — 14, преподавателей — 14, ассистентов — 24, ординаторы кафедр — 12, сверхштатные ассистенты — 3, сверхштатные ординаторы — 15 (Гусынин, 1923: 13-15). На педагогическом факультете преподавание осуществляли 12 профессоров, 13 преподавателей и 8 ассистентов (Смирнов, 1923: 1). Всего же работало 125 профессора и преподавателя.

Самарский университет был закрыт в 1923 г. За короткий период его существования в нем работало более 200 профессоров

и преподавателей, но кадровый состав не отличался стабильностью. В 1921 г. в силу разразившегося голода в Поволжье, последствия которого особенно тяжелыми были в Самарской области, начинается отток столичных ученых. В частности, уехали ученые из первого состава профессоров и преподавателей университета — В.Н. Перетц, В.П. Адрианова, В.Н. Ивановский, В.В. Гориневский и В.В. Гориневская, М.И. Ливеровская, А.П. Баранников и др. Кроме того, закончилась Гражданская война, введение нэпа ознаменовало возрождение частного предпринимательства и рыночных отношений. Жить в столицах стало комфортнее.

Нельзя не отметить и такое негативное явление, которое имело место в работе университета в эти годы. Иногда уже избранные для замещения преподавательских должностей работники, в силу разных причин, не приезжали в Самару, и в связи с этим приходилось проводить процедуру выборов заново. Таких случаев за время работы университета насчитывалось 13.

Еще одним «новым» вузом в Поволжье стал Ярославский университет, который был создан в 1918 г. путем преобразования Демидовского юридического лица. Личный состав профессоров и преподавателей Демидовского лица к 1918 г. состоял всего из 13 человек. После преобразования его в университет кадровый состав стал увеличиваться: к январю 1919 г. — 23 человека, к июлю 1919 г. — 25, к ноябрю 1919 г. — 34 (Отчет Ярославского государственного университета ..., 1920: 339). Симптоматично, что среди них не было ни одной женщины.

Пополнение кадрового состава университета было связано с расширением учебных программ, а также с созданием нового медицинского факультета. В 1918/1919 учебном году полностью было обеспечено преподавание на первых двух курсах факультета общественных наук, 3-м и 4-м курсах юридико-политического отделения факультета общественных наук и на 1-м курсе медицинского факультета.

Новые преподаватели приглашались, как правило, в порядке имеющихся у них рекомендаций, т.к., по мнению руководства

университета, «система всероссийских конкурсов при современных условиях была едва ли осуществима и, во всяком случае, не могла обеспечить в течение короткого срока пополнение недостающих преподавательских сил» (Отчет Ярославского государственного университета ..., 1920: 339–340).

Существенной проблемой для нормальной деятельности университета было то обстоятельство, что многие преподаватели, начав работу в Ярославском университете, продолжали преподавать в вузах Москвы и приезжали в Ярославль всего на 2–3 дня в неделю. Причиной этому было крайне плохие жилищные условия в Ярославле. Усилия, предпринимаемые руководством университета к обеспечению своих преподавателей хотя бы каким-нибудь жильем, к сожалению, успеха не имели. Это обстоятельство, конечно, неблагоприятным образом отражалось на всей работе «нового» университета. К сожалению, несмотря на многочисленные просьбы помощи в решении этой проблемы местные власти никакой поддержки университету не оказали.

Осенью 1919 г. на полях Гражданской войны проходили самые ожесточенные бои. В конце сентября — начале октября Красная армия противостояла Вооруженным силам Юга России во главе с А.И. Деникиным. Успехи Красной армии доставались большими людскими потерями.

Эти события отразились и на работе университета в Ярославле. Губисполком постановил освободить здание вуза под военный госпиталь. Университет был переведен в другое здание, малопригодное для осуществления обучения. Транспортное сообщение было нарушено: иногда более суток уходило на то, чтобы добраться из Москвы до Ярославля. Профессорам приходилось ехать в переполненных и неотопливаемых вагонах. Эти поездки стали нерегулярными, и некоторые преподаватели совсем отказались от работы в университете (Отчет Ярославского государственного университета за 1919-1920 учебный год, 1923: 140).

Несмотря на все эти сложности, в 1919/1920 учебном году на факультете общественных наук насчитывалось 26 профессоров,

9 преподавателей и два человека были оставлены для подготовки к профессорскому званию — по юридическим специальностям. На медицинском факультете работало 8 профессоров, 2 преподавателя, 10 преподавателей-ассистентов. Всего 55 человек (Отчет Ярославского государственного университета за 1919-1920 учебный год, 1923: 154-158).

В июле 1920 г. прежнее здание было возвращено университету. Кроме того, Губисполком предоставил в распоряжение университета особый железнодорожный вагон и здание для обеспечения командировок профессоров и преподавателей. Вагон два раза в неделю отправлялся из Москвы. Университету был передан дом для приезжающих преподавателей.

В 1920 г. в Москве начала работу Центральная комиссия по улучшению быта ученых. В Ярославле Губисполком также постановил обеспечивать профессоров и преподавателей университета ученым пайком, их женам был назначен паек Комиссии по снабжению рабочих при Народном комиссариате продовольствия РСФСР, а их детям выдавался обычный городской детский паек (Отчет Ярославского государственного университета за 1919-1920 учебный год, 1923: 141).

В 1920/1921 гг. на факультете общественных наук насчитывалось 24 профессора, 20 преподавателей, 9 преподавателей-ассистентов. На агрономическом факультете были: 1 профессор, 18 преподавателей и 9 преподавателей-ассистентов. На медицинском факультете трудилось 14 профессоров, 20 преподавателей и 9 преподавателей-ассистентов. Всего 114 (Отчет Ярославского государственного университета за 1920-1921 учебный год, 1923: 162).

По квалификации преподавателей можно было отнести к следующим группам: 16 были докторами, 4 человека имели степень магистра, 18 были докторантами и магистрантами, 49 человек — успели зарекомендовать себя своими трудами в профессиональной области, 27 — получили достаточную подготовку для дальнейшей научной работы (Отчет Ярославского государственного университета за 1920-1921 учебный год, 1923: 162).

Отметим, что 16 преподавателей так и не прибыли для работы в Ярославль, несмотря на то, что были выбраны конкурсу. Руководство университета объясняло это трудностями жизни в Советской России, «вследствие которых люди склонны мириться с существующим положением, предпочитая его чему-либо новому малоизвестному; условия же жизни и работы в Ярославле до сих пор еще мало привлекательны, а слухи о неустойчивости университета или отдельных факультетов отпугивают даже тех, кто желал бы сосредоточить свою работу исключительно в Ярославле» (Отчет Ярославского государственного университета за 1920-1921 учебный год, 1923: 162).

В целом, в Ярославском университете в первые годы после революции работало более 100 профессоров и преподавателей, а сам университет был закрыт в 1924 г.

В 1918 г. был открыт еще один «новый» университет в Костроме. Занятия там начались 17 ноября 1918 г. К сожалению, в нашем распоряжении имеются сведения о преподавательском составе этого университета только за 1919/1920 учебный год. Университет состоял в этот период из двух факультетов: гуманитарного и естественного. На первом факультете работало 5 профессоров и 5 преподавателей, а на втором 5 профессоров, 7 преподавателей, 5 ассистента, 21 препараторов. В целом, по нашим подсчетам, около 80 профессоров и преподавателей работали в те годы в Костроме (Обозрение преподавания наук..., 1919).

Первым ректором университета был филолог Николай Гаврилович Городенский, но через год его сменил на посту статистик, профессор Федор Алексеевич Меньков. В кадровый состав университета входили многие известные ученые. В частности, философ Ф.А. Петровский, историки Б.А. Романов и А.Ф. Изюмов, историк искусства А.И. Некрасов, литературоведы В.Ф. Шишмарев и С.К. Шамбинаго, юристы А.Л. Сакетти и Ю.П. Новицкий, пушкинист С.М. Бонди, историк, будущий академик Н.М. Дружинин.

В 1921 г. в связи с тяжелыми материальными и финансовыми условиями, Народный комиссариат просвещения РСФСР принял решение о реорганизации университета в Педагогический и Сельскохозяйственный институты.

Это стало возможно благодаря новой системе управления высшей школы, которая была сформирована Положением «О высших учебных заведениях РСФСР», принятым Декретом Совнаркома РСФСР (Положение о высших учебных заведениях РСФСР г. 1921). Контроль за деятельностью вузов был сосредоточен в Народном комиссариате просвещения РСФСР, а нарком получил исключительные права по формированию кадрового состава и проведению структурных изменений в высших учебных заведениях.

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать, что период существования «новых» университетов в Поволжье, несмотря на то, что был непродолжительным, являлся достаточно значимой и интересной страницей в истории высшей школы России. «Модель» прежнего университетского образования была реализована в них, насколько это позволяли политические и экономические условия позволяли.

Создание и деятельность «новых» университетов имела достаточно существенные позитивные последствия для процесса развития науки и образования в регионе: удалось сохранить непрерывность и преемственность самого процесса; сохранить некий «костяк» преподавательских кадров; сохранить в регионе некоторое количество квалифицированных кадров и специалистов высшей в категории.

В силу ряда причин объективного и субъективного характера профессорско-преподавательский состав «новых» университетов Поволжья не был стабильным. В первые послереволюционные годы он претерпевал изменения, которые были обусловлены постоянными реорганизациями факультетов, что вызывало изменения учебных программ, кроме того, продолжавшимся процессом внутренней и внешней миграции ученых, а также естественной убылью.

Анализ фактического материала показывает, что профессорско-преподавательский состав был представлен, в основном, «старой» профессурой, которая являлась носителем дореволюционных академических традиций. Вместе с тем, несмотря на то, что молодые преподаватели получили образование до революции, их профессиональное становление происходило уже в новых исторических условиях. Многие из них, имея магистерскую степень в провинциальных в «новых» университетах смогли получить профессорские должности. Их профессиональная подготовка, полученная в ведущих российских университетах, давала им возможность существенно повысить свой профессиональный и научный уровень.

Совместная деятельность в провинции опытных и молодых ученых, представителей разных научных школ, создавала особую атмосферу плодотворной творческой работы, позволяла сохранять и укреплять корпоративное единство университетского научного сообщества. К сожалению, закрытие «новых» университетов в Поволжье вскоре после окончания Гражданской войны в качественно новых условиях нэпа не позволило в полной мере реализоваться ряду важных положительных тенденций и принципов, которые уже начали проявляться в их деятельности.

Список литературы

Гусынин В.А. Отчет о состоянии Медицинского факультета Самарского государственного университета за 1922/23 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 10-20.

Декрет Совета народных комиссаров об утверждении государственных университетов в гг. Костроме, Смоленске, Астрахани и Тамбове и о преобразовании в государственные университеты быв. Демидовского юридического лица в г. Ярославле и Педагогического института в г. Самаре // Декреты советской власти. В 13-ти т. Т. IV. М.: Политиздат, 1968. С. 311-312.

Документы, относящиеся к открытию Самарского университета // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. I-XX.

Обозрение преподавания наук в Костромском государственным рабоче-крестьянским университете на 1919-1920 учебный год. Кострома: Типография Губвоенкома, 1919. 12 с.

Отчет Ярославского государственного университета за 1919-1920 учебный год // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярославского губернского сельско-хозяйственного и кустарно-промышленного союза кооператоров, 1923. С. 139-159.

Отчет Ярославского государственного университета за 1920-1921 учебный год // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 2. Ярославль: Изд-во Ярославского губернского сельско-хозяйственного и кустарно-промышленного союза кооператоров, 1923. С. 159-180.

Отчет Ярославского государственного университета за период времени с осени 1918 г. по 7 ноября 1919 г. // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. Ярославль: Типография Ярославского сельско-хозяйственного и кредитного союза кооператоров, 1920. С. 333-359.

Перетц В.Н. Отчет о деятельности Самарского педагогического института в осеннем полугодии 1917 года // Ученые известия Самарского университета. Вып. 1. Самара: Типография губернского земства, 1918. С. 3-17.

Перетц В.Н., Адрианова В.П. Отчет о деятельности Историко-филологического факультета Самарского государственного университета // Ученые записки Самарского университета. Вып. 2. Самара: Типография Средволсоюза № 1, 1919. С. 1-16.

Положение о высших учебных заведениях РСФСР (2 сентября 1921) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://letopis.msu.ru/documents/2762> (дата обращения: 08.12.2021)

Семенов Е.В. Краткий отчет о деятельности Физико-математического факультета Самарского государственного университета за период 30 декабря 1919 г. — 1 октября 1921 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 1 СНХ, 1922. С. 15-24.

Смирнов П.П. Отчет о состоянии Педагогического факультета Самарского государственного университета за 1922/23 учебный год // Известия Самарского государственного университета. Вып. 5. Самара: Изд-во Самарского государственного университета, 1923. С. 1-10.

Собрание узаконений и распоряжений правительства рабоче-крестьянского правительства. 1918. № 72. Ст. 789. С. 999-1000.

Фридолин П.П., Софотеров А.К. Краткий обзор состояния Самарского государственного университета в 1921 г. // Известия Самарского государственного университета. Вып. 3. Самара: Типография № 1 СНХ, 1922. С. 4-8.

PROFESSORS AND LECTURERS OF THE VOLGA REGION “NEW” UNIVERSITIES: STAFF CHANGE IN 1917-1922

Elena F. Sinelnikova,

PhD in history, Academic secretary
S.I. Vavilov Institute for the History of Science
and Technology, RAS, St. Petersburg Branch
St. Petersburg, Russia
e-mail: sinelnikova-elena@yandex.ru

The article is devoted to the results of the study of the formation and evolution of the staff of the Volga region universities, created after the 1917 revolution. Difficulties in the process of organizing the work of “new” universities, in particular, their difficulties with professors and lecturers hiring, are shown.

It is noted that for a number of objective and subjective reasons, the faculty staff of the Volga region “new” universities was not stable. In the first post-revolutionary years, it underwent changes that were caused by constant reorganization of faculties and changes in curricula, in addition, the ongoing process of internal and external migration of scientists and scholars, as well as natural decline. Unfortunately, the closure of the Volga region “new” universities soon after the end of the Civil War in the qualitatively new conditions of the NEP did not allow a number of important positive trends and principles that had already begun to mark themselves in their activities to be fully realized.

Keywords: sociology of science, social history of science, history of higher education, prosopography, scientific community, revolution, Civil war.

УДК: 005.966:902(09)

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-84-106

**ВАРИАНТЫ КАРЬЕРНОГО ПУТИ
АРХЕОЛОГОВ ПЕТЕРБУРГА И МОСКВЫ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ
(НА ПРИМЕРЕ В.В. ЛАТЫШЕВА
И В.А. ГОРОДЦОВА)**

Данила Витальевич Серух

кандидат исторических наук,
независимый исследователь;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: mao1864@yandex.ru

Ирина Валентиновна Белозерова

старший научный сотрудник
Государственного исторического музея;
Москва, Россия
e-mail: irina.belozero@yandex.ru

Сергей Владимирович Кузьминых

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института археологии РАН;
Москва, Россия
e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Виктория Витальевна Онощенко

научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: 89117212734@mail.ru

Наталья Андреевна Павличенко

старший научный сотрудник
Института истории материальной культуры
РАН;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: nat.pavlichenko@gmail.com

В рамках комплексного исследовательского проекта нами были подробно изучены архивные источники, связанные с биографиями профессора В.А. Городцова (1860–1945) — одного из самых известных археологов Москвы, автора первого в России учебника по археологии, создателя типологического метода, и академика В.В. Латышева (1855–1921) — ученого из Петербурга, академика, филолога-классика, эпитафиста, византиниста. Личный фонд Городцова находится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, личный фонд Латышева — в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, а их письма — в десятках архивов России и других стран. Опубликованы дневники и фрагменты переписки В.А. Городцова, комплекс эпистолярного наследия В.В. Латышева. Сравнение жизненного пути этих ученых демонстрирует два совершенно различных варианта карьеры в археологической науке. По рождению оба ученых не принадлежали к элите, но были невероятно талантливы, амбициозны и тщеславны. В.В. Латышев — ученый, прошедший классический путь от университетской скамьи до позиций преподавателя и директора института, члена российских и зарубежных научных обществ и академий. Он совмещал научную карьеру с административной, последовательно поднимавшись до директора Департамента Министерства народного просвещения и директора Историко-филологического института, получив чин тайного советника и множество наград.

В сфере греческой и латинской эпиграфики Латышев был ученым мировой величины, посвятившим жизнь собиранию и публикации корпуса античных надписей Северного Причерноморья. В.А. Городцов начинал как полевой археолог; будучи офицером русской армии уже в зрелом возрасте увлекся археологией и сразу же показал в ней блестящие способности. В начале XX века он становится хранителем археологической коллекции Исторического музея и преподавателем Московского археологического института. Городцов пере-жил Латышева на целую эпоху. В 1920-е годы он стал одним из первых лиц в советской археологии и, в отличие от Латышева, успел создать научную школу. Их биографии являются яркими иллюстрациями истории российской археологии.

Ключевые слова: история науки, археология, антиковедение, эпиграфика, Городцов, Латышев, Академия наук, Исторический музей, Московский археологический институт, Археологическая комиссия.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18–09–40115 (Древности) «Научные коммуникации в отечественной археологической науке во второй половине XIX — первой четверти XX в. (на основе неопубликованных архивных источников)»

Сопоставление жизненного пути двух выдающихся представителей российской археологии конца XIX — 1 пол. XX в. В.В. Латышева и В.А. Городцова, выполненное на основе архивного материала, наглядно демонстрирует два совершенно различных варианта карьеры в археологической науке того времени. Путь в науку у них был различным: у одного — прямой и ясный, у другого — извилистый и тернистый. Однако жизненные обстоятельства не стали преградой в достижении научных высот. Своими выдающимися достижениями оба ученых обязаны в первую очередь своим личным качествам и упорству в достижении цели.

Василий Васильевич Латышев (1855–1921) — фигура первостепенной важности в античной эпиграфике Северного

Причерноморья. Начало научного пути ученого, на первый взгляд, кажется вполне стандартным: степень магистра, преподавание в университете, степень доктора греческой словесности. Карьерный рост В.В. Латышева начинался также вполне традиционно, а именно: с должности преподавателя гимназии. Но в дальнейшем мы видим в его биографии не только научные исследования, публикации, но и работу в Министерстве Народного просвещения, директорство в Петербургском Историко-филологическом институте, службу товарищем председателя Императорской Археологической комиссии. Таким образом, Латышеву удалось весьма успешно совместить научную работу высочайшего класса с работой администратора и чиновника не менее высокого уровня.

В 1876 г. Латышев окончил курс Петербургского историко-филологического института, где его учителем был основатель российской эпиграфической школы Ф.Ф. Соколов, а затем в течение 4-х лет преподавал в гимназии в Вильно. В 1880–1882 гг. Министерство народного просвещения командировало его «с ученой целью» в Грецию. Когда командировка уже подходила к концу, Соколов предложил ему заняться составлением задуманного Русским археологическим обществом сборника греческих и латинских надписей Южной России — *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini* (IOSPE). На заседании РАО в марте 1882 г. Соколов дает Латышеву блестящую характеристику: «...В короткое время г. Латышев приобрел необыкновенное мастерство в списывании надписей и написал целую массу прекрасных статей, из которых только часть напечатана в Журнале Министерства Народного Просвещения, а несколько статей находятся еще в распоряжении редакции. Ему удалось открыть и издать несколько новых интересных документов; из них один принадлежит к числу редких памятников — сенатус-консультов Римской Республики, притом II века до Р. Хр. Энергия г. Латышева поистине изумительна, как согласится всякий, кто прочитает все его работы, сделанные в продолжении неполных 20 месяцев.

Сенатус-консулт претора Г. Гостилия Манцина — плод трех недель путешествия в зимнее время в Южной Фессалии, где г. Латышеву приходилось голодать, мокнуть под дождем и спивать камни, лежа в снегу... Всякая новая работа г. Латышева представляет новый шаг в его научной зрелости. Надобно удивляться его глубоким познаниям в греческих древностях, точности издания текстов, зрелости суждения, полноте указаний на литературу всякого специального вопроса...» (ИРАО. Т. 10. 1884. Протоколы: 438–442).

Редкая целеустремленность и энергичность Латышева в сочетании с отличной академической подготовкой позволили ему издать I том IOSPE, включающий надписи Тиры, Ольвии, Херсонеса и Неаполя Скифского всего за 3 года — в 1885 г. (Petropoli, 1885). За это время он проработал все предшествующие публикации, совершил поездки по югу России и в Москву, во время которых посещал все имевшиеся там собрания эпиграфических памятников и делал копии и эстампажи уже известных и вновь найденных надписей. I том IOSPE получил высочайшую оценку таких выдающихся эпиграфистов, как В. Диттенбергер и С. Рейнак (Dittenberger, 1886: 437; Reinach, 1886: 170). В конце 1890 г. вышел уже II том IOSPE (Petropoli, 1890), включивший надписи Боспорского царства, в 1901 г. — IV том, куда вошли причерноморские надписи, найденные после 1890 г. (Petropoli, 1901), и, наконец, уже перед самой революцией, в 1916 г., был переиздан I том (IOSPEI². Petropoli, 1916). Кроме того, в 1896 г., к 50-летию основания Императорского Русского археологического общества, он издает сборник греческих надписей христианских времен из Южной России (Латышев, 1896). Между выходом томов IOSPE Латышев ежегодно публиковал новые надписи из раскопок причерноморских полисов, а также дополнения и поправки к уже опубликованным памятникам в ЖМНП, МАР, ЗРАО, ЗООИД, ИАК и других изданиях. Латышев никогда не писал «в стол», так что все новые находки публиковались оперативно, в течение ближайших лет.

После выхода свет I тома IOSPE можно было с абсолютной уверенностью сказать, что Латышев — это и есть российская эпиграфика. С.А. Жебелёв писал в его некрологе, что Латышев «не очень-то жаловал, когда кто-нибудь другой вторгнулся в эту область, где он считал себя — и в значительной степени мог считать себя по праву — полным хозяином. С одной стороны, эта “монополия” имела свои хорошие стороны: каждая вновь находимая надпись попадала в вполне надежные руки, и опубликование ее не задерживалось. С другой стороны, “монополия” сторона имела и нечто отрицательное: В.В. не дал возможности другим войти в южно-русскую эпиграфику, не создал “школы” в ней, не оставил после себя достойных преемников...» (Жебелев, 1926: 108). Полностью соглашаясь с оценкой Жебелёва, можно заметить, что история развития эпиграфики как в России, так и за рубежом свидетельствует о необходимости единого центра, координирующего изучение и публикацию исчисляющихся сотнями экземпляров и разбросанных по разным музеям эпиграфических памятников. Кем представлен этот центр — одним исследователем или целым научным институтом — зависит от конкретных исторических условий. И как справедливо писал А.В. Никитский, «никто у нас — да и не у нас только — не исполнил бы этого крупного труда так скоро и так превосходно, как Василий Васильевич» (Яйленко, 1972: 184). Важной чертой личности Латышева было его умение браться за прерванную работу, как только появлялось свободное время. Ф.И. Успенский отмечал, что «для него не было затруднения с выжиданием настроения, что для многих из нас составляет психологическую потребность, он мог работать настойчиво и с упорством, пользуясь всяким часом, который оставляли ему сложные служебные занятия» (Успенский, 1926: 583, 584).

Эти слова Успенского подтверждаются в письмах Латышева к И.В. Помяловскому. 19 августа 1888 г. Латышев сообщает ему о готовом II томе IOSPE: «Это ... придало мне особенную силу для бодрой работы над 2-й частью, которая теперь уже почти

готова к печати. Так скоро? Спросите Вы. Да, так может показаться, но нужно принять во внимание, что вот уже пять лет, как я не беру с собой на дачу почти никакой другой работы кроме этой!», и добавляет: «Нынешним летом только изменил этому обыкновению в пользу «Обзора Афинских Археологических изданий за 1887 год», который уже печатается в «Записках» и перевода одной рукописи Дюбрюкса, найденной в бумагах Оленина, для Записок Оде[сского] Общ[ества]» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 928. Л. 82–83 об.).

Еще одной важной работой стал изданный им свод расположенных в хронологическом порядке выдержек из греческих и латинских писателей о Скифии и Кавказе «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», который до сих пор не потерял своей значимости для исследователей Северного Причерноморья. Вышло 2 тома, содержащих по несколько выпусков: *Scythica et Caucasiae veteribus scriptoribus Graecis et Latinis collegit et cum versione Rossica edidit Basilius Latyschew. Vol. 1. Scriptores Graeci. Fasc. 1–3 (Petropoli, 1893–1900); Vol. 2. Scriptores Latini (Petropoli, 1904–1906).*

Помимо изучения античных надписей на рубеже XIX–XX вв. Латышев стал уделять также много внимания византистике и агиографии (Тункина, 1999).

Становление Латышева как ученого изначально проходило в тесном взаимодействии с общеевропейской наукой: он неоднократно посещал с учеными целыми Италию, Германию, Францию, свободно читал на европейских языках. После первой учебной поездки в Грецию министр народного просвещения И.Д. Делянов, который одновременно являлся товарищем председателя РАО, продлил Латышеву командировку уже по России сроком на год для сбора материала к IOSPE. Перед молодым, но уже зарекомендовавшим себя исследователем открылась перспектива профессорской должности в Новороссийском университете в Одессе (Тункина, 1999: 183). Вот что он писал И.В. Помяловскому 31 июля 1882 г.: «Я предпочитаю оставаться в

Петербурге, потому что ... по словам проф. Воеводского, в тамошних библиотеках можно найти далеко не все, что мне понадобится для предварительного изучения южно-русской эпиграфики...» (ОР РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 928. Л. 4–5 об.).

Это назначение не состоялось, и 1 июля 1883 г. Латышев становится преподавателем греческой литературы в Императорском Петербургском Историко-филологическом институте, затем наставником института, а в 1887 г. — заведующим и начальником-руководителем гимназии при институте по греческому языку. В 1890–1893 гг. он служил помощником попечителя Казанского учебного округа. В эти и последующие годы Латышев являлся действительным и почетным членом многих российских и зарубежных ученых обществ, членом-корреспондентом (а в 1893 г. уже академиком) Императорской Академии наук, членом-корреспондентом Императорской Берлинской Академии наук.

В апреле 1893 г. Латышев возвращается из Казани в Петербург в связи с назначением вице-директором департамента Народного Просвещения. Спустя три года, в июле 1896 г., он вступает в должность директора департамента Народного Просвещения, прослужив на этом посту до апреля 1898 г.

Дальнейшее развитие карьеры В.В. Латышева было связано с административной деятельностью, но уже в научных и образовательных организациях. В 1900–1919 гг. ученый занимал должность товарища председателя Императорской Археологической комиссии / Российской археологической комиссии (Виноградов, 2013: 161-163; Императорская Археологическая Комиссия..., 2019: 243–244), в 1903–1918 гг. он был также директором Петербургского Историко-филологического Института, а в 1903 г. вошел в совет Императорского Палестинского Православного общества.

3 июля 1903 г. Латышев писал председателю Археологической комиссии графу А.А. Бобринскому о своем назначении директором ПИФИ: «Филологическая горькая чаша, действительно,

меня не миновала, — очень уж настаивал и упрашивал Зенгер. Конечно, я поставил как *conditio sine qua non* — сохранение службы в Комиссии, и думаю, что ей эта чаша не помешает, так как в Институте занятия оканчиваются в 2 часа, да и во время занятий директор не обязан же торчать безвылазно среди профессоров» (РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 1059. Л. 21–22).

Стоит также отметить, что в ИАК Латышев инициировал издание «Известий Императорской Археологической комиссии», в которых публиковались обзоры о деятельности комиссии, статьи по археологии и реставрации.

Карьерный путь академика В. В. Латышева — это пример чрезвычайно плодотворного ученого, успешного чиновника и администратора, которому удалось не только совмещать разные должности, но и осуществить эпиграфические и агиографические исследования, которые и сегодня не теряют своей актуальности.

Василий Алексеевич Городцов (1860–1945) — культовая фигура в истории отечественной археологии. Выходец из низших слоев российского общества, не выделяясь среди сверстников особыми талантами, он смог встать в первый ряд ученых, заложивших фундамент русской археологии. Его жизнь — яркий пример того, как черты характера ученого сказались не только на личной судьбе, но и повлияли на развитие археологической науки в императорской и советской России (Кузьминых, Белозерова, 2017).

В многодетной семье сельского священника, в которой родился Василий Городцов, не было предпосылок к занятию наукой. Материальное положение семьи было непростым: рано умерла мать, оставив шестерых малолетних детей сиротами; в один из пожаров сгорел их дом. Начальное домашнее образование они получили от деда, бывшего диакона местной церкви, выучившего их читать и писать. Потом была учеба в духовном училище, дававшаяся ему нелегко: Василий жил в казенном общежитии (бурсе), часто впроголодь, денег не хватало на

учебники и одежду, учеников регулярно секли за провинности. Как он вспоминал позднее: «Бурса в 1870 году представляла настоящую плачевную юдоль» (Городцов, 2015б: 213). Его успехи в обучении не были блестящи: учился слабо, по низшему третьему разряду, в классе был на 29 месте (Жук, 2005: 87). В семинарию Городцов также поступил не сразу, а на следующий год, с посредственными оценками по классическим языкам и четверкой по поведению. На склоне лет он писал об этом периоде: «Смолоду я не имел хорошей научной подготовки, и я никогда не думал, что судьба готовила мне такой исключительный путь. Если бы я знал это, как бы старался заранее изучать языки, изучить археологию во всем ее объеме» (Городцов, 2015а: 130). Подводя итоги пройденного пути, Василий Алексеевич отмечал: «Все следует делать в свое время. Счастлив тот человек, который в детстве получил хорошее образование и воспитание и в ранней юности прилежно трудился, следуя своему призванию. Я не принадлежу к таким счастливым: детство я провел в беспросветной тьме, где не могло быть и речи о воспитании и образовании. В ранней юности я ленился. Вступил в жизнь полным невеждой. На 20 году я осознал это и стал усердно учить сам себя без учителей. Много положил трудов, но восполнить потерянного и до сих пор не мог» (Городцов, 2015б: 135).

Впервые Городцов решился кардинально изменить предначертанный ему жизненный путь к двадцати годам, предпочтя церковному служению военную карьеру — духовное образование явно не было его стезей. Тогда он оставил семинарию (проучившись 2½ года) и, вопреки настойчивым уговорам родных, поступил рядовым в гренадерский полк, дислоцированный в Рязани. Именно в ранней юности в нем проснулось безудержное желание изменить судьбу, свернуть с проторенного многими поколениями его предков пути церковного служения. Уже в те годы юноша не захотел мириться с безрадостным кругом провинциальной жизни с ее бедностью, невежеством и серостью. Учеба в Московском пехотном юнкерском училище, а в

ходе военной службы обязанности адъютанта батальона, командира саперной и охотничьих команд помогли развить выносливость, самодисциплину, работоспособность, привычку к порядку, умение работать с разными коллективами. Все эти навыки окажутся в дальнейшем незаменимыми в его археологической, преподавательской и музейной деятельности.

Именно в этот период, в годы военной службы в Рязани в конце 1880-х гг., к Городцову пришло увлечение археологией. Пришло через обычную любознательность — найденные во время конных прогулок в окрестностях с. Дубровичи каменные стрелы напомнили игры с этими «громовыми молниями» деревенской ребятни (включая и его самого) на развешенных дюнах и те известные с детства легенды, что с ними были связаны. В 1889 г., получив открытый лист от Московского археологического общества, Городцов проводит первые в своей жизни археологические раскопки на дюне Борок близ родного села (Городцов, 1901а). Заявление в Рязанскую ученую архивную комиссию об открытии здесь остатков селения доисторического человека можно считать началом его научного пути (Энговатова, 1991: 65).

Увлечение археологией пришлось на то время, когда стали складываться черты характера, ставшие отличительными признаками индивидуальности Городцова-исследователя: целеустремленность, феноменальная работоспособность, неприхотливость к удобствам и бытовым благам, постоянная жажда новых знаний, упорство в достижении цели. Уже в годы службы в Рязани, а затем в Ярославле он приучил себя к регулярным занятиям. Главным его университетом, безусловно, стало самообразование, причем не только в области археологии. Именно самообразование — вкупе с военно-топографической подготовкой в пехотном училище и армии, организационными навыками и фундаментальным геологическим образованием — определили высокий профессиональный уровень уже первых исследований Городцова-археолога. Важную роль в его

становлении и формировании как ученого сыграла поддержка председателя МАО П.С. Уваровой. Она обратила внимание на одаренность и незаурядность провинциального исследователя, стала для него наставником и учителем, способствовала его профессиональному развитию, снабжала всей необходимой литературой, ввела в круг русских археологов того времени. Это лучше иных источников отражено в переписке Городцова с графиней Уваровой, которая продолжалась без малого 30 лет, до ее отъезда в 1917 г. на Северный Кавказ, а затем в эмиграцию (Белозерова, Кузьминых, 2015а: 20–25; Стрижова, 2016).

Уже на заре научной деятельности Василий Алексеевич продемонстрировал председателю МАО свои лучшие качества исследователя: работоспособность, четкость в исполнении поставленных перед ним задач, перспективность своей дальнейшей научной работы. Он был одержим, выполняя те или иные поручения графини, и стремился добиться результата любой ценой. Примером тому сложнейшие раскопки курганных могильников на юге России в 1901 и 1903 гг. (Городцов, 1905; 1907). В желании заниматься любимой археологией его не останавливали ни недостаток знаний, ни материальное положение семьи (с пятью детьми и съемными квартирами на скромное жалование военного). Путь от любителя до профессионала — исследователя дюнных стоянок эпох неолита и бронзы в долине Оки Городцов прошел достаточно быстро.

Важным событием в жизни начинающего исследователя явилось приглашение его как члена РУАК на очередной Всероссийский Археологический съезд, проходивший в Москве. Позднее Василий Алексеевич вспоминал: «В январе 1890 г. мне повезло быть на VIII Археологическом съезде и впервые вступить в среду русских и отчасти заграничных археологов» (Городцов, 2015а: 443). Однако фактически его рождение как археолога-профессионала, признанного ведущими русскими археологами того времени, состоялось на XI Археологическом съезде в Киеве, когда он представил на обсуждение доклад о

доисторической керамике России (Городцов, 1901б). Теоретико-методическое исследование Городцова, конечно, привлекло внимание коллег: то был один из первых в русской археологии опытов «универсальной классификационной системы для описания глиняных изделий» (Лебедев, 1992: 253). Киевский доклад положил начало последующим работам, в которых детализировались принципы сравнительно-типологического метода.

Успех на съезде и резонанс в научных кругах труда «Русская доисторическая керамика» были по достоинству оценены П.С. Уваровой, которая рекомендовала Городцова как археолога-практика организаторам XII и XIII Археологических съездов в Харькове и Екатеринославе. При раскопках курганных могильников в Изюмском и Бахмутском уездах в полной мере раскрылся его талант археолога-полевика. Именно в эти годы закладываются городцовская полевая методика и методы изучения, классификации и интерпретации археологического материала, которые уже тогда опирались на использование данных и приемов естественных наук (геологии, зоологии), а также этнографии, топографии и картографии. Методика полевых исследований Городцова больше напоминала работы натуралиста, чем гуманитария (Бочкарев, 2001: 9). Итогом этих работ стало выделение самостоятельных археологических культур — ямной, катакомбной и срубной. Эта схема, первоначально классификационная, после раскопок 1903 г. была преобразована в хронологическую систему. Обнародованная спустя десятилетие (Городцов, 1915), она заложила краеугольный камень во все последующие разработки хронологии и периодизации бронзового века Восточной Европы (Городцов, 1927).

Публикация материалов раскопок на юге России и их анализ (Городцов, 1905; 1907; 1915) вывели ученого в первый ряд русских археологов и принесли ему европейскую известность. Но вести активную археологическую деятельность, оставаясь на военной службе, было непросто. Поэтому Городцов совершает еще один судьбоносный шаг в своей карьере: в 1903 г. по

приглашению графини Уваровой становится младшим хранителем в отделе древностей доисторических Российского Исторического музея. Работа в музее (формирование и инвентаризация археологических фондов, совершенствование системы их хранения, создание первой научной экспозиции) и начало преподавательской деятельности с 1907 г. в Московском археологическом институте, а с 1915 г. в Народном университете им. А.Л. Шанявского способствовали быстрому прогрессу в его занятиях наукой. Необходимость подготовки к лекциям, проработка специальной литературы и анализ богатейших археологических материалов РИМ послужили мощным стимулом к разработке общей концепции развития археологии в России. Она нашла отражение в опубликованных учебных курсах — лекциях по первобытной и бытовой археологии (Городцов, 1908; 1910). По мнению современников, «В.А. Городцов создал монументальный труд, охватывавший все аспекты археологической науки того времени <...>» (Смирнов, 2015: 320). В историографии подчеркивается систематизирующее значение этого труда для русской археологии (Клейн, 2011: 652), его считают первым изложением развернутой археологической версии мирового культурно-исторического процесса в русской археологии (Лебедев, 1992: 254). Таким образом, не получив специального университетского образования, Городцов достиг высот в профессиональной деятельности уже в дореволюционные годы, став известным в России и в Европе исследователем. В его лекционных курсах и трудах нашли отражение теоретические взгляды, связанные с разработкой типологического метода, археологической классификации, процессов культурогенеза на просторах Северной Евразии, а также практические результаты изучения археологических микрорайонов на р. Оке и курганных древностей на юге России.

Революции 1917 года и гражданская война стали водоразделом в жизни страны, ее народа и, конечно, интеллигенции. Многие ее представители пошли на службу в органы новой

власти, чтобы спасти и сохранить наследие русской культуры, донести до следующих поколений традиции отечественной науки и подготовить новую смену. Фигура Городцова, обладавшего организаторскими способностями, школой воинской службы и административной работы в Историческом музее, вполне соответствовала тому типу «буржуазных специалистов», без опыта и знания которых советская власть не могла обойтись. Впервые в своей жизни Василий Алексеевич занял высокую административную должность, став в 1918 г. членом Всероссийской коллегии Отдела по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы — специального государственного органа по руководству всем музейным строительством, созданным при Наркомпросе РСФСР. Вскоре он инициировал организацию при Музейном отделе Археологического подотдела и до 1926 г. являлся его руководителем. По своему статусу это была фактически должность «главного» или «государственного» археолога страны. Городцов со всей страстностью занялся разработкой и претворением в жизнь целой серии проектов: организацией общегосударственного управления археологическими музеями, созданием единого плана археологических раскопок и исследований, переустройством всей археологической службы Советской России, включая мероприятия по охране археологических памятников, находящихся вне музеев, специальные постановления по охране мест раскопок и внемузейных памятников исключительного научного значения, методику археологических работ и др.

В 1920-е гг. наблюдался наибольший расцвет его карьеры — административная, научная, педагогическая, музейная деятельность ученого оставалась на пике вплоть до «года великого перелома». Свидетельство тому — послужной список должностей и званий: профессор археологии (с конца 1918 г.), профессор кафедры первобытной археологии 1 МГУ (1919), профессор керамического факультета ВХУТЕМАСа (1920–1923), член коллегии Отдела по делам музеев (1918–1926) и заведующий

археологическим подотделом (1919–1926) НКП РСФСР. Он участвовал в создании научных учреждений: в 1919 г. РАИМК в Петрограде (в 1924 г. председатель археологической комиссии Московской секции РАИМК) и МИХИМ в Москве (до начала 1921 г. заведующий археологической секцией); стал членом археологической комиссии ГУС (музейно-библиотечной и научно-политической секций) (1923–1928) и коллегии Института археологии и искусствознания РАНИОН (1923–1930); в эти же годы работал в ГАХНе, ГАИСе, ВОКСе, ЦБК; преподавал и выступал с лекциями в разных аудиториях; почти ежегодно проводил раскопки; издавал научные труды. В те годы ярко проявились выдающиеся способности Василия Алексеевича как организатора, теоретика и методиста. Чего стоят усилия ученого и Музейного отдела по организации так и несостоявшегося I Всесоюзного археологического съезда. Вспоминая то время, он писал: «Я хорошо сознавал, что создались условия для моей работы во всю силу и что упускать случай для развития активности нельзя, так как он для меня уже не повторится. Случай поставил меня во главе археологических исследований и административных работ. Восемь лет я стоял на предоставленном мне посту» (Городцов, 2015а: 238).

В 1920-е гг. во всей полноте раскрылся педагогический талант ученого. Важнейшей заслугой Городцова на педагогическом поприще является «звездная» когорта учеников, окончивших под его началом археологическое отделение 1 МГУ и аспирантуру Института археологии и искусствознания РАНИОН, — С.В. Киселев, А.В. Арциховский, А.Я. Брюсов, Д.А. Крайнов, М.Е. Фосс, П.А. Дмитриев, А.П. Смирнов, Л.А. Евтюхова, В.П. Левашева, О.А. Кривцова-Гракова, Б.А. Рыбаков, Е.И. Крупнов и др. Именно благодаря им отечественная археология не свернула целиком в 1930-е гг. на рельсы «нового учения о языке» Н.Я. Марра, сохранила преемственность с традициями дореволюционной русской археологии и во многом преумножила их в последующие десятилетия. Как ученый, администратор и

педагог, Городцов немало способствовал тому, чтобы в стране расширилась сеть университетов, которые стали центрами подготовки археологов. Во многих из них преподавали его ученики. Но особенно важную роль в подготовке специалистов для вузов страны он отводил Институту археологии и искусствознания РАНИОН и секции археологии при 1 МГУ, с которыми сам был тесно связан.

С 1929 г. начался самый трудный период в жизни ученого: он лишился основных мест работы в Наркомпросе, ГИМ, ГУС, ГАИС, РАНИОН. В 1930-е — вслед за чисткой и увольнениями ученых старой школы, разгромом краеведческого движения, гонениями на археологию как науку «буржуазную», вещеведческую — арестовали многих его коллег. Эта участь грозила и Василию Алексеевичу, имя которого фигурировало в ряде процессов тех лет (Формозов, 2006: 195; Ватлин, Канторович, 2001). Несмотря на невзгоды, Городцов не пал духом, продолжил активную научную и организационную деятельность; в 1933–1937 гг. он стал ученым консультантом Института антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

Анализируя жизненный путь и карьеру Городцова, следует сказать, что он многого достиг только благодаря неутомимой энергии, потрясающей, феноменальной работоспособности, собранности, самодисциплине. Эти черты характера ученый сохранил до конца жизни, до последних лекций о каменном веке студентам МГУ военной поры в своей застуженной квартире в центре Москвы. Несмотря на тяжелую болезнь, Василий Алексеевич предвоенные и военные годы готовил к публикации 2-е издание книги «Археология. Т. 1. Каменный период» и монографию «Археология. Т. 2. Металлический период», написал ряд статей. В 1943 г. ученому было присвоено звание «Заслуженный деятель науки РСФСР», а в 1944 г. за заслуги в научной и общественной деятельности он был награжден орденом Ленина.

Ни революции, ни войны, ни другие события не изменили коренного отношения ученого к родному Отечеству — всю

жизнь он был патриотом своей отчизны. Имя В.А. Городцова навечно вписало в историю горячо любимой им археологии, с которой неразрывно была связана вся его жизнь.

Карьерный путь археологов Москвы и Петербурга, сложившийся в императорской России и продолжившийся в России советской, конечно, не ограничивается примерами В.В. Латышева и В.А. Городцова. Сравнение жизненного пути этих ученых демонстрирует два совершенно различных варианта карьеры в археологической науке. Путь Латышева — назовем его академическим — характерен для большей части русских археологов, сформировавшихся до революции и достигших высот в науке. Путь Городцова — с упором на самообразование — являлся скорее исключением, тем не менее, по этому пути пришло в науку немало ученых и до и после 1917 года. Немногие из них принадлежали к элите отечественной археологии, но без их труда история русской и советской археологии была бы не полной.

Сокращения

БСЭ — Большая советская энциклопедия. М.

ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские

ГАИС — Государственная Академия искусствознания

ГАХН — Государственная Академия художественных наук

ГИМ — Государственный исторический музей

ГУС — Государственный ученый совет НКП РСФСР

ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с заграницей

ИАК — Императорская Археологическая комиссия

ИИМК — Институт истории материальной культуры РАН

КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН. М.

МАО — Московское археологическое общество

МГУ — Московский государственный университет

МИХИМ — Московский институт историко-художественный изысканий и музееведения

НКП, Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения РСФСР

ОИРИМ — Отчет Императорского Российского Исторического музея. М.

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников ГИМ

ПИФИ — (Императорский) Петербургский историко-филологический институт

РА — Российская археология. М.

РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры

РАН — Российская академия наук

РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук

РАО — (Императорское) Русское археологическое общество

РУАК — Рязанская ученая архивная комиссия

ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН. М.

ЦБК — Центральное бюро краеведения

Список литературы

Белозерова И.В., Кузьминых С.В. Жизненный и научный путь В.А. Городцова (по архивным документам и воспоминаниям) // Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935. М.: Триумф принт, 2015. С. 14–85.

Бочкарев В.С. Периодизация В.А. Городцова в контексте хронологических исследований европейского бронзового века // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация / Ред. Ю.И. Колев и др. Самара: Науч.-техн. центр, 2001. С. 8–10.

Ватлин А.Ю., Канторович А.Р. Из истории отечественной археологической науки (несостоявшийся судебный процесс 1935 года) // РА. 2001. № 3. С. 123–131.

Виноградов Ю.А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014) / Под ред. Е.Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.

Городцов В.А. Как открыты были следы поселений каменного века в окрестностях сел: Шумошь, Дубровичи, Алканово и Муромино (Рязанского у.) в 1888–1889 гг. // Тр. РУАК. 1901а. Т. 16. Вып. 1. С. 82–93.

Городцов В.А. Русская доисторическая керамика // Тр. XI Археологического съезда в Киеве, 1899 г. М., 1901б. Т. I. С. 577–672.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ., 1901 г. // Тр. XII Археологического съезда в Харькове, 1902 г. М., 1905. Т. I. С. 174–225.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ., 1903 г. // Тр. XIII Археологического съезда в Екатеринославе, 1903 г. М., 1907. Т. I. С. 210–285.

Городцов В.А. Первобытная археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1908. 416 с.

Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОИРИМ за 1914 год. М.: Синод. тип., 1915. С. 121–226.

Городцов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. 1927. Т. 7. С. 610–626.

Городцов В.А. К итогам археологических трудов в СССР за 10 лет // ТСА РАНИОН. 1928. Т. II. С. 5–11.

Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 1: 1928–1935. М.: Триумф принт, 2015а. 687 с.

Городцов В.А. Дневники (1928–1944). В 2-х кн. Кн. 2: 1936–1944. М.: Триумф принт, 2015б. 695 с.

Жебелев С.А. Василий Васильевич Латышев: некролог // Византийский временник. 1926. Т. 24. С. 105–110.

Жук А.В. Василий Алексеевич Городцев в Рязанский период его жизни, службы и научной деятельности. Омск: Омск. гос. ун-т, 2005. 536 с.

Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). История первого государственного учреждения российской археологии от основания до реформы. Т. I. / Ред.-сост. А. Е. Мусин, М. В. Медведева. 2-е изд. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 888 с.

Клейн Л.С. История археологической мысли: В 2 т. СПб.: СПбГУ, 2011. Т. 1. 688 с.

Кузьминых С.В., Белозерова И.В. Человек, который сделал себя сам: о личности Василия Алексеевича Городцова // Археологические вести / Отв. ред. Е.Н. Носов. СПб.: ИИМК РАН, 2019. Вып. 25. С. 313–318.

Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896. 143 с.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: СПбГУ, 1992. 464 с.

Смирнов А.С. В.А. Городцов как представитель московской археологической школы дореволюционного времени // КСИА. 2015. Вып. 240. С. 318–328.

Стрижова Н.Б. Диалог археологов: Из переписки П.С. Уваровой и В.А. Городцова (по материалам ОПИ ГИМ) // КСИА. 2016. Вып. 242. С. 245–252.

Тункина И.В. В. В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного наследия) // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / под ред. И. П. Медведева. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 172–288.

Успенский Ф.И. Памяти академика В.В. Латышева // Известия АН СССР. 1926. Т. 20. С. 577–584.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историкографические очерки / 2-е изд., доп. М.: Знак, 2006. 344 с.

Энговатова А.В. Труды В.А. Городцова по изучению неолита бассейна р. Оки // Проблемы изучения древних культур Евразии / Отв. ред. Д.А. Крайнов. М.: Наука, 1991. С. 65–71.

Яйленко В.П. Александр Васильевич Никитский (К 50-летию со дня смерти) // ВДИ. 1972. № 4. С. 175–188.

Dittenberger W. Philologie und Altertumskunde // Deutsche Litteraturzeitung. 1886. Bd. 13. S. 437, 438.

Reinach S. Chronique d'Orient. Revue Archéologique. 1886. Vol. VII. P. 145–170.

Latyschew B. Scythica et Caucasica e veteribus scriptoribus Graecis et Latinis. Vol. 1. Scriptorum Graeci. Fasc. 1-3. Petropoli: Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1900. 932с.; Vol. 2. Scriptorum Latini. Fasc. 1-2. Petropoli: Тип. Имп. Акад. наук, 1904–1906. 454 с.

**PETERSBURG AND MOSCOW
ARCHEOLOGISTS OPTIONS
OF THE CAREER PATH IN THE LATE XIX -
BEGINNING OF XX CENTURIES
(ON THE EXAMPLE OF V. V. LATYSHEV
AND V. A. GORODTSOV)**

Danila V. Serykh,

PhD in history, independent researcher,
St. Petersburg, Russia
e-mail: mao1864@yandex.ru

Irina V. Belozerova,

senior researcher
of the State Historical Museum
Moscow, Russia
e-mail: irina.belozero@yandex.ru

Sergey V. Kuzminykh,

PhD in history, leading researcher
of the Institute of Archaeology of the RAS
Moscow, Russia
e-mail: kuzminykhsv@yandex.ru

Victoria V. Onoshchenko,

researcher
of the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS
St. Petersburg, Russia
e-mail: 89117212734@mail.ru

Natalia A. Pavlichenko,

senior researcher
of the Institute for the History of Material Culture of the RAS
St. Petersburg, Russia
e-mail: nat.pavlichenko@gmail.com

As part of a comprehensive research project, we have conducted a detailed study of the archival sources related to the biographies of professor V. A. Gorodtsov (1860–1945), one of the most famous Moscow archaeologists, author of the first coursebook on archaeology in Russia, creator of the typological method, and academician V. V. Latyshev (1855–1921), a St. Petersburg scholar, expert in classical philology, epigraphy, Byzantine studies. A collection of Gorodtsov's personal papers is based in the Department of Written Sources of the State Historical Museum; Latyshev's personal papers are stored in the St. Petersburg Branch of the Archive of the RAS, and their letters are scattered between dozens of archives in Russia and other countries. There have been published V. A. Gorodtsov's diaries and correspondence fragments, and V. V. Latyshev's epistolary heritage complex. A comparison of these scholars' life path demonstrates two completely different career options in archaeological science. Originally, both scholars did not belong to the elite, but they were incredibly gifted, ambitious and vain. V. V. Latyshev is a scholar who passed a classical pathway from a university student to the positions of a teacher and an institute director, a member of Russian and foreign scientific societies and academies. He combined his scientific career with an administrative one and achieved successively the positions of the Director of the Department of the Ministry of Public Education and the Director of the Historical and Philological Institute with the rank of Privy Counsellor and a great number of awards. In the sphere of Greek and Latin epigraphy, Latyshev was a world-class scholar who devoted his life to collecting and publishing a corpus of ancient inscriptions of the Northern Black Sea region. Being an officer of the Russian army, V. A. Gorodtsov started as a field archaeologist and at a mature age he turned to archaeology, having immediately showed brilliant abilities in it. At the beginning of the XXth century, he became a curator of the archaeological collection of the Historical Museum and a teacher at the Moscow Archaeological Institute. Gorodtsov outlived Latyshev by an entire epoch. In the 1920s, he became one of the first figures in Soviet archaeology and, unlike Latyshev, was able to create a scientific school. Their biographies are bright illustrations of the history of the Russian archaeology.

Keywords: history of science, archeology, antique studies, epigraphy, Gorodtsov, Latyshev, Academy of Sciences, Historical Museum, Moscow Archaeological Institute, Archaeological Commission.

УДК: 577.21(09)

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-107-118

**«ЛАБОРАТОРИЯ № 7» КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА И ЕЁ РОЛЬ
В СТАНОВЛЕНИИ
МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ**

Андрей Игоревич Ермолаев

кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: yamamura@yandex.ru

Исследования нуклеиновых кислот и нуклеаз в Казанском университете были начаты задолго до реабилитации генетики. Работать в этом направлении в 1951 г. начала микробиолог М.И. Беляева. В 1958 г. М.И. Беляева со своими учениками опубликовала первый в нашей стране сборник научных статей по данному разделу молекулярной биологии. В 1963 г. структурно оформилась проблемная лаборатория. Официально ее задачей считалось изучение противораковых соединений микробного происхождения, о связи подобных проблем с генетикой до ее реабилитации старались не говорить. Но эти исследования очень много значили для будущего возрождения генетики.

Ключевые слова: история науки, молекулярная биология, научная политика, Казанский университет, 1950-1980-е годы.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 20-011-00719.

Вторая половина двадцатого века ознаменовалась грандиозными прорывами в области молекулярной биологии, биотехнологии и генетической инженерии. Открытие структуры молекулы наследственности — дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), расшифровка генетического кода и исследование тонкостей работы ферментов, участвующих во всех основных молекулярно-генетических процессах живой клетки полностью изменили лицо современной биологии (см.: Голубовский, 2000; Захаров, 2003; Фандо, 2020). Что наиболее важно — все это произошло на протяжении жизни одного поколения, с 1950-х по 1980-е годы. Следующее поколение биологов, основываясь на работах предшествующего этапа, стало с легкостью изменять окружающий мир, создавая генетически модифицированные растения и животных, новые типы лекарств и методов лечения, диагностики и клонирования.

В отличие от западной, история российской биологии была здесь более извилиста, и имеет свои отличительные особенности. После Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. на долгие полтора десятилетия (а в бурно развивающейся науке это гигантский период) генетика в СССР получила ярлык «буржуазной науки», «продажной девки империализма», «прислужницы расизма» и так далее. Тем не менее, молекулярная генетика и молекулярная биология все более мощно вступала в свои права в мировой науке. Полностью закрыть глаза на это не удавалось, ведь вопросы радиационного воздействия на живые организмы после появления атомных бомб приобрели уже не только научно-биологическое, но и чисто оборонное значение.

Если в пространстве социальных норм и институтов генетика была запрещена, то в пространстве взаимовлияющих научных полей на стыке биологии и физики игнорировать ее было невозможно. Можно сказать, что события 1948 г. привели к вытеснению генетических знаний из области биологии в поле физики. Это полная противоположность тому, что наблюдалась на Западе — там физики, испуганные своими успехами в деле

создания атомной бомбы, нередко переходили в биологические лаборатории. Поскольку до 1964 г. молекулярная генетика, как и остальные области немичуринской генетики, продолжали считаться идеологически сомнительными, становление новых научных направлений происходило под флагом не генетических, а физико-химических исследований.

Происходившие в это время процессы в Москве и Ленинграде были описаны автором ранее (Ермолаев, 2016а, 2016б, 2018, 2019, 2021), но это явление можно распространить на всю страну. Рассмотрим ситуацию в Казанском государственном университете (КГУ). События 1948 года затронули КГУ так же, как и всю страну (подробнее см.: Барабанщиков, Ермолаев, 2011). Открытая в Казанском университете в 1949 г. с целью пропаганды «мичуринской биологии» кафедра генетики и дарвинизма (Архив Казанского федерального университета. Приказы по Казанскому государственному университету им. В.И. Ульянова-Ленина. 1948. Т. 2. Л. 72) в сентябре 1953 г. была закрыта «как малочисленная по штату» (что было вполне естественно, ибо на кафедре так и остался всего один преподаватель) и превращена в «генетический кабинет» (Ермолаев, 2017а). До открытия в КГУ нормальной кафедры генетики оставалось еще 20 лет.

Но в области молекулярно-биологических исследований Казанский университет не остался в стороне. Первой ласточкой в этом деле стали работы с дезоксирибонуклеазами, которые развернула в 1950-е гг. профессор кафедры физиологии растений и микробиологии Маргарита Ильинична Беляева (1912–2004), создавшая позже в КГУ самостоятельную кафедру микробиологии и ставшая ее первым заведующим. Когда в начале 1950-х гг. во всем мире начались исследования в области химии ДНК и РНК, М.И. Беляева сумела увидеть, какие широкие перспективы открываются перед нарождавшейся молекулярной биологией. Как образно сказано в книге Н.В. Феоктистовой «Микробиология в Казанском университете»: «Маргарита Ильинична не боялась шагнуть в неизведанное. В 1951 г.

она совершила прорыв в области только зарождающейся молекулярной биологии — впервые в нашей стране начала изучать микробные нуклеополимеразы с тем, чтобы испытать их возможное противоопухолевое действие. И это в то время, когда еще не была известна структура ДНК, а все, связанное с генетикой и наследственностью, в Советском Союзе было под запретом» (Феоктистова, 2009: 56). На кафедре физиологии растений и микробиологии КГУ начинаются исследования ферментов, принимающих участие в метаболизме нуклеиновых кислот. Это были первые в СССР работы в области нуклеаз, которые положили начало научному направлению «Нуклеополимеразы бактерий и их действие на опухолевый рост».

7 января 1956 г. на пленарном заседании годичной научной конференции КГУ один из пяти докладов принадлежал М.И. Беляевой и назывался «Способность микроорганизмов разрушать нуклеопротеиды и нуклеиновые кислоты опухолей» (ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 29. Д. 317. Л. 6). В 1958 г., всего лишь через пять лет после открытия двойной спирали ДНК, М.И. Беляева со своими учениками опубликовала сборник статей по теме «Нуклеиновые кислоты и ферменты нуклеинового обмена в норме и при опухолевом росте» — первый в нашей стране научный труд по данному разделу молекулярной биологии (Беляева, 1958). За этим сборником последовали другие (Беляева, 1964, 1967 и т.д.).

Как вспоминал впоследствии один из учеников М.И. Беляевой, заведующий кафедрой биохимии КГУ профессор В.Г. Винтер: «Маргарита Ильинична одна из первых в начале 60-х гг. высказала идею о том, что нуклеазы участвуют во всех звеньях метаболизма нуклеиновых кислот (НК). Идея казалась в тот период парадоксальной. Тогда укрепилось положение, что эти ферменты нужны только для разрушения чужеродных НК. Я помню, как очень уважаемый ученый — академик А.А. Баев в начале 70-х советовал Маргарите Ильиничне оставить работы по нуклеазам, но Маргарита Ильинична упорно продолжала исследования» (цит. по: Лещинская, Багаева, 2002: 12).

По инициативе М.И. Беляевой и под ее руководством создается специальная рабочая группа в Научно-исследовательском химическом институте имени А.М. Бутлерова при КГУ (Ермолаев, 2017). В 1960 г. в эту группу входили старшие научные сотрудники О.В. Мессина и А.М. Нужина, младшие научные сотрудники Н.П. Зеленкова, Д.В. Юсупова, И.Е. Павловская, М.Ф. Конев, И.Е. Маслова. Так, Наталья Петровна Зеленкова (1921–2003) окончила биофак КГУ в 1948 г. и аспирантуру в 1952 г., работала ассистентом кафедры физиологии растений и микробиологии в 1958–1960 гг., младшим научным сотрудником НИХИ имени А.М. Бутлерова в 1960–1963 гг. За эти годы опубликовала несколько работ на интересующую нас тему, в частности в соавторстве с М.И. Беляевой — «Особенности опухолевой ДНК и действие на нее бактериальных дезоксирибонуклеаз» (Беляева, Зеленкова, 1962). Ассистент кафедры физиологии растений и микробиологии КГУ Роза Абдрахмановна Сайманова (1921–2015) защитила в 1964 г. кандидатскую диссертацию на тему «Дезоксирибонуклеазы бактерий и влияние некоторых условий на их образование и активность». Участвовали в этой работе и многие другие аспиранты и студенты. Однако все эти исследования преподносились учеными как чисто микробиологические и биохимические, об их связях с проблемами наследственности в те годы предпочитали умалчивать.

Наконец, в 1963 г. на основе группы М.И. Беляевой в КГУ создается «Проблемная лаборатория по синтезу противораковых соединений микробного происхождения», в которой уже полностью официально сосредоточились исследования нуклеаз. Позднее она стала называться «Межкафедральной биологической лабораторией № 7» (История Казанского университета, 2004: 460). Когда я во второй половине 1970-х гг. учился в КГУ, сотрудники и студенты обычно называли это подразделение просто «Лаборатория № 7», и я позволил себе вынести именно это не вполне официальное название в заголовок статьи.

Приказ о создании проблемной лаборатории датирован 7 сентября 1963 г. (ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 29. Д. 446. Л. 148).

Лаборатория не появилась бы, если бы не поддержка крупного математика Михаила Тихоновича Нужина, с 1954 г. занимавшего должность ректора университета. М.Т. Нужин — одна из знаковых фигур в истории КГУ, он очень много сделал для его развития (подробнее см.: История Казанского университета, 2004). То, что лаборатория создавалась «не вдруг», видно из опубликованных еще в 1960 г. в газете «Известия» очерков «Письма из Казанского университета» знаменитого писателя-публициста А.А. Аграновского. В них Аграновский описывает позицию М.Т. Нужина по вопросу научного финансирования: «Вот пришла ко мне наш микробиолог Беляева со своими замыслами. Вижу: идеи стоящие, проблема гигантская — злокачественные опухоли. Просит на лабораторию двести тысяч. Посидели мы с ней — довели до полумиллиона. А в темноту я деньги валить не буду, пусть и не просят» (Аграновский, 1982: 103).

В отчете о научно-исследовательской работе университета за 1964 год в числе направлений основной проблематики научно-исследовательской работы названа и тема «Изучение роли нуклеиновых кислот в злокачественном росте и разработка биологических методов воздействия на опухолевый рост» (Исаков, 2005: 134).

В 1969 г. кафедры физиологии растений и микробиологии была разделена на две — кафедру физиологии растений и кафедру микробиологии, которую возглавила профессор Беляева. Проблемная лаборатория № 7 с тех пор существовала при кафедре микробиологии.

22 ноября 1973 г. Ученый совет КГУ присудил коллективу авторов под руководством профессора М.И. Беляевой премию в размере 1000 рублей за цикл работ «Нуклеазы как биологически активные вещества» (ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 43. Д. 125. Л. 351). Сотрудниками лаборатории было получено более 10 авторских свидетельств на изобретения.

В 1981 г. Министерством высшего образования СССР была сформирована межвузовская программа «Нуклеазы

микроорганизмов и их практическое использование», в реализации которого приняли участие ученые из восьми вузов и десяти академических институтов (см.: История науки..., 2005: 102-104). Координатором этой программы был назначен КГУ, а научным руководителем — ученица М.И. Беляевой Инна Борисовна Лещинская, которая с 1982 по 2002 год заведовала кафедрой микробиологии КГУ, а в 1992 г. была избрана действительным членом Академии наук Республики Татарстан.

В 1984 г. работа «Нуклеазы микроорганизмов и их практическое использование» экспонировалась на ВДНХ («Выставка достижений народного хозяйства») СССР в Москве и была удостоена «Диплома Почета».

В 1987 г. большой коллектив ученых в составе 24 человек из разных городов был удостоен Премии Совета Министров СССР за разработку препаратов микробных нуклеодеполимераз и родственных ферментов для генной инженерии, биотехнологии и медицины. Среди получивших эту премию были М.И. Беляева, уже вышедшая к тому времени на пенсию, и сотрудники кафедры микробиологии КГУ Д.В. Юсупова, Б.М. Куриненко и Н.П. Балабан (Феоктистова, 2014: 29). По направлению «Нуклеодеполимеразы микроорганизмов» казанскими учеными с 1958 по 1999 г. было подготовлено более тридцати кандидатских и 4 докторских диссертаций (Феоктистова, 2014: 67-71).

11 марта 1987 г. научно-исследовательская лаборатория №7 была переименована в научно-исследовательскую лабораторию биосинтеза и биоинженерии ферментов (ГА РТ. Ф. Р-1337. Приказы КГУ, 1987. Т. 4. Л. 34). Тем же приказом была создана новая научно-исследовательская лаборатория биохимии нуклеиновых кислот, ее возглавил ученик М.И. Беляевой доктор биологических наук В.Г. Винтер (1939-2005). Данное разделение научных направлений и лабораторий потребовалось потому, что с 1985 г. Винтер исполнял обязанности заведующего кафедрой биохимии КГУ (официально ею на общественных началах заведовал академик И.А. Тарчевский, но он, в основном, был занят

в Биологическом институте (об этом ниже)). Виктор Георгиевич умер весьма рано, в 66 лет, о чем я не перестаю сожалеть, вспоминая как будучи еще школьником слушал его рассказы о командировках в английские лаборатории (наши семьи жили на рубеже 1960-70-х гг. на одном этаже университетского общежития для сотрудииков).

Необходимо упомянуть, что с 1976 г. в Казанском государственном университете существовала и кафедра генетики (Ермолаев, 2017а). Она была создана решением Минвуза СССР 13 мая 1976 г. (ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 32. Д. 877. Л. 73). И хотя первый заведующий кафедрой генетики КГУ Б.И. Барабанщиков (см. о нем: Ермолаев, 2004) не был связан лично с кафедрой микробиологии (он учился на кафедре зоологии КГУ, а позже на кафедре генетики МГУ, и писал диссертацию в Институте общей генетики АН СССР под руководством А.А. Прозорова), логика развития науки вела по пути исследований в области молекулярной биологии. Основным научным направлением кафедры генетики КГУ в 1970–1980-е гг. было исследование молекулярных процессов рекомбинации и мутагенеза у сенной палочки *Bacillus subtilis* (обзор работ см. в: Барабанщиков, 1984; Ермолаев, 2004).

А из микробиологической лаборатории КГУ на кафедру генетики при ее создании был переведен Иван Савельевич Белов. 30 сентября 1976 г. Ученый совет биолого-почвенного факультета проголосовал за избрание к.б.н. И.С. Белова на должность старшего преподавателя кафедры генетики (Ермолаев, 2004: 147). Он и читал первые годы курс «Генетика микроорганизмов» (Белов, 1985а, 1985б) и вел исследования по нуклеазам *Bacillus subtilis* (Белов, Белова, 1984), осуществляя, таким образом, связь научных направлений кафедр генетики и микробиологии.

Также в 1970-е гг. произошло изменение научного направления Казанского института биологии (КИБ) АН СССР. Датой основания КИБ считается 1945 г., когда был организован Казанский филиал Академии наук СССР, а в его составе — Биологический

институт. Первым директором КИБ стал известнейший в Казани зоолог беспозвоночных профессор КГУ Николай Александрович Ливанов (1876–1974). Но в 1948 г. он был подвергнут обструкции за приверженность «формальной генетике» и уволен из института. Все, что могло напомнить о генетике (как классической, так и молекулярной), в институте, естественно, было искоренено. Только в 1970-х гг. в КИБ вместе со своими учениками пришел профессор КГУ Игорь Анатольевич Тарчевский (с 1981 г. — член-корреспондент, с 1987 г. — академик АН СССР). Он учился на той же кафедре физиологии растений и микробиологии, но начинал как физиолог и биохимик, а не микробиолог. И.А. Тарчевский возглавлял КИБ с 1975 по 1992 г. и добился включения в Государственную научно-техническую программу «Физико-химическая биология». И совершенно логично, что позже, в 1998 г., КИБ был переименован в Казанский институт биохимии и биофизики, а молекулярно-генетические исследования занимают значительную долю в его научных исследованиях (см.: Ермолаев, 2017б). В этом институте работает много выпускников разных кафедр Казанского университета — микробиологии, генетики, биохимии и физиологии растений. Создатель кафедры микробиологии КГУ М.И. Беляева после выхода на пенсию из КГУ еще 11 лет заведовала лабораторией физиологии микроорганизмов КИБ (с 1978 по 1989 г.).

Вместе с тем скорость развития генетических и молекулярно-биологических исследований в СССР в последнее десятилетие его существования замедлилась по сравнению с предыдущим периодом. Причины этого, видимо, следует искать в тех застойных явлениях, которые поразили все советское общество и не могли не затронуть и научную жизнь. Хотя и академия, и правительство делали все возможное, чтобы генетика в СССР развивалась (см.: Ермолаев, 2015), инерция процесса, набранная генетикой в конце 1960-х гг. после ее второго рождения, была столь мала, что «силы торможения» брали верх над любыми попытками ускорить развитие молекулярной генетики.

Список литературы

Барабанщиков Б.И. Механизмы репарации, рекомбинации и мутагенеза бактерий. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 118 с.

Барабанщиков Б.И., Ермолаев А.И. Казанский университет в период лысенковщины // Историко-биологические исследования. 2011. № 2. С. 54–65.

Белов И.С. Гибридологический анализ бактерий. Казань, 1985а. 42 с.

Белов И.С. Мутационный анализ бактерий: Метод. указания для лаб. работ по генетике микроорганизмов. Казань, 1985б. 25 с.

Белов И.С., Белова М.М. Очистка и некоторые свойства внутриклеточной нуклеазы компетентного штамма *Bacillus subtilis* // Прикл. биохим. и микробиол. 1984. Т. 20 № 2. С. 200–207.

Беляева М.И. (ред.). Разрушение нуклеопротеидов и нуклеиновых кислот злокачественных опухолей с помощью микроорганизмов: Сб. работ лаборатории микробиологии за 1951–1957 гг. / Под ред. проф. М.И. Беляевой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1958. 148 с. (Учен. Зап. Казан. ун-та. Т. 118. Кн. 3.)

Беляева М.И. (ред.). Бактериальные нуклеазы: Сб. работ лаборатории микробиологии / Под ред. проф. М.И. Беляевой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. 168 с.

Беляева М.И. (ред.). Методы и некоторые результаты изучения нуклеиновых кислот и ферментов нуклеинового обмена: Сб. работ лаборатории микробиологии / Под ред. проф. М.И. Беляевой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967. 100 с.

Беляева М.И., Зеленкова Н.П. Особенности опухолевой ДНК и действие на нее бактериальных дезоксирибонуклеаз // Итоговая науч. конф. КГУ за 1961 г. Секц.: биол. и хим. Казань, 1962. С. 5–6.

Голубовский М.Д. Век генетики: Эволюция идей. СПб.: Борей-Арт, 2000. 264 с.

Ермолаев А.И. История генетических исследований в Казанском университете. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 176 с.

Ермолаев А.И. К вопросу о действиях правительства по развитию молекулярной биологии в СССР в 1950–1970-е годы // Наука и техника: вопросы истории и теории. Том. 31. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2015. С. 224–226.

Ермолаев А.И. История создания института молекулярной генетики АН СССР // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Труды XXII Годичной научной международной конференции. М.: ИИЕТ РАН, 2016а. С. 737–740.

Ермолаев А.И. Тематика генетических исследований в Институте молекулярной биологии в начале 1980-х гг. // Наука и техника: вопросы истории и теории. Вып. 32 (Материалы XXXVII международной годичной конференция

СПб отделения Национального комитета по истории и философии науки и техники РАН). СПб., 2016б. С. 157–158.

Ермолаев А.И. Этапы становления и развития генетики в Казанском университете // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Естеств. науки. 2017а. Т. 159. кн.2. С.179–205.

Ермолаев А.И. История становления и развития Казанского института биохимии и биофизики РАН // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Труды Годичной научной конференции, посвященной 85-летию ИИЕТ РАН. М.: ИИЕТ РАН, 2017б. С. 683–686.

Ермолаев А.И. Молекулярно-генетические исследования С.Е. Бреслера в Институте высокомолекулярных соединений и в Радиобиологическом отделе Физико-технического института // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Вып. 34 (Материалы XXXIX международной годичной конференция СПб отделения Национального комитета по истории и философии науки и техники РАН). СПб., 2018. С 88–89.

Ермолаев А.И. Сложная судьба молекулярной генетики в СССР // Вихревая динамика развития науки и техники в СССР/Россия. Том III. Вторая половина XX века. Самоорганизация, турбулентный переход и диссипация (Коллективная монография). М.: ИИЕТ РАН; Саратов: Амирит, 2019. С. 189–231.

Ермолаев А.И. История Радиобиологического отдела Ленинградского института ядерной физики // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Труды Годичной научной конференции. М.: ИИЕТ РАН, 2021. С. 341–345.

Захаров И.А. Генетика в XX веке: Очерки по истории. М.: Наука, 2003. 77 с.
Инге-Вечтомов С.Г. Ретроспектива генетики: Курс лекций. СПб.: Издательство Н-Л, 2015. 336 с.

Исаков А.П., Исаков Е.П. Летопись Казанского университета. Т. 2: 1946–2004. Казань–Лондон: ООО «МИАН», 2005. 276 с.

История Казанского университета. 1804–2004 / Под ред. И.П. Ермолаева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 656 с.

История науки в Казанском университете, 1980–2003 гг. / Ред.-сост. Е.М. Федотов, А.А. Федорова, В.В. Кузьмин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 258 с.

Лещинская И.Б., Багаева Т.В. Маргарита Ильинична Беляева. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. 23 с.

Фандо Р.А. Взаимодействие физики и биологии на пути к познанию строения ДНК // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция. М., 2020. С. 436–349.

Феоктистова Н.В. Микробиология в Казанском университете. Казань: Центр инновац. технол., 2009. 180 с.

Феоктистова Н.В. Маргарита Ильинична Беляева. 100 лет со дня рождения. Казань, 2014. 76 с.

**“LABORATORY NO. 7” OF KAZAN
UNIVERSITY AND ITS ROLE IN THE
DEVELOPMENT OF MOLECULAR GENETIC
RESEARCH IN RUSSIA**

Andrey I. Ermolaev,

Ph.D. in Biology, Senior Researcher

S.I. Vavilov Institute of the History of Science and Technology

of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Branch

St. Petersburg, Russia

e-mail: yamamura@yandex.ru

The research of nucleic acids and nucleases at Kazan University was started long before the rehabilitation of genetics. Microbiologist Margarita Belyaeva started working in this direction in 1951. In 1958, M.I. Belyaeva and her students published the first book of scientific articles on this section of molecular biology in our country. In 1963, the basic research laboratory was structurally formed. Officially, its task was considered to be the learning of anti-cancer compounds of microbial origin. They tried not to mention the connection with genetics. But these studies meant a lot for the future revival of genetics.

Keywords: history of science, molecular biology, scientific policy, Kazan University, 1960-1980s

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ АКАДЕМИЧЕСКИЕ
ИНСТИТУТЫ ГУМАНИТАРНОГО
ПРОФИЛЯ — ВАЖНОЕ ЗВЕНО В
ПУБЛИКАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ
РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ**

Елена Александровна Иванова

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского научного центра
РАН;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: ea.ivanova@spbrc.nw.ru

Любовь Глебовна Николаева

научный сотрудник
Санкт-Петербургского научного центра
РАН;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: Nikolaeva_LG@mail.ru

В статье содержится оценка научного потенциала петербургских академических институтов гуманитарного профиля, их публикационной активности по информационным базам РИНЦ и Scopus. Дается обзор российских

гуманитарных журналов по шести предметным областям базы Scopus. Анализируется доля петербургских журналов в этих областях.

Ключевые слова: гуманитарные и общественные науки, информационно-аналитическая база Scopus, публикационная активность, наукометрия, библиометрика, научные исследования.

Гуманитарные академические институты Петербурга имеют не только национальное, но и мировое культурное значение. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Библиотека Академии наук, Институт восточных рукописей (Азиатский музей) — это старейшие организации, зародившиеся в период быстрого освоения европейской науки, обладающие уникальными коллекциями. Институт истории материальной культуры хранит все документы Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербургский институт истории является наследником Археографического института и владеет значительной частью коллекции Н.П. Лихачева. В Институте русской литературы (Пушкинском Доме) находятся собрания рукописей российских писателей, а в Институте лингвистических исследований — словарная картотека, насчитывающая более 8 млн. карточек-цитат и создававшаяся в течение многих десятилетий. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук является центром хранения ее документов за трехвековой период, а также личных архивов многих ученых. Все эти коллекции служат постоянным источником исследований по истории и культуре нашей страны, а также многих зарубежных стран.

В настоящее время в Санкт-Петербурге расположены 11 учреждений Министерства науки и высшего образования России, проводящих научные исследования по гуманитарным и общественным наукам и относившихся до 2013 года к Российской академии наук: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (МАЭ РАН); Институт восточных рукописей (ИВР РАН); Институт истории материальной культуры (ИИМК РАН); Санкт-Петербургский институт истории

(СПБНИИ РАН); Институт лингвистических исследований (ИЛИ РАН); Институт русской литературы (Пушкинский Дом) (ИРЛИ РАН); Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН); Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова (СПбФ ИИЕТ РАН); Институт проблем региональной экономики (ИПРЭ РАН); Социологический институт — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН); Библиотека Российской академии наук (БАН).

Все они относятся к федеральным государственным бюджетным учреждениям науки и финансируются Минобрнауки РФ. В то же время утверждение планов и отчетов организаций происходит после их рассмотрения и согласования в Российской академии наук. Восемь учреждений относятся к Отделению историко-филологических наук, два — к Отделению общественных наук, одно находится под научно-методическим руководством Президиума РАН. Самостоятельными являются восемь из них, а три — филиалами научных организаций, расположенных в Москве. Всего в петербургских академических учреждениях гуманитарного профиля работает более полутора тысяч человек, около половины из которых являются научными сотрудниками. Среди них 5 академиков, 19 членов-корреспондентов РАН, 3 ученых, имеющих почетное звание «Профессор РАН», около 180 докторов наук и более 400 кандидатов наук.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН и Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН Указами Президента РФ отнесены к числу особо ценных объектов культурного достояния народов РФ и включены в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов России.

В МАЭ РАН работает около 200 человек, из них более 100 научных сотрудников, в т.ч. 1 член-корреспондент РАН, 20

докторов наук, 66 кандидатов наук. Научной деятельностью занимаются более 10 отделов, Международный центр исламских исследований, Центр арктических исследований, Музей М.В. Ломоносова, Лаборатория музейных технологий. В них исследуются этногенез, этнокультурный облик народов России и мира, современные этнические процессы. Собранные коллекции сохраняются, осуществляется их систематизация, научное описание, реставрация и консервация. Изучается эволюция человека, обществ и цивилизаций. Кроме того, исследуются языки, фольклор и литература народов мира.

МАЭ РАН является учредителем и соучредителем 6 научных журналов. Журнал «Антропологический форум» издается с 2005 г., «Manuscripta Orientalia» — с 1995 г., журналы «Этнография», «Кунсткамера», «Camera praehistorica» — с 2018 г., «Language in Africa» — с 2020 г.

Среди научных подразделений Института восточных рукописей РАН 5 отделов и библиотека. В рукописном фонде насчитывается более 100 тысяч единиц хранения рукописей старопечатных книг. Ценнейшие документы по истории отечественной науки хранятся в Архиве востоковедов. В институте работают 63 человека, из них 43 — научные сотрудники, из которых большинство — это доктора и кандидаты наук, 1 член-корреспондент РАН. Многие из них являются членами зарубежных академий и научных обществ. Научные сотрудники института опубликовали за 2011–2020 гг. около 50 монографий и более 900 статей.

Периодические и продолжающиеся издания ИВР РАН: «Письменные памятники Востока» (с 2004 г.), «Written Monuments of the Orient» (с 2015 г.), «Тибетология в Санкт-Петербурге» (с 2014 г.), «Ислам на территории бывшей Российской империи» (с 1998 г.), «Mongolica» (с 1986 г.), «Страны и народы Востока» (с 1959 г.), «Памятники письменности Востока» (с 1959 г.), «Тюркологический сборник и Turcologica» (с 1951 г.).

Институт истории материальной культуры РАН состоит из пяти научных отделов, трех лабораторий и научного архива. При институте находится одна из крупнейших в мире специализированных археологических библиотек. Общий штат института насчитывает более 140 человек, в том числе 113 научных сотрудников, среди них 20 докторов наук и 59 кандидатов наук.

ИИМК РАН выпускает два рецензируемых издания: с 1992 года — «Археологические Вести» и с 2006 года — «Записки ИИМК РАН». На базе Отдела охранной археологии с 2010 года ежегодно публикуется сборник «Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (Охранная археология)». С 2019 года издается «Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований» (ПАЖМИ).

В Санкт-Петербургском институте истории РАН работает 70 человек, почти все они являются научными сотрудниками, в том числе 1 академик, 1 член-корреспондент РАН, 22 доктора наук и 36 кандидатов наук. В структуре института пять научных отделов, Научно-исторический архив и группа источниковедения, Лаборатория комплексного исследования рукописных памятников, Новгородская группа. В последние годы сотрудники института, кроме статей в научных журналах, публикуют ежегодно более 10 монографий, сборников статей, научно-популярных книг, изданий документов и памятников.

С 2014 года СПбИИ РАН издается «Петербургский исторический журнал». Среди продолжающихся изданий следует отметить сборник «Вспомогательные исторические дисциплины», публикация которого после перерыва была возобновлена в 1968 году, и возобновленный в 1982 году «Новгородский исторический сборник».

В Институте лингвистических исследований РАН числится более 160 человека, из них 120 научных сотрудников, среди которых 1 академик, 3 члена-корреспондента РАН, 1 профессор РАН, 23 доктора наук и 79 кандидатов наук.

Ежегодно ИЛИ РАН публикует, помимо статей, около 10 изданий: монографий, томов словарей, сборников научных статей. К периодическим изданиям относятся «Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография» (выходит с 2017 г.), «Славянская историческая лексикология и лексикография» (с 2018 г.), «Новые слова и словари новых слов» (с 2020 г.), а также журналы «Индоевропейское языкознание и классическая филология» (выходит с 1998 г.), «Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» (издается с 2003 г. тремя частями в год), «Севернорусские говоры» (выходит с 1969 г. раз в год).

Численность работников Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН — 186 человек, в том числе 137 научных сотрудников, из них 2 академика и 3 члена-корреспондента РАН. В структуре ИРЛИ РАН 9 отделов, в одном из них — Рукописном отделе — находится Древлехранилище. Кроме того, функционируют Центр теоретико-литературных и междисциплинарных исследований, Центр исследований детской литературы, Литературный музей, Библиотека и Фонограммархив.

Ежегодно сотрудники ИРЛИ РАН публикуют около 20 книг: монографий, томов академических изданий классиков русской литературы, указателей, литературоведческих изданий. Среди серийных изданий — неперiodическое специализированное издание «Временник Пушкинской комиссии» (первый выпуск вышел в 1936 г., перерывы в издании с 1941 по 1963 г. и с 1996 по 2002 г., к настоящему времени опубликовано 33 выпуска), «Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома» (выходит с 1969 г.), ежегодники «Русский фольклор» (с 1956 г.) и «Труды Отдела древнерусской литературы» (с 1934 г.), сборник историко-литературных материалов и публикаций «XVIII век» (с 1935 г.). В Институте издаются три журнала: «Русская литература» (с 1958 г.), «Словесность и история» (с 2020 г.) и «Детские чтения» (с 2012 г.).

Первый научный архив России основан в 1728 году как хранилище документов Конференции (Общего собрания) и Канцелярии Конференции Академии наук. В 1922 году получил статус самостоятельного учреждения в структуре Академии наук. В 1991 году Ленинградское отделение Архива АН СССР было преобразовано в Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Архив является основным центром документации Императорской Всесоюзной Российской Академии наук почти за три века ее истории. Огромную часть Архива составляют личные фонды ученых. В СПбФ АРАН работают 36 человек, в том числе 22 научных сотрудника.

В настоящее время в состав Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН входят 3 сектора (истории Академии наук и научных учреждений, истории эволюционной теории и экологии, социальных и когнитивных проблем науки), Музей квартиры П.К. Козлова — Группа по истории изучения Центральной Азии, Академическая кафедра истории и философии науки. Численность работников СПбФ ИИЕТ РАН — 37 человек, из них 24 — научные сотрудники, в том числе 9 докторов наук и 14 кандидатов наук.

К периодическим изданиям СПбФ ИИЕТ РАН относятся журналы «Историко-биологические исследования» (выходит с 2009 г.) и «Социология науки и технологий» (с 2010 г.), а продолжающимися являются ежегодник «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов» (с 1968 г.) и сборник «Наука и техника: вопросы истории и теории» (с 1966 г.)

Численность Института проблем региональной экономики РАН составляет более 100 человек, в том числе около 60 научных сотрудников, их них 1 академик, 15 докторов наук и 24 кандидата наук.

ИПРЭ РАН является учредителем и издателем научного и общественно-политического журнала «Экономика

Северо-Запада: проблемы и перспективы развития», эти функции с 2017 года до 2019 года выполнял ФБУ «Тест–Санкт-Петербург».

В штате Социологического института РАН — Федерального научно-исследовательского центра РАН числится 64 человека, в том числе 55 научных сотрудников, из них 1 член-корреспондент РАН, 10 докторов наук и 26 кандидатов наук. Научные исследования проводятся в пяти секторах и Научно-образовательном центре.

Научное ежеквартальное издание института «Журнал социологии и социальной антропологии» (ЖССА) создано в 1998 году с целью расширения коммуникационного поля российских социологов, социальных философов, политологов, культурологов и антропологов. Ежегодное периодическое издание «Петербургская социология сегодня» выходит с 2009 года, а журнал «Власть и элиты» — ежегодно с 2014 года (данный издательский проект стал логическим продолжением публиковавшихся материалов ежегодного всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации», который проводится СИ РАН с 2001 года).

Численность сотрудников Библиотеки Российской академии наук — около 500 человек, в том числе 50 научных сотрудников. В БАН 8 научно-исследовательских отделов: отдел рукописей; отдел библиографии и библиотековедения; отдел научной систематизации литературы; отдел изданий Академии наук; отдел литературы стран Азии и Африки; отдел консервации и реставрации библиотечных фондов; отдел информатики и автоматизации.

В таблице 1 приведены данные о количестве научных статей петербургских академических институтов, размещенные на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) за последние 10 лет. Поскольку РИНЦ фиксирует информацию по организациям в целом, данные по отдельным филиалам отсутствуют.

Таблица 1

**Число статей петербургских академических организаций
гуманитарного профиля в журналах в 2011–2020 гг.**

Организации	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
МАЭ РАН	109	99	121	127	134	140	153	213	229	254
ИВР РАН	82	89	104	103	124	88	85	82	90	98
ИИМК РАН	96	118	89	129	126	124	150	171	174	229
СПБИН РАН	87	107	97	147	162	153	158	156	157	170
ИЛИ РАН	111	118	93	143	152	145	137	153	179	165
ИРЛИ РАН	174	179	244	235	165	252	225	252	263	265
ИПРЭ РАН	75	61	51	75	74	73	70	57	76	69
БАН	35	44	73	88	107	104	111	112	103	71
Всего:	769	815	872	1047	1044	1079	1089	1196	1271	1321

Источник: Информация РИНЦ, дата обновления показателей 10 августа 2021 г. URL: https://www.elibrary.ru/org_compare.asp дата обращения 20.10.2021

Из таблицы видно, что за десять последних лет количество статей, опубликованных учеными-гуманитариями Петербурга, выросло почти в два раза. Увеличилось и число изданных книг. Особенно выделяется ИРЛИ РАН, за десять лет там подготовлены и изданы более 100 монографий.

Национальная библиографическая база данных научного цитирования РИНЦ позволяет осуществлять оценку результативности и эффективности деятельности свыше двух тысяч научно-исследовательских организаций, ученых, определение уровня научных журналов и т.д. В ней содержится информация о более 12 миллионах публикаций российских авторов, о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Показатели рассчитываются по публикациям организации за 5 лет (2016–2020 гг.), за исключением некоторых индексов, включающих все публикации организации, и комплексного балла публикационной результативности (КБПР), который учитывает публикации за 2020 год. Показываются только организации,

имеющие не менее 50 публикаций за 5 лет. Таких организаций в Санкт-Петербурге, по данным РИНЦ, насчитывается 219.

В таблице 2 приводятся некоторые показатели публикационной активности петербургских академических институтов гуманитарного профиля и их место в списке среди 219 научно-образовательных организаций города.

Таблица 2

Показатели публикационной активности петербургских академических институтов гуманитарного профиля в базе РИНЦ

Организации	Общее число публикаций в РИНЦ за 5 лет		Число статей в журналах, входящих в Web of Science или Scopus за 5 лет ¹		КБПР за 2020 г.	
	ед.	место в рейтинге	ед.	место в рейтинге	ед.	место в рейтинге
МАЭ РАН	1891	52	462	37	420,52	22
ИВР РАН	636	108	57	116	70,12	87
ИИМК РАН	1819	54	249	62	367,74	27
СПБНИИ РАН	1344	72	221	67	186,64	48
ИЛИ РАН	1412	69	225	66	291,78	35
ИРЛИ РАН	3977	34	517	32	465,72	19
ИПРЭ РАН	934	88	44	128	92,83	76
БАН	867	94	71	107	60,22	90

Источник: Информация РИНЦ, дата обновления показателей 10 августа 2021 г. URL: https://www.library.ru/org_compare.asp дата обращения 20.10.2021.

¹ Количество статей, опубликованных в журналах, индексируемых в Web of Science Core Collection и/или Scopus, описания которых есть в РИНЦ. Для расчетов используются текущие списки журналов, обрабатываемых в WoS и Scopus.

Отметим, что на первом месте значится Санкт-Петербургский государственный университет, в котором около 5 тыс. научно-педагогических работников, среди них 24 академика РАН и РАО, 30 членов-корреспондентов РАН и РАО, 43 PhD, свыше 1,2 тыс. докторов наук и 2,7 тыс. кандидатов наук.

Институт русской литературы занимает 34-е место по общему числу публикаций. Из предшествующих ему организаций 30 являются университетами, а в университетах, как правило, гуманитарные кафедры сочетаются с кафедрами естественнонаучными и техническими. Научно-исследовательских организаций только три — Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе РАН (17-е место), Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова (18-е место) и Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский центр РАН (23-е место).

О качестве опубликованных статей свидетельствует комплексный балл публикационной результативности организаций (Методика...). У всех академических институтов место в рейтинге по КБПР гораздо выше, чем место по общему числу публикаций. ИРЛИ, МАЭ, ИИМК занимают 19, 22 и 27 места по КБПР, а по общему числу публикаций — 34, 52 и 54 места, соответственно.

Среди петербургских академических гуманитарных институтов наибольшее количество публикаций в базе Scopus как за 2020 год, так и за 2016–2020 гг. имеет Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН: 105 документов за 2020 год и 380 — за 5 лет (см. таблицу 3). Немногим менее публикаций у Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН — 93 статьи за 2020 год и 375 — за 5 лет.

Таблица 3

Число публикаций ученых петербургских академических организаций гуманитарного профиля в журналах, входящих в базу данных Scopus²

Организации	Число публикаций за 2020 год	Число публикаций за 5 лет (2016–2020 гг.)
МАЭ РАН	105	380
ИВР РАН	13	48
ИИМК РАН	48	219
СПБИН РАН	37	181
ИЛИ РАН	42	156
ИРЛИ РАН	93	375
ИПРЭ РАН	5	36
БАН	8	39

Источник: Информация РИНЦ, дата обновления показателей 10 августа 2021 г. URL: https://www.elibrary.ru/org_compare.asp дата обращения 20.10.2021.

В поисковой библиографической базе Scopus публикациям по гуманитарным наукам соответствует предметная область «Искусство, гуманитарные науки», а публикации по общественным наукам отражаются в пяти предметных областях: «Общественные науки», «Психология», «Бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет», «Экономика, эконометрика и финансы» и «Науки о принятии решений».

Доля российских публикаций по всем направлениям общественных и гуманитарных наук в общем объеме научных публикации России по базе Scopus за последние 10 лет постоянно увеличивалась. По общественным наукам — до 8%, по гуманитарным — до 4,3% в 2020 г. Это соответствует доле статей

² Учитываются только научные статьи, обзоры, краткие сообщения, материалы конференций и письма в редакцию в журналах, индексируемых в базе данных Scopus.

по общественным наукам в общем количестве статей в Германии (7,1%) и Франции (5,7%), и чуть меньше, чем в США (10,6%) и Великобритании (12,8%) в том же году. Доля статей по гуманитарным наукам в России составляла в 2020 году 4,3%, в США — 3,9%, в Великобритании — 5,7%, в Германии — 3,1%, во Франции — 3,3%. Это позволило России занять 10-е место в предметной области «Общественные науки» и 5-е место в рейтинге в области «Искусство, гуманитарные науки» среди стран-лидеров по базе Scopus.

Росло количество публикаций и в области «Психология», а также по всем экономическим областям — «Бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет», «Экономикс, эконометрика и финансы», «Науки о принятии решений». В результате Россия в публикациях по психологии в 2020 году поднялась на 17-е место, по экономическим наукам — на 15-е, 9-е и 6-е места, соответственно.

В информационно-аналитической базе Scopus предметная область «Искусство и гуманитарные науки» подразделяется на 13 отраслевых направлений (в порядке их размещения в базе): археология (в области искусства и гуманитарных наук); искусство и гуманитарные науки (прочие); литературная классика; архивоведение; история; история и философия науки; языковедение; теория литературы; музееведение; музыковедение; философия; религиоведение; изобразительное искусство и театр.

Предметная область «Общественные науки» подразделяется на 24 отраслевых направления: антропология; археология; связи с общественностью; культурология; демография; развитие; образование; дистанционное обучение; гендерные исследования; географическое положение, планирование и разработка; здравоохранение (социальные науки); человеческий фактор и эргономика; право; библиотечно-информационные науки; продолжительность жизни и жизненный цикл; язык и общение; политология и международные отношения; государственное управление; охрана труда; общественные науки (прочие); социальная работа; социология и политология; транспортные перевозки; урбанистические исследования.

«Психология» имеет 7 отраслевых направлений: прикладная психология; клиническая психология; психология развития и образования; экспериментальная и когнитивная психология; нейропсихология и физиологическая психология; психология (прочие); социальная психология.

В области «Бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет» 10 отраслевых направлений: бухгалтерский учет; бизнес и международный менеджмент; бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет (прочие); трудовые отношения; управление информационными системами; управление технологиями и инновациям; маркетинг; организационное поведение и управление человеческими ресурсами; стратегия и управление; управление в области туризма, отдыха и гостиничный бизнес.

«Экономикс, эконометрика и финансы» имеет 3 отраслевые направления: экономикс и эконометрика; экономикс, эконометрика и финансы (прочие); финансы. Четыре направления — «Науки о принятии решений»: науки о принятии решений (прочие); информационные системы и управление; науки об управлении и исследовании операций; статистика, вероятностная неопределенность.

Ученые петербургских гуманитарных институтов публикуют свои статьи не только в российских журналах, но и в журналах, издаваемых в других странах, индексируемых в базе Scopus. Однако общее число российских публикаций в базе Scopus зависит от количества национальных журналов, входящих в эту базу.

Количество журналов в базе Scopus приведено в таблице 4. Число российских журналов в 2020 году составляет 367 единиц в общем количестве журналов в базе Scopus. Среди них в области «Искусство, гуманитарные науки» — 67 единиц, «Общественные науки» — 91, «Психология» — 14, «Бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет» — 4, «Экономикс, эконометрика и финансы» — 17, «Науки о принятии решений» — 1. Ввиду того, что многие журналы одновременно относятся к нескольким предметным областям, их общее число заметно меньше — 133 единицы. Ниже приводится перечень этих журналов.

В перечень входят журналы, издаваемые в 21 городе России. В Екатеринбурге печатается 8 журналов, в Томске — 7, в Новосибирске — 6, в Волгограде — 4, в Казани — 3, в Тюмени и Воронеже — по 2 журнала. В двенадцати городах выходит по одному журналу.

Из этого перечня в Москве издаются 70 журналов, в том числе около половины выпускаются университетами и организациями высшего образования, вторая половина — учреждениями Российской академии наук и других академий.

Петербургскими являются 14 журналов, из них 3 журнала принадлежат академическим организациям. «Антропологический форум» и «Manuscripta Orientalia» издаются Музеем антропологии и этнографии РАН, а «Русская литература» — Институтом русской литературы РАН.

Из журналов, выпускаемых организациями высшего образования, 8 принадлежат Санкт-Петербургскому государственному университету, 1 — Европейскому университету. Университетскими являются следующие журналы: «Horizon. Феноменологические исследования», «Philologia Classica», «Актуальные проблемы теории и истории искусства», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение», «Вестник Санкт-Петербургского университета. История», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология», «Новейшая история России», «Петербургские славянские и балканские исследования». Европейский университет издает журнал «Стасис». Кроме того один из журналов, «Laboratorium», издается Центром независимых социологических исследований, а другой, «Hyperboreus», — Античным кабинетом (Обществом содействия развитию классической филологии и изучения античной истории и культуры в Санкт-Петербурге). В общем числе российских журналов доля петербургских составляет 10–11%, что соответствует доле научно-технического потенциала города и доле действительных членов РАН по отношению к общероссийским показателям.

Таблица 4
Количество журналов гуманитарного профиля в базе Scopus в 2010, 2015 и в 2020 гг.

Предметная область	2010				2015				2020			
	Всего		в т.ч. российских		Всего		в т.ч. российских		Всего		в т.ч. российских	
	ед.	в % к общему количеству	ед.	в % к общему количеству	ед.	в % к общему количеству	ед.	в % к общему количеству	ед.	в % к общему количеству	ед.	в % к общему количеству
Количество журналов в базе Scopus, всего	21461	100,0	101	100,0	24717	100,0	186	100,0	25231	100,0	367	100,0
из них:												
Искусство, гуманитарные науки	2775	12,9	5	5,0	3652	14,8	22	11,8	4206	16,7	67	18,3
Общественные науки	4629	21,6	10	9,9	5871	23,8	28	15,1	6700	26,6	91	24,8
Психология	1049	4,9	2	2,0	1178	4,8	3	1,6	1269	5,0	14	3,8
Бизнес, менеджмент и бухгалтерский учет	1118	5,2	2	2,0	1289	5,2	5	2,7	1427	5,7	4	1,1
Экономикс, экономика и финансы	831	3,9	4	4,0	996	4,0	10	5,4	1111	4,4	17	4,6
Науки о принятии решений	305	1,4	1	1,0	368	1,5	1	0,5	427	1,7	1	0,3

Источник: Расчеты авторов на основе информационно-аналитической базы Scopus. URL: <https://www.scimagojr.com/journalrank.php> дата обращения 20.10.2021

**Перечень российских журналов гуманитарного профиля,
индексируемых в базе Scopus в 2020 году**

1. Black Camera
2. BRICS Law Journal
3. Eurasian Mining
4. Geography, Environment, Sustainability
5. Horizon. Феноменологические исследования
6. Hyperboreus
7. Iberoamerica
8. Journal of Globalization Studies
9. Journal of Language and Education
10. Laboratorium
11. Manuscripta Orientalia
12. Oriental Studies
13. Philologia Classica
14. Quaestio Rossica
15. RUDN Journal of Sociology
16. Russian Journal of Economics
17. Russian Journal of Linguistics
18. Russian Law Journal
19. Scholē
20. Slovĕne = Словѣне
21. Social Evolution and History
22. Social Sciences
23. Studia Litterarum
24. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana
25. Terra Economicus
26. ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики
27. Актуальные проблемы теории и истории искусства
28. Changing Societies and Personalities
29. Антропологический форум
30. Археология, этнология и антропология Евразии
31. Балтийский регион
32. Вестник археологии, антропологии и этнографии

33. Вестник Волгоградского государственного университета, Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения
34. Вестник древней истории
35. Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика
36. Вестник Московского университета. Серия География
37. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология
38. Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение
39. Вестник Российской академии наук
40. Вестник Санкт-Петербургского Университета. Искусствоведение
41. Вестник Санкт-Петербургского университета. История
42. Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология
43. Вестник Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки
44. Вестник Томского государственного университета. Филология
45. Вестник угроведения
46. Вопросы государственного и муниципального управления
47. Вопросы истории
48. Вопросы когнитивной лингвистики
49. Вопросы лексикографии
50. Вопросы литературы
51. Вопросы образования
52. Вопросы ономастики
53. Вопросы психологии
54. Вопросы философии
55. Вопросы экономики
56. Вопросы языкознания
57. Восток (Oriens)

58. Всероссийский криминологический журнал (*прекращено*)
59. Высшее образование в России
60. География и природные ресурсы
61. Государство, религия, церковь в России и за рубежом
62. Диалог со временем
63. Женщина в российском обществе
64. Журнал Новой экономической ассоциации
65. Золотоордынское Обозрение
66. Известия РАН. Серия географическая
67. Интеграция образования
68. Исследования социальной политики
69. История
70. История медицины
71. Конденсированные среды и межфазные границы
72. Консультативная психология и психотерапия
73. Краткие сообщения Института археологии РАН
74. Критика и семиотика
75. Культурно-историческая психология
76. Логос
77. Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях
78. Международные процессы
79. Меняющиеся общества и личности
80. Мир России
81. Мировая экономика и международные отношения
82. Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены
83. Наука для образования сегодня (*прекращено*)
84. Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика
85. Новейшая история России
86. Новое литературное обозрение
87. Новый исторический вестник
88. Новые исследования Тувы
89. Образование и наука

90. Образование и саморазвитие
91. Организационная психология
92. Перспективы науки и образования
93. Платоновские исследования
94. Поволжская археология
95. Полис. Политические исследования
96. Прикладная эконометрика
97. Проблемы музыкальной науки
98. Проблемы прогнозирования
99. Проект Байкал
100. Психологическая наука и образование
101. Психологический журнал
102. Психология в России: современное состояние
103. Психология. Журнал Высшей школы экономики
104. Российская археология
105. Российская история
106. Русская литература
107. Сибирские исторические исследования
108. Сибирский психологический журнал
109. Сибирский филологический журнал
110. Сибирское Историческое Исследование
111. Современная Европа
112. Социальная эволюция и история
113. Социологические исследования
114. Социологический журнал
115. Социологическое Обозрение
116. Стасис
117. Текст, книга, книгоиздание
118. Теория и практика физической культуры
119. Урало-алтайские исследования
120. Уральский исторический вестник
121. Устойчивое развитие горных территорий
122. Филология. Вопросы языкового родства
123. Философский Журнал
124. Форсайт

125. Шаги/ Steps
126. Экология человека
127. Экономика региона
128. Экономическая политика
129. Экономическая социология
130. Экономический журнал НИУ ВШЭ
131. Эпистемология и философия науки
132. Этнографическое Обозрение
133. Юг России: экология, развитие

Обращает на себя внимание то, что основная масса журналов вошла в Scopus в последние несколько лет и у них, как правило, нет предшествующих номеров. В основном это журналы университетские, из таких городов как Волгоград, Ростов, Уфа, Томск, Воронеж, Архангельск. Часто это журналы с очень широким охватом. Например, Калининградский журнал «Baltic Region» включает в себя культурологические исследования, историю, экономику, географию, планирование и развитие, социальные науки и политические.

Рассмотрим российские журналы по предметным областям. «Общественные науки» включают в себя 91 журнал, из них 15 экономических и 38 гуманитарных. «Искусство, гуманитарные науки» включают 68 журналов, в том числе 2 экономических. Экономические журналы относятся к иным предметным областям, но за счет того, что часть журналов имеет большой охват, они принадлежат и к «Искусству, гуманитарным наукам», и к «Общественным наукам».

По «Общественным наукам» чуть больше трех пятых журналов издаются в Москве. Четырнадцать выходят в Сибирском отделении Российской академии наук и вузах Сибири: Новосибирском, Томском и Тюменском государственных университетах. И только три журнала принадлежат петербургским организациям, два — Санкт-Петербургскому государственному университету и один — Музею антропологии и этнографии им.

Петра Великого. Число петербургских журналов (3 единицы) находится между екатеринбургскими (4) и казанскими (2). По одному журналу издаются в Волгограде, Воронеже, Архангельске, Калининграде, Ростове, Иваново, Уфе и других городах.

В предметной области «Искусство, гуманитарные науки» в Петербурге издаются 11 журналов, из них 8 — Санкт-Петербургским государственным университетом, один — Европейским университетом, один — Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) РАН, еще один — Античным кабинетом (Обществом содействия развитию классической филологии и изучения античной истории и культуры в Санкт-Петербурге). Это — шестая часть всех российских журналов, представленных в Scopus. Статьи ученых гуманитарных институтов Петербурга должны относиться к этой предметной области. Публикации ИРЛИ РАН и ИЛИ РАН касаются языкознания и литературной классики, СПбИИ РАН, СПбФ АРАН и СПбФ ИИЕТ РАН — истории, ИВР РАН и БАН — истории или языкознания. Статьи ИИМК РАН, МАЭ РАН и СИ РАН–Филиал ФНИСЦ соответствуют «Общественным наукам», а ИПРЭ РАН — экономическим наукам. Ни по философии, ни по психологии в Петербурге нет академических организаций.

Журналы петербургских академических организаций должны в основном входить в «Искусство, гуманитарные науки», а частично — в область «Общественные науки». В институтах есть для этого и научные публикации, и журналы, которые пока не входят в международную библиографическую базу Scopus. В Петербурге находятся академические организации, чьи журналы входят в базу WoS, но в данной статье они не рассматриваются.

В 2013 году произошел очередной этап реформирования российской науки. Исследовательские институты из Российской академии наук перешли в Федеральное агентство научных организаций. Изменились планирование и система отчетности институтов. Основным показателем результативности стали научные публикации, особенно отраженные в международных

базах WoS и Scopus. Через пять лет они вместе с вузами вошли в новое Министерство науки и высшего образования РФ. В результате были составлены единые списки исследовательских институтов и высших учебных заведений, где главным показателем эффективности работы стало количество статей в РИНЦ, WoS и Scopus, а позже — комплексный балл публикационной результативности. Федеральным исследовательским университетам были выделены средства на повышение их международной конкурентоспособности. Сюда входили и меры, принимаемые для улучшения показателей публикационной активности на мировом уровне. Поэтому значительная часть российских журналов появилась в базе Scopus в последние несколько лет, большинство из них и было основано в это время.

Продвижение российских журналов потребует многих усилий, но, в то же время, дает преимущества: включение иностранных ученых в редакционную коллегию, привлечение со-трудников из других учреждений к публикации своих статей, организация рецензирования статей и многое другое. Но для этого требуется от государства стабильность в определении показателей эффективности работы научных организаций и постоянная финансовая поддержка российских журналов.

Список литературы

Еременко Т.В. Публикационная активность ученых в российских регионах: библиометрический анализ на примере Рязанской области. Рязань: Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина, 2020. 186 с.

Маршакова-Шайкевич И.В. Вклад России в развитие науки: библиометрический анализ. М.: ТОО «Янус», 1995. 248 с.

Методика расчета качественного показателя государственного задания «Комплексный балл публикационной результативности» для научных организаций, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, на 2020 год. Утверждена Министерством науки и высшего образования РФ 30.12.2019. Обновлено 25.08.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://minobrнауки.gov.ru/common/upload/library/2020/09/main/Methodika_novaya.pdf (дата обращения: 20.10.2020).

**ST. PETERSBURG HUMANITARIAN
INSTITUTES OF RAS AS AN IMPORTANT
ELEMENT OF RUSSIAN SCIENTISTS
PUBLICATION ACTIVITY**

Elena A. Ivanova,

Phd in History, Senior Researcher
St. Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia
e-mail: ea.ivanova@spbrc.nw.ru

Lyubov G. Nikolaeva,

Researcher
St. Petersburg Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia
e-mail: Nikolaeva_LG@mail.ru

Based on the information bases of the RSCI and Scopus, the article gives an assessment of the scientific potential and publication activity of St. Petersburg academic institutes in the field of the Humanities. The authors give an overview of Russian humanities journals in six subject areas of the Scopus database. The share of St. Petersburg journals in these areas is analyzed.

Keywords: humanities and social sciences, Scopus information base, publication activity, scientometry, bibliometry, scientific research

УДК: 001.3

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-143-154

ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНОЙ КАРЬЕРЫ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ

Анастасия Алексеевна Семенова

кандидат социологических наук,
доцент, доцент кафедры государственного,
муниципального и социального управления
Российского государственного
педагогического
университета им. А.И. Герцена;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: Semyonovaa@mail.ru

В статье систематизирован перечень результатов вторичного анализа данных относительно роли высших учебных заведений в настоящее время, намерений и готовности молодежи стать учеными, их отношение к положению российской науки, оценки перспектив карьеры в научной сфере, миграционных настроений, роли экономической мотивации в планировании карьеры и др. Особый интерес представляет серия опросов за период 2003-2019 гг., проведенных Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, с целью изучения степени привлекательности научной карьеры.

Проанализированы возможные проектные рекомендации для привлечения талантливой молодежи в научную сферу и развития современного имиджа молодого ученого.

Ключевые слова: научная карьера, молодежь, STEM, цифровизация, научно-техническая сфера.

В едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года предлагается применение следующих практических инструментов для повышения результативности научной деятельности: создание центров трансфера технологий, реализации прорывных исследовательских технологий; подготовка «инженерной элиты» по

прорывным направлениям развития техники и технологий; защита интеллектуальной деятельности (URL: <https://goo.su/R6y>). В связи с заявленными целями необходимо обеспечить дальнейшее развитие кадрового потенциала сферы научных исследований через повышение привлекательности научной карьеры особенно для молодежи, а для этого необходима трансформация вузовской науки.

Развитие вузовской науки — ключевой приоритет современной научно-технологической политики и деятельность университетов в нашей стране это подтверждает, например, за период 2019 года исследования и разработки ведут 83,3% университетов. Университеты в современном понимании не только занимаются образованием и наукой, но и занимаются обеспечением новых технологий, институциональных решений для бизнеса, подготовке высококвалифицированных специалистов для секторов экономики. Высшие учебные заведения выполняют ключевую роль в достижении национальных целей в науке (URL: <https://issek.hse.ru/news/469127520.html>).

Далее обратимся к результатам исследований и представим ключевые выводы, полученные учеными относительно динамики численности молодых ученых, привлекательности научной карьеры.

Так, институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ выявляет уровни привлекательности научной карьеры с 2003 года, демонстрируя тем самым долгосрочные тренды общественного восприятия науки. Были использованы репрезентативные опросы людей в возрасте от 18 до 65 лет в период с 2003 по 2019 гг.

С 2003 г. и в течение последующих лет граждане нашей страны, принимавшие участие в опросе, не считали научную траекторию правильным профессиональным выбором. А за последние несколько лет данная ситуация изменилась, с 2016 по 2019 годы одобряющих выбор научной карьеры собственными детьми стали 62% респондентов (а ранее доля была равна лишь

32%). Кроме того, социологи фиксируют, что опрошенные отмечают рост доходов ученых. Однако подчеркивают, что привлекательность научной деятельности так и остается ниже популярных профессий врача или юриста (URL: <https://openscience.news/posts/2587-privlekatelnost-kariery-v-nauke-rastet>).

Можно предположить, что присутствует понимание связи между интересом к науке как к профессиональной деятельности и уровнем государственного финансирования данной сферы. В 2021 году на научные исследования и разработки гражданского назначения выделено 486,1 млрд руб., это меньше, чем планировалось из-за экономических последствий пандемии коронавируса. При этом в 2022 году на 4,8% планируется снижение финансирования на гражданские исследования и разработки. На данный момент денежные средства, предусмотренные для развития гражданской науки, «зафиксированы» для 35 госпрограмм (например, научно-технологическое развитие РФ, охрана окружающей среды, развитие энергетики и др.) (URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/10/06/5f7b372b9a7947fe8e8d644f>).

Больше всего финансирования выделено в рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» — 45,9% от общей суммы. Госпрограмма «Космическая деятельность России» обеспечена 14,6%, «Развитие электронной и радиоэлектронной промышленности» — 13,9%, соответственно данные программы занимают второе и третье места по объему финансирования (URL: <https://issek.hse.ru/news/444777249.html>).

Постепенное повышение заработной платы научным сотрудникам, создание национальных исследовательских университетов, «мегагранты», проект «5-100» и др. проекты тоже поддержали позитивные представления общественности относительно значимости и перспективности научной карьеры.

Общее финансирование научно-исследовательских проектов за период с 2014 по 2019 год увеличилось в 2,7 раза, в 1,3 раза увеличилось количество поддержанных

научно-исследовательских проектов. На 43% увеличилось количество грантополучателей-ученых в возрасте до 39 лет (с 117,1 до 157,8 тыс. чел.). На 15,3% отмечается увеличение числа молодых исследователей (получателей финансовой поддержки (URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/245834742>)).

Государственная политика, направленная на привлечение и удержание молодежи в научно-технической сфере, оказание дополнительных мер поддержки молодым кандидатам (докторам) наук, постепенно достигает своих целей и можно фиксировать тенденцию роста молодых ученых. Так, в 2017 году самая многочисленная возрастная группа исследователей (свыше 91,4 тыс. чел.) — это молодые люди в возрасте от 30 до 39 лет, а доля исследователей в возрасте до 29 лет увеличилась за год на 1,4%. А в 2020 году численность исследователей в возрасте до 39 лет выросла на 9,1% (153,4 тыс. чел.) (URL: <https://issek.hse.ru/news/530633282.html>).

В 2020 году по данным, представленным пресс-службой «HeadHunter.ru», в сфере науки и образования было размещено 11 тысяч вакансий, в 2021 году отмечается рост на 10%. По статистике на одну научную вакансию претендуют пять человек. На январь 2021 года самыми востребованными специальностями признаны — гуманитарные науки и иностранные языки, инженерные науки, информатика и др. (URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/245834742>).

Безусловно, следует предпринимать шаги по повышению престижа профессии ученого не только благодаря финансированию, но и нематериальными стимулами — повышением качества деловой среды в науке и общественного доверия к ее результатам, привлекательности карьеры в этой сфере для молодежи (URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/245834742>).

Далее остановимся на социальных ожиданиях молодежи от научной карьеры. По данным мониторинга, организованного НИУ ВШЭ в 2018 году 58% студентов дневных отделений образовательных организаций высшего образования нацелены на

работу исключительно в коммерческом секторе. 15% предполагают, что будут трудиться в органах государственной власти, 15%, ориентированы на бюджетный сектор и только 17% считают, что им интересна карьера в науке.

Низкую привлекательность научной карьеры связывают с рядом стереотипов относительно исследовательской работы в целом. Респонденты считают ученых альтруистами, помогающими решать трудные задачи (80%). 53% считают научную работу скучной, а 42% уверены, что ученые зарабатывают меньше, чем представители других профессий с учетом такого же режима рабочего времени (URL:<https://issek.hse.ru/news/225101537.html>).

Недостаточная привлекательность научной карьеры для молодежи в последние годы (с 2018 г.) постепенно сглаживается и намечается позитивная динамика. Так, в 2020 г. было принято 14 тыс. чел. после окончания вуза на работу в организации, которые занимаются исследованиями и разработками (ИР), из них 8,4 тыс. чел. приняты на должности исследователей. Подчеркнем, что наибольшая часть исследователей (свыше 60%) выполняют ИР в сфере технических наук. Самыми «малочисленными» областями являются гуманитарные и сельскохозяйственные науки.

Интересен тот факт, что наша страна является одним из мировых лидеров по абсолютным масштабам занятости в науке. В 2020 г. численность персонала, занятого ИР составила 748,7 тыс. человеко-лет. По данному показателю нас опережает только Китай и Япония (URL:<https://issek.hse.ru/news/516705296.html>).

Отметим также тот факт, что молодые исследователи обладают высоким уровнем научной квалификации: в среднем у каждого седьмого есть в наличии ученая степень. По статистике 2020 г. количество исследователей кандидатов и докторов наук в возрасте до 39 лет составляет 22,6 тыс. чел. (22,8% от общей численности исследователей, которым присуждена степень). В преобладающем количестве речь идет о кандидатах наук (97,5%). Интересно, что только 6,5% молодежи до 30 лет по данным 2020

года имеет ученую степень, а, например, в 2011 г. ученую степень была 6,5% (URL:<https://issek.hse.ru/news/530633282.html>).

Но, к сожалению, сохраняется негативная тенденция — воспроизводство научных кадров сдерживается низкой эффективностью системы их подготовки. Аспирантура уже не считается приоритетным инструментом подготовки высококвалифицированных кадров для науки. По данным статистики за 2019 г. только 10,5% выпускников аспирантуры защитили диссертацию (Бредихин, Власова, Гершман и др. 2021, 26).

Многообещающие перспективы научной карьеры для молодежи есть в сфере STEM. С учетом интенсивного развития цифровой экономики спрос на выпускников и состоявшихся профессионалов в области STEM постоянно растет и одновременно остается на неудовлетворительном уровне. С помощью системы интеллектуального анализа больших данных iFORA исследователи ИСИЭЗ НИУ ВШЭ выявили значимость отдельных STEM-профессий и компетенций в мире (табл. 1) и в России (табл. 2) на основе более 80 тыс. публикаций в зарубежных и российских отраслевых медиа.

Таблица 1

Топ 15 STEM-профессий в мире по состоянию на 2021 год

№	Профессии	Индекс значимости
1.	Разработчик программного обеспечения	1,00
2.	Аналитик данных	0,41
3.	Физик	0,40
4.	Химик, инженер-химик	0,37
5.	Инженер-механик	0,29
6.	Инженер по электротехнике	0,29
7.	Эпидемиолог	0,22
8.	Инженер-строитель	0,20
9.	Математик	0,14
10.	Инженер по биомедицинскому оборудованию	0,12

№	Профессии	Индекс значимости
11.	Статистик, специалист по актуарным расчетам	0,11
12.	Специалист по вопросам охраны окружающей среды	0,11
13.	Менеджер по инженерно-техническим вопросам	0,09
14.	Специалист в области наук о материалах	0,09
15.	Инженер в авиакосмической отрасли	0,08

Источник: URL: <https://issek.hse.ru/news/499130554.html>

Практически половина позиций в мировом и российском перечнях совпадают, но есть и особенности, которые демонстрируют специфику рынка труда.

Таблица 2

Топ 15 STEM-профессий в России по состоянию на 2021 год

№	Профессии	Индекс значимости
1.	Физик	1,00
2.	Математик	0,51
3.	Химик, инженер-химик	0,28
4.	Разработчик программного обеспечения	0,05
5.	Агроном, инженер сельскохозяйственного производства	0,04
6.	Аналитик данных	0,04
7.	Геодезист-топограф	0,04
8.	Инженер-технолог	0,03
9.	Специалист по кибербезопасности	0,03
10.	Биофизик	0,03
11.	Инженер-механик	0,03
12.	Биоинформатик	0,03
13.	Инженер-строитель	0,02
14.	Горный инженер	0,02
15.	Инженер по электротехнике	

Источник: URL: <https://issek.hse.ru/news/499130554.html>

Мы видим, что STEM-области представляют собой перспективные направления цифровизации науки как в рамках отечественных исследований, так и в глобальной повестке. Из-за последствий коронавируса последующая цифровизация науки будет только усиливаться, позволяя ученым поддерживать коммуникации в более гибких формах, например, использование «открытых» и «сетевых» лабораторий, цифровых репозиторий, виртуальных лабораторий и многое др.

Постепенно изменяется фокус внимания в научных исследованиях, акцент идет на биоинформатику, геномику, геоинформатику, нейроинформатику и др.

Помимо мер по популяризации и вовлечения молодежи в STEM-индустрию государство прикладывает усилия для оказания поддержки широкого круга научных исследований для молодежи. Помимо молодежных грантов предоставляется возможность получения государственных наград, например, премия Президента РФ в области науки и инноваций для молодых ученых. Осуществляется набор резервистов руководящих работников сферы науки и технологий, повышается, например, конкурс управленцев «Лидеры России», в котором с 2019 году введена специализация «Наука» (Шапиева 2020, 73-79).

С 2015 года учреждена Всероссийская премия «За верность науке», в 2021 году было объявлены победители по 15 номинациям. Основная цель премии — определение достижений в области научной коммуникации для повышения престижа деятельности российских ученых и инженеров (URL:https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=43988).

К сожалению, много молодых исследователей ищут возможность покинуть Россию и уехать за границу для выстраивания своей научной карьеры. Речь идет о 60 — 75% исследователей, которые уезжают; в естественных и технических науках эта цифра может достигать до 80%. С целью прохождения научной стажировки и для работы из страны ежегодно выезжают за рубеж до 10 тыс., а 35–40 тыс. студентов уезжают для прохождения

учебы в магистратуре и аспирантуре. Остаются за рубежом 60–75% аспирантов, которые идут по академическому треку в ведущих вузах, а в передовых областях естественных и технических наук речь идет о 80%.

Предполагается, что это происходит из-за размера стипендий для аспирантов и зарплат ученых, которые «не дотягивают» до глобального уровня. А доля иностранных аспирантов при этом растет (за последние 5 лет на 30%). Полагаем, что дополнительное финансирование и поддержка международной академической мобильности исследователей (с упрощением визового режима для ученых) на системной основе могли бы заморозить данную негативную тенденцию (URL: https://skillbox.ru/media/education/vshe_nauchnaya_karera_ne_privlekaet_molodykh_liboni_predpochitayut_stroit_eye_za_rubezhom/).

Таким образом, в современной России привлекательность научной карьеры для молодежи находится не на должном уровне из-за низких размеров стипендий аспирантов, неконкурентоспособной заработной платы ученых, что особенно опасно, когда мировой рынок нуждается в молодых талантливых кадрах. Предпринимаемые государством меры на настоящий момент в данной сфере не могут полноценно обеспечить эффективный механизм поддержки молодых ученых.

Повышение привлекательности научной карьеры возможно при улучшении условий труда молодых исследователей, устранения нефинансовых барьеров в науке, реализации мер по укреплению позитивного имиджа профессии ученого. Полагаем, что для привлечения и удержания перспективной молодежи в науке следует применять целевое бюджетное софинансирование фонда оплаты их труда; обеспечить дополнительное софинансирование со стороны заинтересованного бизнеса; осуществлять поддержку международной академической мобильности активных молодых ученых, постдоков и аспирантов; упрощение административных барьеров в получении визового режима для ученых с целью обмена опытом; функционирование

национальной платформы для развития и международного продвижения ведущих российских научных журналов в глобальные системы научно-технической информации и международные индексы научного цитирования и др.

Список литературы

Вузовская наука в России и в мире. [Электронный ресурс] // URL: <https://issek.hse.ru/news/469127520.html> (Дата обращения 14.11.2021).

ВШЭ: научная карьера не привлекает молодых либо они предпочитают строить ее за рубежом. [Электронный ресурс] // URL: https://skillbox.ru/media/education/vshe_nauchnaya_karera_ne_privlekaet_molodykh_libo_oni_predpochitayut_stroit_eyu_za_rubezhom/ (Дата обращения 18.11.2021).

Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года [Электронный ресурс] // URL: <https://goo.su/R6y> (Дата обращения 14.11.2021).

Масштабы занятости в российской науке. [Электронный ресурс] // URL: <https://issek.hse.ru/news/516705296.html> (Дата обращения 18.11.2021).

Названы лауреаты VII Всероссийской премии «За верность науке». [Электронный ресурс] // URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=43988 (Дата обращения 18.11.2021).

Наиболее востребованные STEM-профессии и компетенции. [Электронный ресурс] // URL: <https://issek.hse.ru/news/499130554.html> (Дата обращения 18.11.2021).

Научно-технологическая политика России в условиях постпандемии: поиск новых решений [Текст]: докл. к XXII Апр. междунар. научн. конф. По проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. /С. В. Бредихин, В. В. Власова, М. А. Гершмани др.; науч. ред. Л. М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — 63 с.

Привлекательность карьеры в науке растет // Проект «Открытая наука» (сервис для публикации официальных пресс-релизов научно-образовательных организаций об их работе). [Электронный ресурс] // URL: <https://openscience.news/posts/2587-privlekatelnost-kariery-v-nauke-rastet> (Дата обращения 16.11.2021).

Привлекательность научной карьеры в России растет. [Электронный ресурс] // URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/245834742> (Дата обращения 18.11.2021).

Привлекательность научной карьеры в России. [Электронный ресурс] // URL: <https://issek.hse.ru/news/225101537.html> (Дата обращения 18.11.2021).

Российская наука становится моложе. [Электронный ресурс] // URL: <https://issek.hse.ru/news/530633282.html> (Дата обращения 18.11.2021).

Финансирование российской науки в рамках государственных программ в 2021 году. [Электронный ресурс] // URL: <https://issek.hse.ru/news/444777249.html> (Дата обращения 18.11.2021).

Шапиева А.В. Привлекательность научной карьеры в глазах молодого поколения // материалы VII Международной научно-практической конференции Эффективность реализации государственной молодежной политики: опыт регионов и перспективы развития. — Чита: Забайкальский государственный университет, 2020. — С.73-79.

Экономия пошла по науке. Государственные расходы на гражданские исследования и разработки в 2021 году урезаны на 32,8 млрд руб.// РБК. [Электронный ресурс] // URL: (Дата обращения 16.11.2021).

THE ATTRACTIVENESS OF A SCIENTIFIC CAREER IN YOUTH ASSESSMENTS

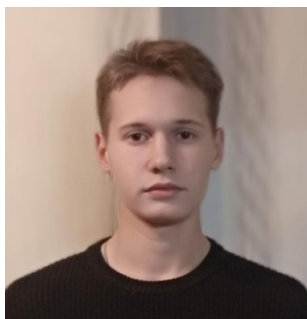
Anastasia A. Semenova,

Candidate of sociological Sciences, associate Professor
Associate Professor of the Department of State, Municipal and Social
Management
The Herzen State Pedagogical University of Russia,
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: Semyonovaa@mail.ru

The article systematizes a list of the results of secondary data analysis regarding the role of higher education institutions at the present time, the intentions and readiness of young people to become scientists, their attitude to the situation of Russian science, assessment of career prospects in the scientific field, migration attitudes, the role of economic motivation in career planning, etc. The particular attention is paid to a series of surveys carried out at the period from 2003 to 2019 by the Institute for Statistical Research and Economics of Knowledge of the Higher School of Economics and aimed at studying of the degree of attractiveness of a scientific career. The author analyzes possible project recommendations for attracting talented young people to the scientific field and developing the modern image of a young scientist.

Keywords: scientific career, youth, STEM, digitalization, scientific and technical sphere.

К ИСТОКАМ STS: МЕРТОНИАНСКАЯ ПАРАДИГМА

Данила Максимович Степанов

студент Нижегородского государственного
педагогического университета
им. К. Минина;
Н. Новгород, Россия
e-mail: dearbill1221@mail.ru

В статье анализируются ключевые понятия классической социологии науки, сформировавшейся под влиянием работ американского социолога Роберта Кинга Мертона. Рассматривается институциональная концепция науки в перспективе учения Роберта Мертона. Исследуется концепт этоса науки, на основании чего делается вывод о тех функциях, которые он выполняет в рамках теории Мертона. Также уделяется внимание идее социальной амбивалентности. Дается краткий обзор той линии критики мертонианской парадигмы, которая связана с деятельностью социологии научного знания.

Ключевые слова: science and technology studies, мертонианская парадигма, социология знания, этос науки, институциональная концепция науки

То теоретическое поле, в рамках которого колеблется наш исследовательский интерес уже предварительно очерчено в названии и заключено в пространстве между двумя определенным образом связанными и в то же время противостоящими друг другу подходами к исследованию науки — science and technology studies (STS) и мертонианской парадигмой в социологии науки.

Несмотря на относительно недолгую историю, STS сегодня — это довольно широкая область социологических исследований, которая включает в себя несколько направлений (SSK,

SCOT, ANT и др.) и самостоятельных школ, и по которой в настоящее время осуществляются образовательные программы, в том числе в России (магистерская программа в Европейском университете в Санкт-Петербурге). Однако еще 60 — 65 лет назад того подхода, который сегодня характеризует исследования науки и технологий как самостоятельную дисциплину, не существовало. В этой связи важно заметить, что STS не являет собой фигуру исключения в том смысле, что эта дисциплина является частью вполне определенной традиции социологической мысли, а не автономно возникшей эксклюзивной исследовательской практикой. В качестве того теоретического подхода, которому STS в известном смысле обязана своим появлением, выступила первая волна исследований науки или ранняя социология науки, одним из самых значимых представителей которой был американский социолог Роберт Кинг Мертон.

Роберт Мертон сегодня признается классиком структурно-функционализма. В своих работах он предложил и развил институциональную концепцию науки, в рамках которой «наука рассматривалась как общественная подсистема» (Бычкова, 2020: 11). «Наука, техника и общество в Англии XVII века» (1938 г.) стала одной из первых таких работ, в ней автор на конкретном примере (Англия 17 века) рассматривает социальные условия институционализации науки. Его интересует, какие социокультурные феномены и эффекты стоят за возникновением и развитием новоевропейской экспериментальной науки? Стоит отметить, что к этому моменту Мертон уже был знаком с работами Макса Вебера и во многом воодушевлялся его идеями, в том числе теми, что были изложены в книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1905 г.). В частности, по этой причине ответ на обозначенный выше вопрос Мертон находит в пуританстве. В своей более поздней работе «Социальная теория и социальная структура» (1949 г.) Мертон пишет: «...сочетание рационализма и эмпиризма, столь ярко выраженное в протестантской этике, составляет самую суть современной науки. Пуританство

было пропитано рационализмом неоплатоников, почерпнутым главным образом из надлежащим образом модифицированного учения Августина» (Мертон, 2006: 803). Пуританская этика, таким образом, не просто хорошо уживалась с ростом влияния науки и расширением научного знания, но благодаря тем ценностям и образцам поведения, которые в ее рамках признавались единственно пригодными к осуществлению, стала той предпосылкой, которая определила самую возможность науки. Изучение природы воспринималось воспитанными в духе пуританства естествоиспытателями как исследование Божественного творения и, соответственно, приумножение славы Творца через раскрытие красоты и упорядоченности мира.

Как уже было отмечено, Роберт Мертон является одним из ключевых представителей классической социологии науки, существует также мнение, что именно он стал ее основоположником. Так или иначе, надлежит заметить, что Роберта Мертона можно причислить к той традиции социологического исследования знания, которая обнаруживает свое начало в работах К. Маннгейма. Однако сегодня мы знаем Мертона не как прилежного последователя, но прежде всего как выдающегося новатора, проделавшего работу по включению в область социологического исследования института науки. Речь идет о том, что, как пишет Дэвид Блур: «Несмотря на его [Маннгейма] решимость установить каузальные и симметричные принципы объяснения, мужество изменило ему, когда он подошел к таким, по-видимому, автономным предметам, как математика и естественные науки» (Блур, 2002: 9), и именно в этом отношении Мертон со своим интересом к социальным контекстам институционализации и функционирования науки, ее социальной организации и функциям, которые она выполняет, продвинулся дальше, наметив новую исследовательскую область. Работая в рамках этой области, Мертон концептуализирует «этос науки» — одно из важнейших понятий его социологических изысканий. Он обозначает главной целью науки — приращение достоверного

знания. В этой связи этос науки понимается им не только как нормативное, но еще и методологическое основание института науки. Мертон определяет этос науки так: «...это аффективно окрашенный комплекс ценностей и норм, считающийся обязательным для человека науки» (Мертон, 2006: 769). В краткой форме эти нормы можно охарактеризовать так: универсализм — это требование, указывающее на необходимость беспристрастной оценки научного исследования и его результатов (любой результат научного исследования должен оцениваться исходя из его содержания и соответствия внутренним принципам научного производства, а не в соответствии с какими-либо социальными характеристиками ученого, проводившего исследование); бескорыстие — принцип, в соответствии с которым деятельность ученого должна мотивироваться в первую очередь его желанием отыскать истину или решить ту или иную научную проблему, а не корыстными побуждениями, скажем, обрести славу или богатство; организованный скептицизм — требование критического отношения к любому выдвигаемому научному факту, предъявляемое ученому, как при оценке результатов своего исследования, так и результатов других членов научного сообщества.

Мертон указывает на то, что нормы этоса нигде формально не закреплены, однако поддерживаются, соблюдаются и воспроизводятся всеми членами научного сообщества на протяжении всей истории существования науки. Обусловлено это тем, что только при условии соблюдения норм научного этоса в своей деятельности ученый может добиться профессионального признания.

Примечательно, что введенное Мертоном понятие выполняет как бы двойную функцию: с одной стороны оно описывает каким образом элемент социального существует в сфере научного производства и показывает, что это социальное, концептуализирующееся в форме этоса науки, и выполняющее функцию ценностно-нормативной основы, регулирующей различные

уровни отношений внутри науки и сообщающей ей таким образом необходимую институциональную целостность, является не чем-то, что было искусственным образом внедрено в науку извне, или чем-то, чем наука была заражена, но является имплицитно присущим самому процессу осуществления науки как социального института изначально, а с другой стороны, отражает мнение Мертона о том, какое знание может считаться научным, если мы рассматриваем его через социологическую оптику.

Существенным недостатком концепции этоса науки оказалось то, что она отражает представление Мертона о том, как должна осуществляться научная деятельность. То, как она осуществляется в действительности, в рамки исследования не входило. Указание ряда авторов на такого рода ограниченность своей теории со стороны других исследователей заставила Мертона обратиться к реальной деятельности ученых. Результатом такого подхода стала сформулированная им идея «социологической амбивалентности». Социологическая амбивалентность проявляется в ситуации сосуществования двух противоречащих друг другу мотивов, определяющих поведение ученого. Иными словами, по мнению Мертона, ученый в своей повседневной практике перманентно находится в состоянии необходимости выбора одной из двух противоположных моделей поведения.

Такого рода подход, постулирующий норму поведения в качестве основания социального института, который может быть поименован как нормативный и определил образ того, что мы сегодня называем мертонианской парадигмой.

Генезис STS, собственно, и ознаменовался критикой теоретических оснований этой парадигмы. Начало второй волны исследований науки связано с появлением *sociology of scientific knowledge (SSK)* — хронологически первого направления в рамках STS. Именно авторы, объединенные в рамках социологии научного знания, указали на необходимость пересмотра того

подхода, который был на вооружении у мертонианской парадигмы. Такие исследователи как Дэвид Блур, Барри Барнс (создатели сильной программы в социологии научного знания), Гарри Коллинз (эмпирическая программа релятивизма) и др. настаивали на необходимости перехода от чисто внешнего рассмотрения науки как социального института к ее внутреннему исследованию. По их мнению, мертонианская социология науки хоть и продвинулась дальше социологии знания К. Маннгейма, все же осталась верна ключевой ее посылке о том, что научное знание независимо от социальных влияний, вследствие чего научное знание элиминировалось из области социологического рассмотрения. Исследования в рамках SSK, обнаружившие социальную обусловленность всякого знания, в том числе научного, указание на его конвенциональный характер наметили, если это уместно здесь, смену парадигмы. Так называемая «социология ошибок» сменялась социологией научного знания.

Список литературы

- Бычкова О.В. Исследования науки и технологий (STS): чему нас научили за 50 лет? // Социология науки и технологий. 2020. № 3. С.7–21.
- Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва: Изд-во АСТ, 2006. 873 с.
- Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. №5. С.1–24.
- Современная западная социология науки: Критический анализ / А.А. Игнатьев, В.Ж. Келле, Л.А. Маркова и др. М., 1988. 258 с.

TO THE ORIGINS OF THE STS: THE MERTONIAN PARADIGM

Danila M. Stepanov,

Student, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin
Nizhny Novgorod, Russia
e-mail: dearbill1221@mail.ru

The article analyzes the key concepts of classical sociology of science formed under the influence of the works of American sociologist Robert King Merton. The institutional conception of science in the perspective of Robert Merton's teachings is considered. The concept of the norms of science is explored, on the basis of which a conclusion is made about the functions it performs within the framework of Merton's theory. The article pays also attention to the idea of social ambivalence. The author gives a brief overview of the criticism of Mertonian paradigm, which is associated with the sociology of scientific knowledge.

Keywords: science and technology studies, Mertonian paradigm, sociology of knowledge, norms of science, institutional conception of science

УДК: 316.1;001.1

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-162-174

ДОННА ХАРАУЭЙ О НАУКЕ, НАУЧНОМ И ФИГУРЕ УЧЁНОГО: ОТ ПОСТМОДЕРНА К АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

Егор Алексеевич Шкурко

студент факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного
университета;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: st086232@student.spbu.ru

Научный руководитель: Орех Екатерина
Александровна, к. соц. н., доцент кафедры
теории и истории социологии СПбГУ,
ek.orech@mail.ru

Статья посвящена теоретическому анализу позиции Донны Харауэй, касающейся вопросов репрезентации научных объектов, конструирования дискурсов научных дисциплин и идентичности ученого. Для этого рассматриваются работы «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг.» (1985) и «Биополитика постмодерных тел: Способы конституирования Я в дискурсе иммунных систем» (1989). По сравнению с феминистскими взглядами Харауэй ее идеи о научном и науке в России изучены мало, однако представляют несомненный интерес в контексте изучения популярного современного направления STS. В своих исследованиях Донна Харауэй обращается преимущественно к постмодернистским и конструктивистским теориям и использует их способы аргументации, однако примечательно, что отдельные ее идеи вплотную перекликаются с идеями представителей акторно-сетевой теории. На основе анализа научной проблематики Харауэй, а именно — создания внутринаучных дискурсов, построения идентичностей изучаемых объектов и самих ученых, характеристики науки как культурного явления — ее теоретическую позицию можно представить как «промежуточную» между постмодернистским конструктивизмом и новым материализмом.

Ключевые слова: Донна Харауэй, конструктивизм, акторно-сетевая теория, наука, ученый.

Донна Харауэй является известнейшей фигурой в современных феминистских исследованиях, эпистемологии и философии постгуманизма, однако такое направление ее работы как социология науки в отечественном дискурсе известно не так широко. Социология науки и смежная с ней медицинская антропология в течение последних 30 лет находятся под сильным влиянием акторно-сетевой теории (STS) и нового материализма. Харауэй очевидно близка к традиции STS: ее идеи цитируют представители этого направления, ее мысли используют для аргументации, преобладают идеи Харауэй и теоретиков акторно-сетевой теории легко проследить; однако в то же самое время свою модель науки она строит на основе конструктивистских идей, неприсущих социологии науки и технологий 1980-х гг. Несмотря на временной лаг с 1980-х гг. по сегодняшний день акторно-сетевая теория все еще находится на пике интереса современных теоретиков — этим обусловлена актуальность нашей работы. Научной проблемой является анализ и оценка теоретической позиции Донны Харауэй, состоящей в сочетании считающихся разнонаправленными социологическими теориями конструктивизма и нового материализма, а также поиск путей конвергенции этих теорий.

В качестве материалов для анализа выступают работы Харауэй «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг.» (1985) и «Биополитика постмодерных тел: способы конституирования Я в дискурсе иммунных систем» (1989), причем последняя работа до сих пор не имеет официального перевода на русский язык, однако переведена «любителем» А. Кузнецовым и представлена в Интернете.

Из всей традиции STS именно Донна Харауэй первой начала обращаться к иммунобиологии. На ее работы по социологии науки большое влияние оказало ее собственное прошлое: Харауэй — ученая-философ, воспитывавшаяся в католической семье; по убеждениям — феминистка, впоследствии профессор факультета феминистских исследований Калифорнийского

университета. Образование она получала в Йельском университете, где изучала биологию. Знакомство с работами Томаса Куна после окончания учебы побудило интерес Харауэй к метафорическому, философскому осмыслению биологии — ее первая работа называлась «Кристаллы, фабрики и поля: метафоры органицизма в биологии развития» (1976). На развитие философских взглядов Харауэй оказала влияние аналитическая философия Альфреда Уайтхеда, идеи прагматистов и постструктуралистов (Сивков 2018, 262). В 1974 году она начинает работать историком науки в Университете Джона Хопкинса. Вместе с этим она выпускает книгу по приматологии, где затрагивает типичную для своих работ гендерную проблематику. Следующая ее работа — известный в России «Манифест киборгов», важнейший текст для представителей акторно-сетевой теории, который вместе с «Биополитикой постмодерных тел» в 1991 переиздается в составе сборника «Обезьяны, киборги и женщины: обновление природы» (Haraway, 1991).

В этих работах Харауэй анализирует образ ученого, репрезентированный в различных текстах: это образ занятого наукой человека, страстного и азартного исследователя неизведанного, героической фигуры, которая тем сильнее гордится своим подвигом, чем выше комплексность изучаемых им явлений мира. В то же самое время она отмечает эротичность образа ученого: он расколдовывает мир и пальпирует природу, как будто проникает в ее лоно для добычи знания (Haraway, 1991: 204).

Надо отметить, что в таком рассмотрении ученого нет особой новизны. Образ ученого как героя является общим тропом, но и идея про маскулинную сексуальность ученого не является новой. Еще психолог-фрейдист Дэвид Макклилланд пытался проверить гипотезу, основанную на версии Эдипова комплекса, что природа представляет для ученых или сексуализированный объект, или подсознательно отождествляется с матерью (Григорьев, 2011: 203–204). Нам эту же тему — эротизированности образа ученого — пишет историк науки Эвелин Келлер в работе

«Размышления о гендере и науке» («Reflections on gender and science», 1985 (Keller, 1985)): можно сказать, что Харауэй и Келлер одновременно занимались этой проблематикой.

Однако указание на распространенные в культуре образы ученого нужны Харауэй для аргументации важной идеи: если репрезентация ученых происходит с помощью определенных тропов, то научные тексты можно сопоставить с фантастической литературой, сюжеты которой завязаны на путешествии или исследовании. Отсюда вывод: можно изучать науку как вид литературы, чтобы понять процессы создания научных дискурсов. Эти дискурсы по своей природе нестабильны, так как внутри наук происходят споры о значениях и практиках (Haraway, 1989: 203). Споры можно интерпретировать как борьбу гипотез, которые постоянно выдвигаются и опровергаются. Выдвижение и опровержение гипотез для Харауэй — прежде всего, семиотическая битва, конфликт различных идентичностей объектов, изучаемых учеными.

Нужно отметить, что ученые эти объекты конструируют. Наука не работает с природой непосредственно, она проводит различные операции над денатурализованными сущностями. Например, созданием термина «организм» биологи денатурализовали живых существ: стало не важно, идет ли речь о человеке или о кошке, а важно, что всякое существо можно представить через код (текст) — гены (Haraway, 1989: 206). Денатурализация науки происходит последовательно на протяжении нескольких веков, особую роль в этом процессе играют информатика и математика: они навязывают другим дисциплинам свои универсальные языки. Вследствие этого наука в целом становится тоталитарным предприятием, упорядочивающим знание через числа и абстракции, которые сама легитимизирует как показатели объективности (Haraway, 1989: 210). По такой логике, чем больше математических моделей используют ученые, тем наука сложнее, а открытия в ней весомее. Интересно, что схожую по идее попытку найти связь между ценностью открытий в

дисциплине и наличия в ней математических моделей проделал Норман Сторер в своей работе «Мягкая наука твердая наука» (Storer, 1967: 78). Таким образом, можно сказать, что научно сконструировать можно любой объект, важно только применять при этом соответствующий легитимирующий язык (Haraway, 1989: 218).

Науки продуцируют идеологии, меняющие как понимание сущности человека, так и отношений между людьми. Харауэй приводит два примера таких идеологий: биологический детерминизм и технологический детерминизм. По словам ученой, биологический детерминизм наук о жизни после XVIII века переопределил смысл существования человека в сторону животности. Разграничение между животным и человеческим стирается: например, появляются движения за права животных — животное теперь признано философским субъектом, таким же, как и человек, однако такое уравнение в статусах не унижает достоинство человека, а намечает линию связи культурного и природного (Харауэй, 2005: 327). Еще пример: эволюционные теории, оказавшие ключевое влияние на биологический детерминизм, делают преподавание христианского креационизма в светских учебных заведениях абсурдным — религиозный дискурс покидает классы и кафедры (Харауэй, 2005: 327).

Технологический детерминизм можно отследить во влиянии развития информационных технологий на характер любого знания, в том числе научного: постмодерная наука видит объекты как системы, которые передают данные высокотехнологичным измерительным приборам, а потом ученый начинает работать с получившимся «текстом». Харауэй отмечает, что текстуализация «всего» в постмодерне больше всего ударила по феминисткам и марксистам, обесценила их борьбу, поскольку изменила традиционное для них понимание господства и политического. Отметим схожие мотивы в высказывании Алана Сокала о постмарксистской философии: «Признаюсь, что я – растерявшийся старый «левый», который никогда полностью

не понимал, как деконструкция должна была помочь рабочему классу. А еще я умудренный опытом ученый, наивно верящий, что существует внешний мир, что в нем существуют объективные истины об этом мире, и что моя работа состоит в том, чтобы выявить некоторые из них» (Сокал, Брикмон, 2002: 248).

Харауэй называет расу, гендер и класс «великими историческими конструкциями» (Haraway, 1989: 209), которые встраивались в биологические, обществоведческие дискурсы о людях в течение долгого времени — колониальные, капиталистические отношения постоянно порождали новые материалы для конструирования образов в науках. При этом справедлива и обратная связь: наука и технология благодаря определенному уровню развития способны обеспечить будущее для политических проектов: исследовательница отмечает, что она сама стала феминисткой благодаря тому, что в социологии стала актуальной данная проблематика.

Донна Харауэй использует термины «сборка» и «разборка» для описания процесса создания идентичностей: дискурс, возникший вокруг любого объекта, можно «собирать» и «пересобирать» как угодно и сколько угодно (Haraway, 1989: 211). При этом важно заметить, что объект реального мира, вокруг которого создается дискурс, не задает никаких правил дискурса — идентичность может быть построена как на действительных характеристиках объекта, так и на выдуманных. Можно привести пример, связанный с диетами для поддержания иммунной системы: порой подобные диеты оказываются основаны на лженаучных выводах и концепциях, искажающих понимание реальных принципов работы иммунной системы, однако они все равно остаются популярными и востребованными. В таком случае становится понятным, что Харауэй не интересуется эпистемологический вопрос научного реализма: ее теория не проблематизирует соотношение реальности и репрезентации.

Социальные взаимодействия выстраивают научные дискурсы, которые потом навязывают смыслы и идентичности

для общества. Так, поражение нацистской Германии во Второй Мировой войне, деколонизация, развитие мультинационального капитализма и высокотехнологичная милитаризация государств в период Холодной Войны привели к смене набора практик, технологий и понятий, с помощью которых создаются дискурсы в биомедицинских науках. Например, изменились определения, репрезентирующие тела: «евгеника» сменилась «генной инженерией», «биологический детерминизм» «ограничениями» (Haraway, 1989: 209).

Важнейший тезис Харауэй звучит так: наука и идеологии, ей производимые, являются частью исторического процесса перепределения структур взаимодействия между людьми. Группы в науке конституируют производство знания — это основной посыл феминистской эпистемологии, с которым соглашаются даже представительницы противоположных взглядов. Производство знания долгое время осуществлялось белыми мужчинами — предполагается, что это оказало решающее влияние на формирование метафизических оснований науки (Соловей, 2019: 370). Именно поэтому Харауэй борется за проект феминистской эпистемологии — женская наука по-иному определит научное знание. Для Харауэй наука — территория культурного диалекта, создающего идентичности. (Haraway, 1989: 203). Здесь проявляется конструктивистская ориентация ученой. При этом диалект создается гетерогенно разными акторами — научными публикациями, лабораториями, органоидами клеток — и в этом Донна Харауэй едина с идеями Бруно Латура (Латур, 2014: 129). Конструирование базируется на привлечении разных актантов, сущностей разного рода, материальных и нематериальных. Сам Латур особенно выделяет Харауэй среди тех социологов науки, которым изучение одной конкретной сферы помогло сформировать теорию и методологию для более абстрактного социального анализа.

Дискурсы, появляющиеся вокруг изучаемых наукой объектов, могут относиться к самым разным областям помимо науки:

к торговле, литературе, области здравого смысла. Так, иммунная система — это то, что можно изучать, что можно укреплять (лечить), что можно задействовать для легитимации продаж лекарств. В общественном сознании существует мнение, будто именно в науке многоголосия дискурсов нет, все термины и концепции однозначны, однако Харауэй спорит с этим мнением. Ее проект заключается в попытке вскрыть неоднозначные языки науки и попытаться проанализировать их.

Сутью конструирования для Харауэй остается семантика — ей интересна не сама по себе сеть актантов, как это было бы для представителей акторно-сетевой теории, а посыл сети, образ, формируемый ею. Представления о значимости семантики типичны для конструкционистского направления теоретизирования — например, для дискурс-аналитиков. Особенно интересным будет провести параллель и обозначить сходство идей между социологией науки Донны Харауэй и социологией материальных объектов Харре Ромма. Как и у Харауэй, его конструктивистские идеи о дискурсах перемежаются идеями, близкими по духу представителям акторно-сетевой теории.

Ромм пишет, что материальный предмет без предыстории можно превратить в социальный объект, если поместить его внутрь нарратива, причем нарративы могут быть различными (Ромм, 2006: 121). Со слов Ромма, похожая технология стала очевидна ему благодаря работам Владимира Проппа о русских волшебных сказках: научный текст преобразует сущности так, как в сказках преобразуются предметы повседневного пользования вроде веретена или клубка нитей. Только в контексте нарратива объект обладает семантической силой: например, в контексте милитаристского нарратива иммунная система является тем, что можно заразить вирусом для ведения биологической войны. Благодаря помещению в нарратив объект из пассивного состояния перейдет в активное — такой же процесс социологи-представители акторно-сетевой теории называют «enactment» (приведение в действие) (Мол, 2015: 232): есть

разные способы приведения в действие одних и тех же вещей. Хотя Харауэй не использует понятие *enactment*, однако схожая идея у нее звучит так: образ объекта создается дискурсом, в который он помещается, семантика какой-либо вещи или явления зависит от ситуации. В социологии Харауэй один объект может репрезентироваться в различных дискурсах, и точно так же один объект может подвергаться разным способам приведения в действие у Ан Мари Мол.

В науке особым символическим статусом наделяются показания приборов наблюдения, снимки органов тела. Придание символичности обеспечивает конструирование научного дискурса, причем наделение конкретным значением может перекликаться с культурными лейтмотивами: так, в секулярной науке можно найти тринитарные доктрины, которые будут использовать структуру христианского мифа. Научные тексты наделяют субъектностью сущности вроде органоидов клетки или кровяных тел. Когда ученые разъясняют принципы работы иммунной системы, они наделяют организм специфической субъектностью: конструируется наше чисто физиологическое «я», которое должно бороться с «не-я» в виде болезней.

Когда объект попадает внутрь повествования, он наделяется нетипичными для него особыми свойствами. Так, такие свойства обретают исследуемые с помощью томографии или энцефалограммы органы человека — им приписывается измеримость на универсальном математическом языке. Более того, материальные объекты начинают выполнять несвойственные им роли — например, врачи могут ставить диагнозы, не касающиеся заболеваний ног, наблюдая именно ноги. В рамках научного повествования предметы переходят из категории в категорию — похожий процесс в медицинской практике Мол назвала *switch'em* (переключением) (Мол, 2015: 238).

В свете своей увлеченности постструктурализмом Харауэй озабочена разрушением стены между понятиями органического и машинного (Харауэй, 2005: 327). Характерные постмодерной

культуре наука и технологии уничтожают дуализм между ними. Этому разрушению способствовало создание искусственного интеллекта — машин, которые выстроены человеком, но развиваются сами. На момент написания работы Харауэй в 1989 году сами инженеры искусственного интеллекта пока еще только фантазируют о его возможных ипостасях в будущем, а исследовательница не доверяет их мечтам о полностью автономном, самоподдерживающемся искусственном интеллекте (Haraway, 1989: 213). Она считает, что патологии искусственного интеллекта слишком губительны, чтобы некоторый порожденный человеком, будто дитя, разум, существовал без всякой поддержки человека. Тем не менее, Харауэй отмечает, что утопичное мышление проектировщиков искусственного интеллекта оказывает влияние на все общество, оно меняет дискурс «машинности и человечности»: теперь мы реально думаем, что искусственный интеллект ближе к человеку, чем, например, к холодильнику.

Харауэй в своей теории науки делает акцент на связи науки с динамикой отношений внутри общества в целом, на историчности науки и на смене картин мира в процессе опровержения гипотез, что дает ее концепции науки два преимущества: она не становится нигилистически релятивистской, но и не признает некоего вневременного критерия абсолютной истины. В этом Харауэй сходится во мнениях с известным историком и социологом науки Ивом Жангрой (Жангра, 2004: 96).

Позиция Донны Харауэй во многом основывается на постмодернистских и конструктивистских концепциях, однако интересующая ее проблематика, способы рассуждения и подход к определениям роднит ее со сторонниками акторно-сетевой теории — эта особенность делает Харауэй «переходным» звеном между двумя крупными социологическими традициями конца XX века.

Дальнейшие исследования концепций теоретиков STS и социологии науки — таких, как Донна Харауэй — видятся перспективными не только ввиду высокой популярности данных

областей. Несмотря на различия теоретических школ, отдельные позиции исследователей совпадают, что способствует постепенному оформлению единого подхода к истории науки.

Список литературы

Ведерникова Е. Феминистские исследования науки: позиции и аргументы // Гендерное устройство: социальные институты и практики: сб. ст. / под ред. Ж.В. Черновой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005. С. 23–40.

Григорьев В.Е. Социология науки [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург, 2011. URL: <https://www.soc.spbu.ru/cgi-bin/do/publish.cgi?do=publ&action=794&seed=8341> (дата обращения: 14.11.2021).

Жангра И. Мотив радикализма. О некоторых новых тенденциях в социологии науки и технологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т.7. № 5. С. 75–98.

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

Мерчант К. Смерть природы. Женщина, экология и научная революция // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 759–774.

Мол А. Множественное тело // Социология власти. 2015. № 1. С. 232–247.

Ром Х. Материальные объекты в социальных мирах // Социология вещей: сб. ст. / под ред. В. Вахштайна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. С. 118–133.

Сивков Д. Свое или чужое? Создание тела в иммунологии // Философско-литературный журнал «Логос». 2018. № 5 (126). С. 249–286.

Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина; предисловие С.П. Капицы. Москва: Дом интеллектуальной книги, 2002.

Соловей А.П. Феминистские исследования науки: обзор зарубежного опыта // Социологический альманах: сб. ст./ под ред. Г.П. Коршунова и др. Минск: Беларуская навука, 2019. № 10. С. 365–372.

Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. пер. с англ.; под ред. Л.М. Бредихиной, К. Дипуэлл. М.: РОССПЭН, 2005. С. 322–377.

Haraway D. The Biopolitics of Postmodern Bodies: Constitution of Self in Immune Systems Discourse [Электронный ресурс] // Haraway D. Simians,

Cyborgs, and Women: the Reinvention of Nature. N. Y.: Routledge, 1991. С. 203–230. URL: <https://www.twirpx.club/file/1170088/> (дата обращения: 14.11.2021).

Keller E. On the need to count past two in our thinking about gender and science // *New Ideas in Psychology*. 1987. Т. 5. N 2. С. 275–287.

Keller E. *Reflections on Gender and Science*. New Haven: Yale Univ. Press, 1985.

McClelland D.C. On the Psychodynamics of Creative Physical Scientists // Eiduson Bernice T. and Beckman Linda J. (Eds.). *Science as a Career Choice: Theoretical and Empirical Studies*. New York: Russell Sage Foundation, 1973. С. 187–195.

Storer N.W. The Hard Sciences and the Soft: Some Sociological Observations // *Bulletin of the Medical Library Association*. 1967. N 55. С. 75–84.

DONNA HARAWAY ON SCIENCE, SCIENTIST AND SCIENTIST: FROM POSTMODERNISM TO AKTOR-NETWORK THEORY

Egor A. Shkurko,

2nd year undergraduate student, direction “Sociological Research in a Digital Society”, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia
e-mail: st086232@student.spbu.ru

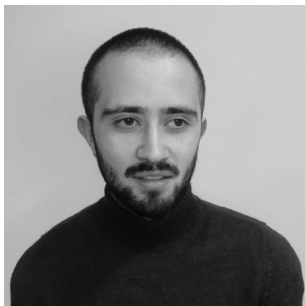
The article is devoted to the theoretical analysis of the position of Donna Haraway concerning the issues of the representation of scientific objects, the construction of discourses of scientific disciplines and the identity of the scientist. The works “The Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist Feminism of the 1980s.” (1985) and “Biopolitics of Postmodern Bodies: Constitutions of Self in Immune Systems Discourse” (1989) are compared to the feminist views of Haraway. Her ideas about science and science in Russia have been little studied but they are of undoubted interest in the context of studying the popular modern direction STS. In her research, Donna Haraway refers mainly to postmodern and constructivist theories and uses their methods of argumentation, but it is noteworthy that some of her ideas closely coincide with the ideas of representatives of the actor-network theory. Based on the analysis of Haraway’s scientific problems, namely, the creation of intrascientific discourses, the construction of the identities of the studied objects and the scientists themselves, the characteristics of science as a cultural phenomenon, its theoretical position can be presented as an “intermediate” between postmodern constructivism and new materialism. Haraway’s most important thesis is that science and the ideologies it produces are part of the historical process of redefining the structures of interaction between people. Groups in science constitute the production of knowledge, so scientific knowledge depends on the specific discourses in which it was constructed. In the public consciousness, there is an opinion that it is in science that there is a single discourse, all terms and concepts are unambiguous, but Haraway argues with this opinion. Her project is to try to uncover the ambiguous languages of science and try to analyze them. The essence of construction for Haraway remains semantics - she is not interested in the network of actants in itself, as it would be for representatives of the actor-network theory, but in the message of the network, the image it forms. In her theory of science, Haraway focuses on the connection of science with the dynamics of relations within society as a whole, the historicity of science and on the change of pictures of the world in the process of refuting hypotheses, which gives her concept of science two advantages: it does not become nihilistically relativistic, but it also does not recognize some timeless absolute truth criterion

Keywords: Donna Haraway, constructivism, actor-network theory, science, scientist.

УДК 316.2; 001.1; 165

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-175-187

ПЕРФОРМАТИВНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗЛЁТА И ПАДЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

Илья Владимирович Смирнов

студент факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного
университета;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: smirnov.iw@gmail.com

В данной статье рассматривается свойство перформативности научного знания, которое трактуется как процесс, в рамках которого условная «реальность» начинает соответствовать постулированному о ней знанию. Автор стремится обозначить аксиоматику, философские и социологические теории, в рамках которых может функционировать упомянутое свойство. В качестве общепринятого фундамента выделяется социальный конструктивизм с его опорой на (пост)кантианскую философию, феноменологию, социологизм. Они предполагают непознаваемость объективной реальности и, как следствие, изучение феноменов, зависящих от познавательных категорий и возможностей человека, которые обусловлены языком, культурой и социальными практиками. Поражение данного направления в так называемых «научных войнах» конца XX века требует поиска новой аксиоматики для перформативности научного знания при условии принятия ее актуальности. В завершающей части статьи такие предпосылки находятся в акторно-сетевой теории и материалистических течениях современной философии, которые переопределяют конструирование как равнозначное взаимодействие человеческих и не-человеческих акторов.

Ключевые слова: перформативность, социальный конструктивизм, социология и философия науки, акторно-сетевая теория, Бруно Латур, материальный поворот, STS, исследования науки и технологий

Перформативность научного знания — это процесс, в рамках которого условная *реальность* начинает соответствовать постулированному о ней знанию. Такое понимание научных фактов требует принятия определенной философской и социологической аксиоматики. Определение предполагает потенциальное влияние человека на объективную реальность, которая, казалось бы, от него не зависит. За этим следует необходимость отказа от корреспондентной теории истины, принципов позитивизма и так далее. Целью данной работы является обозначение той аксиоматики, в которой может функционировать концепция перформативности научного знания, соответствующая определению.

При данной формулировке в качестве теоретической рамки сразу напрашиваются позиции социального конструктивизма. В большей степени данное направление опирается на (пост)кантианство, феноменологию, социологизм, лингвистическую философию и т.д. Из последнего как раз и берет свои терминологические истоки концепция перформативности. Так, Джон Остин обозначил перформативные высказывания, акт произнесения которых, по сути, производил некоторое действие — и эти действия можно произвести только с помощью перформативов. Например, «объявляю вас мужем и женой», «обещаю...», «настаиваю...». То есть произнесением определенных высказываний воплощаются реальности свадьбы, церемонии именованя корабля и других социальных действий. Однако для исполнения перформативного акта необходим соответствующий контекст (Остин, 1999: 32). Например, наличие полномочий. Так, свадьба не воплотится в реальность, если «Да» скажет кто-то помимо молодоженов — так как лица не пригодны для проведения процедуры.

Подобное лингвистическое *управление реальностью* трудно представить в отношении тех феноменов, которые принято относить к области исключительно социального, конвенционального, как в упомянутых примерах. Но что происходит,

когда исследователи обращаются к перформативности научных законов? Например, Д. Маккензи рассказывал о кейсе М. Каллона — модели Блека-Шоулза-Мертонса, связанной с ценообразованием опционов. Было замечено, что показатели в большей степени стали подходить модели после того, как эта «теория» была обнаружена (Маккензи, 2009: 7). Условно говоря, социальная реальность экономического поведения была воплощена после перформативного высказывания о ней.

Это схоже с тезисом о перформативности экономической науки, который предполагает, что не люди действуют рационально, а сама экономическая наука навязывает им модель *homo economicus* (Callon, 2007: 328). Подобные примеры приводят к тому, что в научном сообществе начинают высказываться тезисы о том, что описание объекта исследования может конструировать этот объект — «описывая реальность, мы ее создаем».

Описывая реальность, мы ее создаем?

В очередной раз мы вынуждены признаться, что вышеописанные примеры касаются социальной сферы и особо не удивляют, поэтому в определенный момент акцент был переключен на естественные науки. Как говорит К. Кнорр-Цетина, «о социологии, к примеру, можно рассуждать как о дисциплине, оформленной социальной мыслью в общем, и этому никто не удивится, но попробуйте то же самое сказать о естественных науках, люди не поверят вам. Вот почему мы были вынуждены заниматься естественными науками» (Кнорр-Цетина, 2011: 9).

Так, Б. Латур в конструктивистский период своего творчества акцентировал внимание на том, что появление научного факта — а именно существования микробов — обусловлено в большей степени социальными действиями ученого: Пастер распространял гигиенические и иные практики по всей стране, чтобы расширить реальность, в которой микробы могут быть

конституированы (Латур, 2002: 4). Еще ранее вместе со своим коллегой С. Вулгаром он отмечал, что конструирование научных фактов в лаборатории происходит не столько при работе ученых с референтом, сколько при работе с текстами, диаграммами, в регулярных дискуссиях с другими исследователями и т.д. (Latour, Woolgar, 1986: 50). При этом перечисленная деятельность, более того, обусловлена некоторой научной культурой.

Считается также, что Э. Пикеринг примерно в тот же период рассматривал кварки³ как социально-исторический конструкт. Один из основных тезисов Пикеринга — историчность знания о мире — предполагает, что естественные науки в рамках исторически иначе сложившегося культурного контекста могли бы иначе сконструировать теории о материи, не предполагающие кварков, однако не считались бы при этом неправильными (Труфанова, 2017: 66). Можно предположить, что в таком случае изменилось бы просто название, но сам объект остался бы тем же. Э. Пикеринг же отвечает на это тем, что исследование кварков происходило как подтверждение заранее разработанной гипотезы с использованием также заранее собранной установки Милликена — был обозначен определенный размер заряда ($1/3$ заряда электрона), который необходимо найти, чтобы подтвердить предположение. По ходу экспериментов обнаруживались заряды другого размера, однако они не фиксировались как новый научный факт, так как они *не подходили* под актуальные теории. Вместо этого исследователи модифицировали установку или — в терминах Пикеринга — проводили процедуры тьюнинга для того, чтобы установка могла давать нужные исследователям результаты (Сокулер, 2010: 98).

---

³ Кварк — фундаментальная частица в Стандартной модели, обладающая электрическим зарядом, кратным $e/3$, и не наблюдаемая в свободном состоянии, но входящая в состав адронов (сильно взаимодействующих частиц, таких как протоны и нейтроны).

Такое понимание реальности сводит ее исключительно к социальным практикам. Оно уводит от реалистского представления об объективной реальности, что свойственно социальному конструктивизму. Подобную перформативность научного знания могла обеспечить только установка данных направлений на непознаваемость объективной реальности, так как ее познание ограничено несовершенством человеческих органов чувств, а также трансцендентальных категорий, которыми человек априорно обрабатывает получаемую информацию.

Эта линия рассуждений движется следующим образом. И. Кант провозглашает объективную реальность вещь-в-себе, которую мы не можем познать в полной мере из-за упомянутых ограничений. Вслед за ним феноменология Э. Гуссерля утверждает, что в таком случае мы не можем изучать ничего, кроме самих способов нашего познания. Еще ранее Ф. Бэкон через «идолов» познания отмечал, что эти способы различаются от групп к группе, от человека к человеку. Л. Витгенштейн, а также Э. Сепир и Б. Уорф приводили аргументы в пользу того, что обуславливающую роль в этом процессе выполняют язык и культура. Следовательно, допускается сосуществование множества воспринимаемых по-разному реальностей, ведь единственная — объективная — недостижима. Социальные факторы, таким образом, приобретают привилегированный статус, как это происходит в социологизме Э. Дюркгейма. Для него общество — реальность *sui generis* — трансцендентная область, имеющая универсальную объяснительную силу. На основе такой оптики получили активное развитие социальный конструкционизм А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, теории самоисполняющегося пророчества Р. Мертона, конструируемой этничности Э. Геллнера, Э. Хобсбаума и Б. Андерсона, конструируемых психических болезней К. Гергена, а также доходящий до солипсизма радикальный конструктивизм У. Матураны, Ф. Варелы, Э. Глазарсфельда и т.д.

Так, социальный конструктивизм редуционистски сводил конструирование научных фактов к языку и дискурсу, культурным и историческим факторам. «Знание рассматривается не как отражение объективной реальности, но как результат собой деятельности. Научные утверждения, в соответствии с направлением социального конструктивизма, имеют социальную природу и не обуславливаются непосредственно физическим миром» (Моркина, 2008: 156). Конструктивизм рассматривает реальность в ее знаковой форме. Так, Е. Труфанова приводит известный для данного направления пример с камнем: «Я вижу просто булыжник, вы слиток ценной породы. а еще кто-то — горного духа, обращенного в камень» (Труфанова, 2017: 62). Создавая множественность знаковых реальностей, конструктивизм игнорирует одну — объективную реальность, на которую обращено основное внимание научного реализма.

На пути конструктивиста не должно быть случайностей

Конструктивизм развивался достаточно спокойно в плане критики до тех пор, пока он не начал активно вступать в предметную область естественнонаучных дисциплин. Как уже было упомянуто, конструирование, перформативность казались невозможными в естественных науках, где объект формируется объективными законами, независимыми от того, какие высказывания относительно них скажут люди. Эти многочисленные упомянутые внедрения конструктивистов в область *неконструируемого* вызвали бурную реакцию со стороны реалистов. «Идея социальной сконструированности научного знания была по главной привилегии науки — праву претендовать на достижение истинного знания, на описание и объяснение мира таким, какой он есть сам по себе» (Труфанова, 2017: 64). Результатом такого столкновения стали так называемые «научные войны» конца XX века.

В защиту конструктивизма выступили Д. Блур и Г. Коллинз. Первый использовал «значение как употребление» Витгенштейна в «знание как употребление». Если прежняя «слабая программа» объясняла *ложное* знание классовыми интересами, то «сильная программа» Блура объясняет любые научные факты через локальные и нерелексивные практики, которые производят само знание. В. Вахштайн раскрывает объяснительную модель Д. Блура следующим образом: «Если мы всерьез принимаем «сильную программу», то [при исследовании френологии Комба] должны показать, как практика публичных вскрытий связана с практикой анатомического доказательства и практикой салонной жизни Эдинбурга XIX века. Никакой классовой структуры, никакой морфологии и космогонии субстанциализированных сообществ, никакой воли к власти — только практики и правила» (Вахштайн, 2017: 63). Таким образом, в рамках «сильной программы» знание сводится к совокупности нерелексивных практик. Объект знания в таком понимании не представляет интереса для исследователя социологии знания, потому что предметом его интереса являются сами теории. Или как говорит В. Вахштайн, «объекты моих объектов не мои объекты» (Там же: 71). Эта и схожая программа релятивизма Г. Коллинза привели к тому, что исследователи проблематизировали природу, но не проблематизировали социальное. Вследствие этого возник парадокс: в отношении природы социологи науки заняли позиции конструктивизма, а в отношении социального — позиции реализма.

Их соперником со стороны своеобразного реализма выступил еще недавний конструктивист Б. Латур⁴. Он считал, что

---

⁴ Некоторого рода манифестом отступления Б. Латура от позиций социального конструктивизма стало переиздание его совместной с С. Вулгаром работы «Жизнь лаборатории: социальная конструкция научных фактов» (1979), которая в новом варианте 1986 года уже не имела слова «социальное» в названии.

ученые все-таки взаимодействуют с объектами объективной реальности (не-человеческие акторы) и последние все-таки обуславливают наше знание, так как сопротивляются конструированию. Этот тезис французский социолог подкрепляет тем, что материальные объекты «дают отпор», проявляют себя. Он говорит: «микробы, электроны и пласты скального грунта... не... подчиняются полностью высказываниям ученых, а... совершенно безразличны к их высказываниям. Это не значит, что они — «просто объекты», наоборот, они ведут себя как им заблагорассудится, без оглядки на интересы ученых — останавливают эксперименты, внезапно исчезают, умирают, отказываются отвечать или разносят лабораторию вдребезги» (Латур, 2003: 353).

Чтобы взаимодействовать с не-человеком, исследователям приходится подбирать подходы и условия, в прямом смысле приемлемые для не-людей. Так, океанологи М. Каллона — соавтора Б. Латура по акторно-сетевой теории — подбирают место расположения и материал контейнера, с которыми моллюски буквально согласятся взаимодействовать ради собственного выживания (Каллон, 2017: 69). Только благодаря такому союзу высказывание о прикреплении моллюсков может стать научным фактом. Или уже упомянутый Луи Пастер подбирает такие лабораторные условия, в которых микробы становятся конституруемыми, видимыми и, опять же, согласными на заключение союза, благодаря которому французский химик обрел свою популярность.

Иронично, что вместе с Б. Латуром выступил еще и упомянутый ранее Э. Пикеринг, который впоследствии делал акцент на неожиданности, встрече со случайностью при изучении элементов объективной реальности: те вынужденные модификации установки Милликена, по сути, стали результатом встречи исследователей с сопротивлением объектов. Как за Пикерингом повторяет З. Сокулер, «исследователь, определяя свою цель и выбирая модель своих действий, не знает заранее, где он столкнется с сопротивлением материальной системы и каким оно

будет. Он открыт новому, непредсказуемому» (Сокулер, 2010: 100) — в случае социального конструирования ученым не пришлось бы сталкиваться со случайностями.

Распределенный автор перформанса

Отвернувшись от социального конструктивизма, акторно-сетевая теория обозначила поворот социальных наук к материальному. Основной целью теории стало устранение редукции — сведения объяснения тех или иных феноменов к определенному первичному уровню, будь то социальное, биологическое, дискурсивное и т.д. (Писарев и др., 2017: 6). Эту логику подхватывает множество направлений современной философии и социальных наук: постгуманизм, спекулятивный реализм, новый материализм, объектно-ориентированная онтология, исследования науки и технология (STS). Их основным сходством становится критика корреляционизма — той самой философии ограниченного доступа к объективной реальности, или *конечности* человека. По их мнению, так называемый корреляционный круг можно разорвать. Для этого строится философия, основанная на разрушении антропоцентризма — единичной субъектности человека. В плоских онтологиях человек имеет равный онтологический статус с любым другим объектом и, более того, объединяется с этими объектами в гибриды. Границы человеческого и не-человеческого размываются.

Таким образом, при отказе от социального конструктивизма мы начинаем считаться с объективной реальностью, воспринимая ее сопротивления за голос и агентность не-человеческого. Однако это не значит, что мы полностью возвращаемся к наивному и реализму и уж тем более к корреспондентной теории истины. Более того, мы не провозглашаем существование единой объективной реальности. Мы остаемся в прагматической оптике, в рамках которой происходит совместное со-конструирование реальности (реальностей-сборок) человеческими

и не-человеческими акторами. В этой логике и заключается альтернативная теоретическая рамка для концепции перформативности научного знания. Это отчетливо видно на примере Латуровского коллектива, которым он заменяет различения общества и природы.

Коллектив не статичен — он всегда находится в процессе собственного переформирования. Ассоциации людей и не-людей, которые Б. Латур называет пропозициями, регулярно подают заявки на попадание в коллектив. Какие-то из них принимаются, какие-то отклоняются (Латур, 2018: 198). Так, рецензируя Б. Латура, Д. Буянов приводит пример: «в ходе развития животноводства коллектив наталкивается на действие некоей болезнетворной бактерии. Биологи, зоологи, фермеры и т. д. со своих позиций описывают эту бактерию и ее действие. Далее заинтересованные стороны решают, могут ли они «вписать» бактерию в деятельность коллектива — то есть, допустим, изменить стандарты качества корма, чтобы исключить заражение бактерией, или давать животным лекарство и т. п. Либо, если бактерия признана не очень опасной, а перестройка животноводства оказывается слишком сложной, — существование бактерии могут проигнорировать. То есть как бы «исключить» ее из коллектива, не считаться с ней, не давать ей «голос» в организации деятельности» (Буянов, 2020).

В связи с такой логикой есть необходимость и некоторой переформулировки определения, обозначенного в начале работы. Реальность не статична, однако она не *подстраивается* под постулированное о ней знание, а участвует во взаимном конструировании сборок людьми и не-людьми.

Заключение

Как мы видим, конструктивистские позиции, на которых стоит обозначенная в начале концепция перформативности научного знания, подрываются. Однако в рамках акторно-сетевой

теории и современной философии нового материализма термин перформативности сохраняет свою жизнеспособность, модифицируясь с его преимущественно лингвистического понимания на гибридное.

Стоит отметить, что в той же степени сохраняется и термин конструирование без приставки социальное. Отныне речь идет не о *создании* реальности человеком, а о взаимном со-конструировании, в котором люди и не-человеческие акторы создают уникальные сборки, объединяясь в разные сети отношений. В такой логике перформативность научного знания обуславливается перформативностью исследования. По Латуру, проводя исследование, следуя за акторами и их траекториями, исследователь строит свою собственную траекторию. Следовательно, эти траектории могут быть проложены по-разному, и они не могут быть повторены. В следующий раз исследователь может построить совершенно иную сеть исследования, выстроив новые отношения с другими акторами (Широков, 2019: 208). Как говорит Латур, «все происходит только один раз и в одном месте» (Латур, 2006: 30).

Список литературы

Буянов Д. Факты против мнений: смогут ли экономика и экология заменить демократию? [Электронный ресурс] // regnum.ru: Федеральное информационное агентство / <https://regnum.ru/news/polit/3098335.html> (дата обращения: 26.11.21)

Вахштайн В. Революция и реакция: об истоках объектно-ориентированной социологии // Логос. 2017. Т. 27. № 1 (116). С. 41–84.

Интервью с Д. Маккензи. Перформативность и финансовый кризис // Бюллетень «ЭСФорум». 2009. № 2 (13). С. 6–9

Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приручение морских гребешков и рыбаков бухты Сен-Брие // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. №2 (117). С. 49–94.

Кнорр-Цетина К. Интервью с Карин Кнорр-Цетиной: «Мы показали появление параллельного мира, где все критерии и система релевантности

отличаются от того, что нам кажется нормальным» (перевод Д.А. Крылова, Г.В. Козырицкого) // Экономическая социология. 2011. №2. С. 8–20.

Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 1–32.

Латур Б. Когда вещи дают сдачи: Возможный вклад «исследований науки» в общественные науки (перевод с английского) // Вестник МГУ. Сер. «Философия». 2003. № 3. С. 20–39. (переиздание в сб. Социология вещей. М., 2006. С. 342–362)

Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д.Я. Калугина; Науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.

Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию / пер. с фр. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 510 с.

Моркина Ю.С. Социальный конструктивизм Д. Блура // Вопросы философии. 2008. № 5. С. 154–159

Остин Дж. Как совершать действия при помощи слов / Избранное. М: Идея-пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. 332 с.

Писарев А., Астахов С., Гавриленко С. Акторно-сетевая теория: незавершенная сборка // Философско-литературный журнал «Логос». 2017. №1 (116). С. 1–40

Сокулер З.А. Философия науки: что же дальше? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2010. № 3. С. 95–106.

Труфанова Е.О. Ускользящая реальность и социальные конструкции // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 1. С. 61–77.

Широков А. Политика объяснения и стратегия описания Бруно Латура: как писать инфрарефлексивные тексты // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. №1. С. 186–217.

Callon M. What does it mean to say that economics is performative? / Do economists make markets? / Ed. by D. MacKenzie, F. Muniesa, L. Siu. Princeton: Princeton University press, 2007. Pp. 311–357.

Latour B., Woolgar S. Laboratory Life. The Construction of Scientific Facts. Princeton, New Jersey, 1986. P. 294.

SCIENTIFIC KNOWLEDGE PERFORMATIVITY IN THE CONTEXT OF SOCIAL CONSTRUCTIVISM RISE AND FALL

Илья V. Smirnov,

4th year Sociology student, Saint-Petersburg university

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: smirnov.iw@gmail.com;

8 (991) 010-04-16

The paper considers performativity as the property of scientific knowledge. It means the process during which conventional «reality» is starting to match the knowledge that was postulated. The author aims to determine axiomatics, philosophical and sociological theories under which the stated property may function. Social constructivism stands out as a conventional basis for the performativity of scientific knowledge. It is based on (post)Kantian philosophy, phenomenology, sociologism. They refer to the transcendence of objective reality and, consequently, studying the phenomena dependent on human cognitive possibilities and categories. Last ones are mostly determined by language, symbols, culture, history and social practices. Social constructivism was defeated in so called «science wars» in the end of the 20th century. The debate between David Bloor and Harry Collins against Bruno Latour and Michele Callon was a key development in the demolition of social constructivism. This turn requires searching for new axiomatics for the performativity of scientific knowledge in case of taking it as an actual theory. The author finds such premises in actor-network theory and modern schools of philosophy such as new materialism, science and technology studies (STS), object-oriented ontology, posthumanism, speculative realism and so on. They redefine the construction process into the equal interaction between human and non-human actors. Summing up the results, despite the destruction of constructivist basis of performativity, this theory is still able to be developed in modern social sciences which take natural sciences into account. Researchers should consider performativity of scientific knowledge in a hybrid approach — not a linguistic one.

Keywords: Performativity, social constructivism, sociology & philosophy of science, actor-network theory, Bruno Latour, material turn, STS, science and technology studies

ОБЗОР НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

УДК: 001; 314.74;

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-188-204

ИТОГИ РАБОТЫ РОССИЙСКОЙ ЯЧЕЙКИ ВЫПУСКНИКОВ ПРОГРАММЫ МАРИИ КЮРИ (MARIE CURIE ALUMNI ASSOCIATION)

Андрей Витальевич Аникеев

Заместитель директора проекта,
Частное учреждение «Наука и инновации»
(ГК «Росатом»);
Москва, Россия.
e-mail: aanikeev@ngs.ru

Николай Геннадьевич Бобылев

кандидат технических наук,
доцент Санкт-Петербургского
государственного университета;
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: n.bobylev@spbu.ru

Ольга Владимировна Бойцова

кандидат химических наук,
доцент Московского государственного
университета;
Москва, Россия
e-mail: boytsova@gmail.com

Борис Александрович Воронин

кандидат физико-математических наук,
старший научный сотрудник
Института оптики атмосферы им. В.Е. Зуева
СО РАН;
доцент Томского государственного
университета систем управления и
радиоэлектроники
Томск, Россия
e-mail: vba_iao@mail.ru

Сергей Юрьевич Лучкин

PhD degree in Materials Science and Engineering
Сколковский институт науки и технологий
(Сколтех);
Москва, Россия
e-mail: useluch@gmail.com

В статье описана история становления и развития российской ячейки выпускников программы Марии Кюри (Marie Curie). Обозначен текущий статус группы и значение ее миссии в аспекте генерации новых знаний мирового уровня. Предложены основные направления развития группы как в России, так и на международной площадке.

Ключевые слова: ассоциация выпускников, МСАА, международное сотрудничество

Введение

Данная статья посвящена российской ячейке общества выпускников программы Марии Кюри (МСАА). Прежде всего нужно сказать, что такое общество выпускников программы Марии Кюри (МСАА). Согласно уставным положениям, опубликованным на сайте — <https://www.mariecuriealumni.eu/about-us> МСАА — это глобальная сеть исследователей.

Мы предвидим будущее, в котором знания будут использоваться на благо общества. Миссия: мы поддерживаем и вносим свой вклад в распространение знаний для глобального, разнообразного и информированного общества. Научный и культурный обмен; один из каналов научной дипломатии, что особенно актуально в свете проблем, которые испытывает традиционная дипломатия. Потенциально один из инструментов мягкой силы в случае присоединения России к программе МС и привлечения потока талантливых иностранных студентов в Россию (СССР активно привлекал студентов из многих стран, где эти студенты сохраняют теплое отношение к России).

Стратегия МСАА объединяет исследователей по всему миру, чтобы обеспечить международное междисциплинарное сотрудничество.

Цели МСАА:

1. Расширять обмен знаниями между разными странами, секторами экономики и научными дисциплинами;
2. Поощрять сетевое взаимодействие, сотрудничество и взаимопонимание между членами МСАА и внешними заинтересованными сторонами;
3. Служить форумом для дискуссий для исследователей и граждан.

Ассоциация выпускников Марии Кюри была первоначально запущена как веб-сайт с ограниченным доступом в 2012 году. Это важно. Новый информационный мир диктует свои условия. Сначала сайт, анкеты, и уже потом учредительное собрание.

В ноябре 2013 года в Брюсселе состоялось первое общее собрание зарегистрированных пользователей этого веб-сайта, которое открыло путь к официальному созданию МСАА как международной некоммерческой ассоциации в соответствии с законодательством Бельгии. Поддержка приезжающим была минимальна, тем не менее на учредительном собрании в Брюсселе в 2013 году присутствовали Андрей Аникеев и Николай

Бобылев. На собрании Андрей Аникеев спрашивал одного из экспертов еврокомиссии, зачем нужно создавать новую организацию, когда уже есть успешно действующие — например, программа выпускников фон Гумбольдта. На это был получен ответ, что выпускники Гумбольдта — это немецкая программа, а МСАА — это общеевропейская программа.

Членство в МСАА является бесплатным и открыто для любого прошлого или настоящего исследователя программ Марии Кюри, то есть любого бывшего или нынешнего получателя финансирования по любой из схем, предложенных в рамках программы Европейской Комиссии Марии Кюри, которая поощряет международную мобильность среди исследователей.

Более 100 000 исследователей уже воспользовались программой, и это число быстро растет. Ассоциация управляется Советом, избираемым членами МСАА; небольшая группа членов Совета составляет Исполнительный комитет. Финансирование и поддержка МСАА обеспечивается Европейской комиссией (Генеральный директорат по образованию и культуре) в форме контракта на обслуживание, заключенного (после открытого тендера) с Подрядчиком (консорциум двух коммерческих компаний Inova + и Intrasoft International, в 2022 ожидается изменение подрядчиков), который предпринимает ряд действий, чтобы помочь в создании, развитии и управлении Ассоциацией. В частности, выпускники МСАА могут быть зарегистрированы на сайте, участвовать в ячейках по географическому принципу, коих на сегодняшний день 34, а также в различных группах по интересам, которых 9. В настоящей статье мы расскажем о Российской ячейке.

На сайте МСАА можно узнать, что 206 индивидуальных грантов были получены гражданами РФ, т.е. около 15 человек в год становятся стипендиатами (и регистрируются на сайте МСАА). Так как ассоциация объединяет около 10% от всех выпускников — можно предположить, что в целом для России цифры те же.

История создания Российской ячейки

Российская ячейка Ассоциации была создана в конце 2015 года по результатам конкурсного отбора, организованного Ассоциацией. Заявка на этот конкурс была подготовлена Николаем Бобылевым и содержала основы видения Российской ячейки Ассоциации как географически важного открытого региона. Учредительное собрание, как первое, так и все последующие, были проведены в г. Санкт-Петербурге или его окрестностях (в 2019 году в Петергофе). Ячейка была изначально заявлена как открытая русскоязычная платформа, приветствующая выпускников из разных стран, имеющих любое отношение к России

Фото 1. 20–22 октября была проведена первая встреча в Санкт-Петербурге в 2015 году в рамках Международного форума молодых ученых «Дни науки: новые материалы», г. Санкт-Петербург. Мероприятие проходило на Васильевском острове на площадке ЛЕНЭКСПО. Был проведен отдельный круглый стол выпускников программы МСАА.

Фото 2. В рамках форума был проведен отдельный круглый стол выпускников программы МСАА. На нем присутствовали А.В. Анিকেев, Б.А. Воронин и Н.Г. Бобылев.

или русскому языку. Такая стратегическая открытость позволила привлечь выпускников из разных стран, изначально около половины членов ячейки идентифицировали себя как постоянно не проживающие в России. Мы гордимся нашими членами от Армении до Шотландии. Отсутствие четких географических рамок было очень сильной стороной российской заявки и самого конкурса по созданию ячеек. Страны, где много стипендиатов (например, Италия), создали несколько равноправных региональных ячеек. Очевидно, что стратегическое видение и энтузиазм российских организаторов ячейки позволили объединить небольшое количество выпускников (около 40, сравните с Италией, где их около 700) и организовать интересную междисциплинарную международную работу. Российская ячейка Ассоциации и сейчас продолжает быть самой большой ячейкой по географическому покрытию.

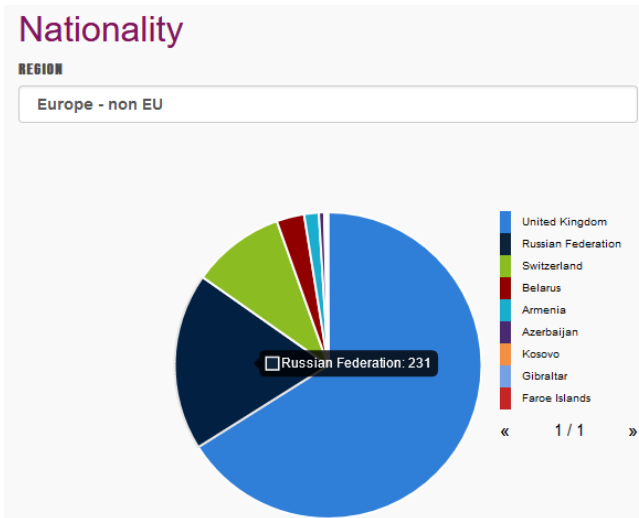

Рис. 1. На май 2021 года на сайте МСАА зарегистрирован 231 человек из России

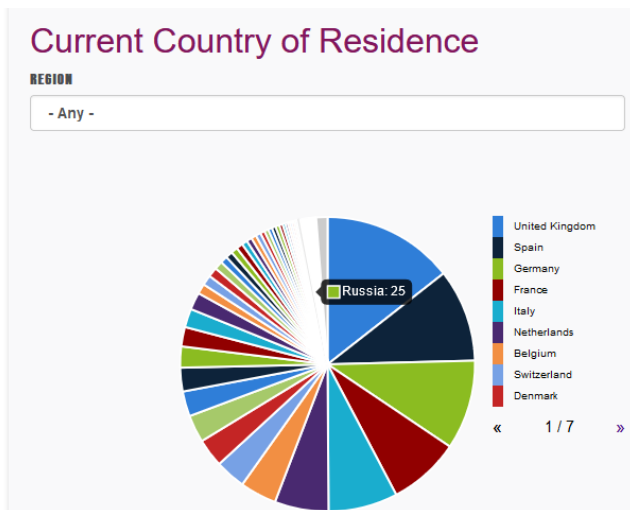

Рис. 2. На настоящий момент (май 2021 года) на сайте МСАА 25 человек указали, что они в России

Создание Российской ячейки имеет также важное политическое значение: ячейка предоставляет платформу высокого уровня для диалога с Евросоюзом. Мы гордимся тем, что наши стипендиаты организовали или были приглашены на несколько мероприятий высокого уровня, посвященных обсуждению политики в области науки и сотрудничества Россия — ЕС.

Необходимо немного рассказать про самых активных участников российской ячейки МСАА

Аникеев Андрей Витальевич, стипендиат программы Марии Кюри (2009–2011 гг.), кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник, федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера Сибирского отделения Российской академии наук» ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6200-9957>. Область научных интересов — физика плазмы, управляемый термоядерный, управление и научная политика. Грант МСА WWLC выполнялся в (2009–2011). В настоящее время заместитель директора проекта, Частное учреждение «Наука и инновации» (ГК «Росатом», Москва).

Бобылев Николай Геннадьевич, кандидат технических наук по специальности «Геоэкология», Санкт-Петербургский государственный политехнический университет, 2019, Сотрудничающий профессор, Университет Каназава, 2009, 2015, 2018, Фонд Гумбольдта, исследовательские стипендии, 2014, стипендия Марии Кюри, 2004, стипендия Японского общества продвижения науки.

Бойцова Ольга Владимировна, кандидат химических наук, старший научный сотрудник ИОНХ РАН. Руководитель индивидуального гранта Principal Investigator-IF (выполнялся 2015–2017). Область научных интересов — химия твердого тела, тонкие пленки и покрытия оксидных материалов.

Воронин Борис Александрович, председатель российской ячейки выпускников программы Марии Кюри в 2017–2021

годах, к.ф.-м.н., снс ИОА СО РАН им. В. Е. Зуева, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники», ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8743-5554>. В сферу научных интересов входят атмосферная спектроскопия, молекулярная спектроскопия, базы данных и наукометрия, теория вероятности. Грант МСА WWLC выполнялся в 2005–2007 гг. в UCL (UK) — фаза реинтеграции 2007–2008 Томск.

Лучкин Сергей Юрьевич, кандидат химических наук, научный сотрудник в Сколковском институте науки и технологий. Грант INT “NANOMOTION” FP7-PEOPLE-2011-INT-290158. <http://orcid.org/0000-0003-1923-7449>.

Развитие российской ячейки МСАА

2015

2015 год считается годом возникновения Российской ячейки выпускников программы Marie Curie. В 2015 году в Санкт-Петербурге состоялся первый круглый стол участников МСАА, где Н.Г. Бобылев прочел лекцию о работе рецензента и приглашенного редактора. А.В. Аникеев доложил о реформе РАН. Б.А. Воронин представил доклад об индексе цитирования и методике его повышения, по результатам доклада была опубликована статья (Воронин, 2016).

2016

В 2016 году вся ассоциация выпускников считалась волонтерской, что выражалось незначительной активностью как в большой ассоциации, так и в Российской Ячейке.

2017

В начале года в г. Саламанка (Испания) прошла Генеральная Ассамблея и ежегодная конференция, в которой принимал участие Николай Бобылев.

В феврале 2017 Борис Александрович Воронин был выбран председателем Российской ячейки МСАА, что дает членство в совете директоров с правом совещательного голоса. 18.09.2017 доцент АСУ, к.ф.-м.н. Борис Александрович Воронин принял участие в заседании совета Ассоциации. На заседании в г. Порту (Португалия) обсуждались текущие задачи и планы Ассоциации. Ежегодная встреча русской ячейки Ассоциации <https://www.mariecuriealumni.eu/groups/russian-chapter> прошла 22–23 сентября 2017 года в Санкт-Петербурге на которой принял участие заместитель директора Департамента науки и технологий Министерства образования и науки РФ Андрей Витальевич Анিকেев.

Фото 3. Ежегодная встреча русской ячейки МСАА в 2017 году прошла в историческом месте — малом конференц-зале здания Академии наук на Университетской набережной (Санкт-Петербург).

2018

В 2018 году Генеральная Ассамблея и ежегодная конференция проходила в одном из старейших университетов Бельгии в г. Лёвене. Борис Воронин на совете обратил внимание на

довольно небрежную работу ассоциации со спонсорами. Так, разное число спонсоров было упомянуто в разных местах, на раздаточном материале, на плакатах, на сайте, без учета их вклада и пр. После этого советом была проведена большая работа, и предложена целая структура и различные преференции, которые предоставлялись спонсорам, как и в олимпийском движении.

2019

В 2019 году Генеральная Ассамблея и ежегодная конференция прошла в университете города Вены (Австрия). Весной 2019 года вышла заметка в журнале ассоциации о Борисе Воронине и российской ассоциации (Воронин, 2019).

14–17 мая 2019 года в г. Сочи в Образовательном центре «Сириус» проходили III Международная конференция «Наука будущего» и IV Всероссийский форум «Наука будущего — наука молодых». 16 мая в рамках форума с участием представителей российской МСАА (Аникеев, Бойцова) прошел круглый стол под названием «Об организации взаимодействия с научной диаспорой», его модератором выступил первый заместитель Министра науки и высшего образования Г.В. Трубников. Участниками круглого стола были как представители Минобрнауки России, так и российские ученые, в том числе работающие за рубежом и активно взаимодействующие с российскими исследователями, научными организациями и университетами. На круглом столе участники обсудили актуальные вопросы международного сотрудничества в научно-технической сфере, в том числе о сетевых формах взаимодействия, о привлечении представителей российской научной диаспоры к реализации мероприятий национального проекта «Наука».

В ходе круглого стола представители МСАА (Воронин, Бойцова, Лучкин) были приглашены в качестве экспертов на XIII научно-практическую конференцию «Научно-технологическое развитие Российской Федерации: реализация национального проекта «Наука»», прошедшую в Москве с 28 по 29 мая.

Фото 4. Круглый стол «Об организации взаимодействия с научной диаспорой» 2019. Сочи, «Сириус».

Председатель Российской МСАА Воронин Б. представил доклад о возможном вкладе сообщества выпускников международных европейских программ в реализацию нацпроекта «Наука». Особенно в докладе были подчеркнуты высокие экспертные навыки членов российской ячейки, представляющие огромный интерес для развития новых платформ компетенций исследователей, создаваемых на территории РФ.

На основании доклада дирекцией РИЭПП было предложено написать статью про международное сотрудничество, МСАА, ее плюсах и минусах. Такая статья вышла в журнале «Управление наукой и наукометрия» (Voronin, 2019). Традиционная встреча участников ассоциации прошла в июне 2019 года в г. Петергоф, в рамках научного симпозиума на физическом факультете Санкт-Петербургского университета.

Фото 5. 2019 год физический факультет СПбГУ, Петергоф, встреча ячейки МСАА.

2020

В 2020 году из-за пандемии впервые не прошла Генеральная Ассамблея и ежегодная конференция в Загребе (Хорватия). В сокращенном варианте она прошла позднее в Бельгии.

Выборы новых членов совета в прошлом году прошли впервые дистанционно. Представитель Российской Ячейки — Николай Бобылев, к сожалению, несмотря на то, что набрал максимальное число голосов за всю историю участия выборов в совет представителей России, в совет не прошел. В российской ячейке 39 человек, трудно конкурировать с ячейками в 500 человек.

В августе в Санкт-Петербурге прошла очередная встреча российской ячейки.

2021

Круглый стол «Transfer. Ученые, идеи, практики» совместно с российским сообществом стипендиатов Marie Curie прошел в феврале 2021 года в Санкт-Петербурге.

Весной 2021 года ЕС заключила новый контракт с обществом МСАА. Летом 2021 года председателем ячейки была выбрана и утверждена Ольга Бойцова.

Цели и задачи

1. Развитие науки международного сотрудничества в России.
2. Построение и развитие междисциплинарных и горизонтальных связей в науке.
3. Консалтинг. Работа с МОН.

За прошедшие несколько лет в российскую ячейку обращались несколько раз с целью разъяснения прав грантообладателя на пользование своим грантом. Как в РФ, так и в ЕС, с русскими учеными, и не только, случались казусы, когда администрация или научное руководство проекта или даже университета пытались распорядиться или же напрямую действовали по распоряжению средствами гранда. Разъяснительная работа с привлечением комиссаров ЕС и напоминание об обязательном аудите проекта остужало пылкие головы коррупционеров от науки. На личной практике известно, что по результатам аудита нецелевые средства необходимо возвращать в полном объеме. Для РФ это довольно редкая ситуация, но и для стран ЕС это тоже не частая практика. Российская ячейка МСАА всегда помогала членам своей группы и групп соседей в решении подобных проблем.

О вариантах развития

1. Установить/возобновить утраченные контакты с россиянами, не живущими на территории России, но

- прошедшими программу МС. Это интересно в рамках программы отслеживания карьеры и возможных жизненных траекторий молодых ученых и исследователей, получивших переподготовку самого высокого мирового уровня.
2. Разработать систему консультаций для тех, кто хочет участвовать в аналогичных программах (видео консультации, пособия, презентации). Транслировать информацию, которая поступает от Главной МСАА.
  3. Вступить в коммуникацию с представителями МОН (отделы международных связей университетов, Институтов РАН, НИИ) для популяризации МСАА как способа усиления мобильности молодых ученых по всему миру и как программы по повышению компетенции молодых исследователей в экспресс-режиме.

Можно отметить некоторые доклады на конференциях:

Voronin B.A., Boytsova O., Luchkin S., Shakalisava Yu., Bobylev N. Marie Curie Alumni Association MCAARussian Chapter 2020 (https://www.mariecuriealumni.eu/sites/default/files/posts/eu-russia_researchers_mobility_webinar_4_june_2020_programme.pdf и <http://mniop.ru/wp-content/uploads/2020/05/5.Boris-Voronin.pdf>)

Воронин Б.А. Ученый, общество, индекс цитирования // Междисциплинарный научный форум «Новые материалы». Круглый стол стипендиатов FP МСАА. 2015 год, октябрь.

Воронин Б.А. Скрытые резервы наукометрии в России (РИНЦ, WoS и др.) // XXXIII сессия Международной школы социологии науки и техники им. С.А. Кугеля. Программа. Научная политика: метрики, акторы и практики. 2017. 20–22 сентября. Санкт-Петербург. Россия. С. 10. Круглый стол стипендиатов Transfer 2. Scientists, ideas, practice FP МСАА. Доклад без опубликования тезисов.

Voronin B.A. «Russian cell MCAA in 2017–2018» report on a round table // July 18.07.2018 St. Petersburg, meeting of the Russian group of Marie Curie Alumni cell (St. Petersburg Branch of the Institute of History of Science and Technology. Vavilov, Russian Academy of Sciences), «Transfer 3. Scientists, ideas, practice».

Список литературы

Воронин Б. А. Анализ индекса цитируемости и методика его повышения // Доклады ТУСУР. 2016. Т. 19. № 3. С. 131–135.

Voronin B. Meet the chairman of the Russian Chapter // NEWSLETTER (МСАА). 2019. N. 4. P. 21-22. (ISSN 2663-9483)

Воронин Б.А., Анিকেев А.В. Анализ работы ассоциации выпускников программы Марии Кюри (Marie Curie Alumni Assosiation) как инструмента ЕС по работе с национальными научными диаспорами // Управление наукой и наукометрия. 2019. Т. 14. № 4. С. 504–522. (Voronin B.A., Anikeev A.V. Analyzing work from graduates of the Marie Curie alumni association as a tool for EU collaboration with national scientific expatriate communities // Science Governance and Scientometrics. 2019. V. 14. N 4. P. 504–522.)

SIX YEARS WORK RESULTS OF THE RUSSIAN CHAPTER OF MARIE CURIE ALUMNI ASSOCIATION (MCAA)

Andrey V. Anikeev,

Vice-director, Science and Innovation, Rosatom,
Moscow, Russia;
e-mail: aanikeev@ngs.ru

Olga V. Boytsova,

MSU, Moscow, Russia;
e-mail: boytsova@gmail.com

Nikolay G .Bobilev,

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia;
e-mail: n.bobilev@spbu.ru

Sergey Yu. Luchkin,

Skolkovo Institute of Science and Technology,
Moscow, Russia;
e-mail: useluch@gmail.com

Boris A. Voronin,

V. E. Zuev Institute of Atmospheric Optics of Siberian
Branch of the Russian Academy of Science;
Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics,
Tomsk, Russia;
e-mail: vba_iao@mail.ru

The article describes the history of the formation and development of the Russian Chapter of Alumni of the Marie Curie program. The current status of the group and the significance of its mission in terms of generating new world-class knowledge are indicated. The main directions for the development of the group both in Russia and on the international platform are proposed.

Keywords: alumni association, MCAA, international cooperation

УДК 2-335

DOI: 10.24412/2414-9241-2021-7-205-213

ВЕЧЕР ПАМЯТИ НИКИТЫ АЛЕКСЕЕВИЧА СТРУВЕ В ДОМЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ИМ. А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Татьяна Ивановна Ульянкина

доктор биологических наук,
главный научный сотрудник
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН
Москва, Россия
e-mail: tatparis70@gmail.com

90-летию со дня рождения Никиты Алексеевича Струве — выдающегося французского ученого русского происхождения, одного из учредителей Дома русского зарубежья в Москве, директора парижского русского издательства «УМСА-Press», был посвящен вечер его памяти и фотодокументальная выставка «Никита Алексеевич Струве: «...Я продолжу свою русскую судьбу!», состоявшиеся 16 февраля 2021 г. в Доме Русского зарубежья имени Александра Солженицына. Автор статьи знакомит с биографией Н.А. Струве и рассказывает о его роли в современной русской культуре. названы участники и организаторы мероприятия.

Ключевые слова: Н.А. Струве, Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, Русское научное зарубежье, династия Струве, эмигрантоведение.

16 февраля 2021 г. в Доме Русского зарубежья им. Александра Солженицына в Москве состоялся вечер памяти Никиты Алексеевича Струве (16 февраля 1931, Булонь-Бийанкур, Франция — 7 мая 2016 г., Париж, (Франция) — французского литературоведа, профессора Сорбонны и Парижского университета в Нантере (Нантер-ля-Дефанс), историка русской православной церкви, главного редактора журналов «Вестник русского христианского движения» и «Le messager orthodoxe», директора

парижского издательства «УМСА-Press» и русского издательства «Русский путь», переводчика, публициста, первого издателя произведений А. И. Солженицына на русском языке, исследователя проблем русской культуры и русской эмиграции.

Никита Алексеевич Струве (1931–2016)

В работе вечера принимали участие: директор ДРЗ (Дома русского зарубежья им. А. Солженицына) В.А. Москвин, директор Государственной публичной исторической библиотеки России М.Д. Афанасьев, российские учёные Л.И. Сараскина, о. Георгий Кочетков, поэты — Михаил Бузник, Виктор Леонидов, издатели, журналисты, сотрудники ДРЗ.

С французской стороны дистанционно с докладами выступили сотрудники Русского культурного центра А. Солженицына в Париже: Даниил Струве (Daniel Struve), Меланья Ракович–Струве (Melanie Rakovitch), Татьяна Викторова (Tatiana Victoroff), Наталья Шмеман (Natalie Schmeman), Франсуаза

Лесур (Franfoise Lesourd), Ив Аман (Yves Amant), Жорж Нива (Georges Nivat).

Сотрудники Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН: Р.А. Фандо и Т.И. Ульянкина присутствовали на вечере в качестве приглашённых гостей.

Хотя Никита Алексеевич Струве родился в русской эмигрантской семье, — его родители эмигрировали из России после 1917 года, — но в нём, как он сам любил повторять, не было ни капли русской крови (а только — французская, немецкая, шотландская). Прапрадед Н.А. Струве по мужской линии Василий Яковлевич Струве, будучи выходцем из Германии, стал астрономом-основателем Пулковской обсерватории. Дед — выдающийся общественно-политический деятель первой русской эмиграции, публицист, академик Пётр Бернгардович Струве (1870–1944) — политик и экономист, лидер кадетской партии. Отец — Алексей Петрович Струве (1899–1976, Париж), библиограф и антиквар. Мать — Екатерина Андреевна Струве (1896–1978) из старинного французского аристократического рода Катуар-де-Бюнкур, представители которого ещё в первой половине XIX века обосновались в России, где стали предпринимателями и меценатами. Георгий Львович Катуар был известным композитором, наставником Дмитрия Кабалевского.

Брат Никиты Алексеевича — протоиерей, врач, издатель Пётр (Алексеевич) Струве (1925–1968). Жена — Мария Александровна Струве (урожд. Ельчанинова; 1925–2020) — иконописец, общественный деятель. Сын — Даниил Никитич Струве (род. 25 июля 1959). Дочери — Бланина Никитична Струве-Лопухина (род. 25 июля 1959) и Меланья Никитична Струве-Ракович (род. 26 июня 1963), директор издательства и книжного магазина «УМСА-Press».

Окончив Сорбонну, Н.А. Струве уже с 1950-х годов НАЧАЛ преподавать там русский язык и литературу, вскоре став профессором университета. В 1963 году на французском языке вышла его книга «Христиане в СССР», посвящённая истории

Церкви при советской власти («Les chretiens en l'URSS»). Книга имела общественный резонанс во Франции и была переведена на пять языков. В 1979 году Никита Струве защитил докторскую диссертацию об Осипе Мандельштаме, изданную на французском языке Институтом славяноведения в Париже. В 1988 году она была опубликована. (Одиннадцать лет спустя её опубликовали в авторском переводе по-русски под названием «Осип Мандельштам: его жизнь и время».) В том же 1979-м году Н.А. Струве стал профессором другого французского университета — Университета Париж X — Нантер, где впоследствии возглавил кафедру славистики. Н.А. Струве был переводчиком-переводил на французский (многие) стихотворения многих русских поэтов: Пушкина, Фета, Лермонтова, Ахматовой. Вскоре он выпустил двуязычную антологию русской поэзии Золото-го и Серебряного веков с собственными переводами стихотворений на французском языке.

Большое влияние на Никиту Алексеевича Струве как исследователя истории русской культуры оказало его личное общение с Иваном Буниным, Алексеем Ремизовым, Борисом Зайцевым, Семёном Франком, а впоследствии с Анной Ахматовой и Александром Солженицыным.

В 1978 году Н.А. Струве возглавил старейшее русскоязычное европейское зарубежное издательство «YMCA-Press», где публиковались произведения, запрещённые к изданию и распространению в СССР. В начале 1970-х годов именно в этом издательстве там, благодаря Никите Алексеевичу, впервые на Западе были опубликованы романы Александра Солженицына «Август 14-го» и «Архипелаг ГУЛАГ».

Впервые Н.А. Струве приехал в СССР в сентябре 1990 года. Тогда он привёз с собой и передал Библиотеке иностранной литературы в Москве (ВГБИЛ) большую коллекцию книг издательства «YMCA-Press» (около 40 тысяч экземпляров) для распространения и передачи книг в дар библиотекам России. Библиотека ВГБИЛ организовала большую выставку

«самиздатовской» литературы, среди которых были произведения А.И. Солженицына и труды русских религиозных философов, изданных в парижском издательстве «УМСА-Press» и оказавших заметное влияние на взгляды советской интеллигенции. При выставке работали читальный зал и книжный магазин, где впервые можно было открыто читать и приобретать запрещённые прежде книги богословов, философов, писателей, политических и военных деятелей. В 1991 году решено было открыть филиал «УМСА-Press» в Москве. Так возникло совместное предприятие, названное в духе традиций эмиграции «Русский путь» и продолжавшее традиции парижского издательства «УМСА-Press». В 1995 году значительную часть рукописей, писем и автографов русских поэтов и писателей Н.А. Струве из своего архива передал в Москву в Библиотеку-фонд «Русское зарубежье», соучредителем которого стал в этом же году.

В первые годы ведущим направлением деятельности «Русского пути», наряду с изданием книг, было открытие «ИМКовских *временных* читальных залов и передвижных выставок в разных городах России, стран СНГ, Прибалтики и Восточной Европы. К лету 1995 года в Российской Федерации было проведено свыше сорока таких акций. «Русский путь» стал своеобразным проводником, который могли использовать эмигранты для передачи в Россию книг, периодики, архивных материалов. Возникла необходимость создания в Москве специального центра «Русского зарубежья» с надлежащими условиями хранения передаваемых ценностей. Благодаря совместным усилиям Правительства Москвы, Русского общественного фонда Александра Солженицына и «УМСА-Press», в июле 1995 года была образована Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», ставшая вскоре одним из крупнейших культурных, просветительских и научно-исследовательских центров страны и главным партнёром издательства «Русский путь» (полностью — ЗАО «Издательство „Русский путь“», в 1997 году реорганизовано в закрытое акционерное общество). Среди основных

направлений издательства — исторические исследования и мемуары, художественная литература и литературоведение, богословие и философия, военная литература, словари, библиографии, справочники, литература по искусству.

Никита Алексеевич Струве был хорошо знаком с работами нашего института — Института истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова РАН (ИИЕТ РАН). В июле 2000 года ИИЕТ вместе с Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина, Институтом Российской истории РАН и Библиотекой-фондом «Русское Зарубежье» организовал и провёл международную научную конференцию «Культурное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940 гг.)» (29 июня — 2 июля 2000 г.). В состав Оргкомитета вошли: В.А. Москвин, Н.А. Струве, Г.М. Бонград-Левин, Н.А. Николюкин. Конференция проводилась при финансовой поддержке Гранта Президента Российской Федерации и Российского Гуманитарного Научного Фонда (Грант № 00-01-14021г.). На конференции выступили сотрудники ИИЕТ РАН: В.П. Борисов («Неопубликованные письма П.Л. Капицы английскому физическому Стонеру»), В.А. Волков («Трагические судьбы физико-химика Г.Н. Антонова и металлурга Н.Т. Беляева»), Л.В. Чеснова («Член Королевского общества Великобритании — лорд Б. Уваров»), В.Р. Михеев («Авиаконструктор М. Воеводский»), и Р.М. Южаков («Русское православие в Англии. Николай Зернов и Антоний Сурожский»). Т.И. Ульянкина была включена в состав Исполнительного комитета конференции и открывала конференцию докладом «Опыт изгнания: русские учёные-эмигранты в Великобритании». Доклад Н.икиты Алексеевича Струве в качестве профессора Парижского университета на конференции был посвящён «Православию в Англии». В рамках работы форума (все) его участники посетили Кабинет русского философа-эмигранта Николая Михайловича Зернова во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы (ВГБИЛ) в Москве и Музей-квартиру поэта Бориса Леонидовича Пастернака в Переделкино

(Подмосковье). Материалы конференции были опубликованы в издательстве «Русский путь» в 2002 году: «Культурное и научное наследие Российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.)». М.: Русский путь, 2002 (Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: Материалы исследования; Выпуск 3).

Никита Алексеевич Струве побывал более чем в 70 российских городах, где читал лекции в вузах, библиотеках, встречался с представителями духовенства. При его содействии в городе Ливны Орловской области был создан музей Сергея Булгакова, а в городке Торопец в Тверской области ежегодно проводятся научные чтения памяти патриарха Никона. Он был членом По-печительского совета Свято-Филаретовского православно-христианского института (СФИ). Институт был основан в 1988 г., в Москве (по адресу: Покровка, дом 29) священником Георгием Кочетковым, ставшим профессором и первым ректором СФИ.

В 1999 году Н.А. Струве был награжден Государственной премией Российской Федерации в области литературы и искусства за свою просветительскую деятельность, за сохранение и пропаганду культурного наследия русского зарубежья в России.

3 марта 2008 года Н.А. Струве наградили медалью Пушкина за большой вклад в укрепление российско-французского сотрудничества в области культуры и образования. Этой медалью награждаются российские и иностранные граждане в знак признания их деятельности в области культуры и искусства, просвещения, гуманитарных наук и литературы, за большой вклад и содействие в изучении и сохранении культурного наследия. 12 декабря 2011 года Н.А. Струве был награжден медалью «Спешите делать добро», врученной от имени Уполномоченного по правам человека в РФ.

Хотя Никита Алексеевич Струве оставался гражданином Франции, он был русским интеллигентом в лучшем значении

этого слова, человеком, исповедовавшим высшие духовные ценности. Никита Алексеевич оставил после себя огромное по объёму и глубине наследие. Он прожил долгую счастливую жизнь, реали-зовав себя во многих областях науки, культуры и общественной жизни, и окружив себя надёжной семьёй, друзьями и коллегами. Можно быть уверенными, что имя Н.А. Струве войдёт в историю современной, обновлённой России. Через весь свой жизненный путь он пронёс огромный интерес к великой русской истории и культуре, неиссякаемый интерес к общению с русскими людьми.

Литература

Светлой памяти друга [о. Александра Шмемана : некролог] // Вестник РХД. — Париж. 1984. — № 1-2 (141) — С.15-17.

Незамеченный юбилей. К столетию со дня рождения Евгения Замятина (9.2.1884- 10.4.1937) // Вестник РХД. — Париж. 1984. — № 1-2 (141). — С.145-146.

От редакции: Памяти А. Д. Сахарова // Вестник РХД. — Париж. 1990. — № 1 (158) — С.3-4.

К столетию Бориса Пастернака (1890—1960). Анкета «Вестника» / Юрий Кублановский, Олеся Николаева, Ольга Раевская-Хьюз, Никита Струве (С.219-220), Борис Филиппов, Лазарь Флейшман // Вестник РХД. — Париж. 1990. — № 1 (158) — С.219-223.

Россия воскресла [после путча ГКЧП 19-21 авг. 1991 г.] // Вестник РХД — Париж. 1991 — № 1 (161) — С.2.

Письма С. Л. Франка к кн. Г. Н. Трубецкому / публ. и примеч. Н. А. Струве // Вестник РХД — Париж. 1990. — № 2 (159). — С.242-251.

Памяти отца Александра Меня (1935—1990) // Вестник РХД — Париж. 1990 — № 2 (159). — С.294-296.

Письмо о. Александра Меня к Н.А. Струве / публ. Н. Струве // Вестник РХД.— Париж. 1990. — № 2 (159) — С.297 : ил.

От редакции [в связи с событиями в Литве] // Вестник РХД. — Париж. 1990. — № 3 (160)— С.3-4.

К столетию О. Э. Мандельштама (1891—1938). Анкета «Вестника» / С. С. Аверинцев, Борис Гаспаров, Юрий Кублановский, Шимон Маркиш, Олеся Николаева, Никита Струве (201—202), Борис Филиппов, Григорий Фрейдин // Вестник РХД — Париж. 1990 — № 3 (160) — С.187-212.

MEMORIAL EVENING IN HONOUR
OF N. A. STRUVE IN ALEXANDER
SOLZHENITSYN HOUSE OF RUSSIA
ABROAD

Tatiana I. Ylyankina,

Ds in Biology, Principle scientific researcher of
S. I. Vavilov Institute for the history of science and technology of RAS,
Moscow, Russia
e-mail: tatparis70@gmail.com

The memorial evening and photodocumentary exhibition «Nikita Alexeevich Struve: “...I continue my Russian fate!”» in honour of the 90th anniversary of the birth of Nikita Alexeevich Struve, an outstanding scholar of Russian origin, director of the Russian publishing house in Paris «YMCA-Press», one of the founders of the Moscow House of Russia Abroad, took place on February 16, 2021 in the «Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad». The author of the article gives an overview of N. A. Struve biography and narrates about his role in modern Russian culture. The participants and organizers of the event are also mentioned.

Keywords: N.A. Struve, Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Russian Scientific Abroad, Struve dynasty, émigré studies.

**ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЕНОГО
И НАУЧНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ**

Международный ежегодник

ВЫПУСК 7 (37)

Подписано в печать 21.12.2021. Заказ № 44507

Формат 60 × 84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,44. Тираж 300 экз.

Отпечатано в ООО «Издательско-полиграфическая компания НП-Принт»